

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 3 (60) 2018

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,5 усл. п.л. Заказ № 1005.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая политика

- 7 Торкунов А.В. – Great Eurasian Power In The Whirlwind of Change: Russia's Mission in the 20th Century
- 16 Борисов А.Ю. – Закат единовластия: Америка в мире без гегемона
- 48 Ван Ли – An inquiry into China's alignment with Russia
- 59 Кудрявцева Е.П. – Первые российские консульства в Китае

Региональная политика

- 72 Гуськова Е.Ю. – Балканский опыт миротворчества в современных условиях
- 89 Муратшина К.Г., Табаринцева-Романова К.М., Мухамадиева Я.И. – Китайские мигранты в Италии: положительный опыт интеграции или источник проблем?
- 104 Шмелева Н.В. – Права человека и национальная безопасность: Франция в поисках решения миграционного кризиса
- 126 Гамбаров Г. Д. оглы – Regional anti-money laundering cooperation in the African Union

Незападный взгляд на мировую политику

- 139 Нурулла-Ходжаева Н.Т. – Деколонизация через новое понимание суфизма

- 161 Волгина Е.В. – От оптимизма к разочарованию: эволюция отношения индийского философа Свами Вивекананды к Западу

Мировая экономика

- 179 Евтодьева М.Г. – Сравнительный анализ отраслевых инновационных систем: Россия и Бразилия на рынке региональных самолётов

РЕЦЕНЗИИ

- 198 Бочарников И.В. – Острые грани современной мировой политики
- 210 Подберёзкин А.И. – Перспективный облик военной организации Российской Федерации
- 225 Катерный И.В. – Слишком много норм или слишком мало норм? «нормальная аномия» как новое определение современности

Table of Contents 3 • 2018

RESEARCH ARTICLES

World Politics

- 7 Torkunov A.V. – Great Eurasian Power in The Whirlwind of Change: Russia's Mission in the 20th Century
- 16 Borisov A.Y. – America in the World after Hegemony
- 48 Wan Lee – An inquiry into China's alignment with Russia
- 59 Koudryavtseva E.P. – Establishment of the First Russian Consulates in China in 1851–1852

Regional Politics

- 72 Guskova E.Y. – Balkan's Experience in Peacekeeping
- 89 Muratshina K.G., Tabarintseva-Romanova K.M., Mukhamadiyeva Ya.I. – Chinese Migrants in Italy: Positive Integration Experience or a Challenging Factor?
- 104 Shmeleva N.V. – Human Rights and National Security: France in Search of the Resolution of the Migration Crisis
- 126 Gambarov H.D. – Regional Anti-Money Laundering Cooperation in the African Union

Non-Western View on World Politics

- 139 Nurulla-Khodzhaeva N.T. – Decolonization Via New Understanding of Sufism

- 161 Volgina E.V. – From Optimism to Disappointment: The Evolution of Swami Vivekananda's Attitude towards the West

World Economy

- 179 Yevtodyeva M. G. – Comparative Analysis of Sectoral Innovation Systems: Russia and Brazil on the Regional Jet Market

BOOK REVIEWS

- 198 Bocharnikov I.V. – The Sharp Edges of Contemporary World Politics
- 210 Derbin E.A., Podberezkin A.I. – The Future Image of the Military Organization of the Russian Federation
- 225 Katernyi I.V. – Too Many or Too Few Norms: «Normal Anomie» as a New Definition of the Present Times

GREAT EURASIAN POWER IN THE WHIRLWIND OF CHANGE: RUSSIA'S MISSION IN THE 20TH CENTURY

A.V. Torkunov

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article addresses the issue of historical context of the Russian foreign policy and its practical implications. The author points out that the current political developments within the international system cannot be understood properly without assessing the historical trajectory of the Russian identity. The article divided into three parts that demonstrate the importance of the contextual approach to the Russian foreign policy. The first part deals with the changes in international power balance and the need to conceptualize the new normal without suppressing opposing narratives. The second part assess the practical consideration of such a conceptualization with the aim of mitigating the current tensions between the Russian Federation and the Western states. The third part presents an overview of the Russian approach towards long-term international stability, distributional international justice and mutual respect. The author concludes that profound change in the international system did not bring considerable alteration in the Russian strategic culture and strategic vision. The article also reassesses the widespread idea of colonialism as the core elements of the Russian strategic thinking. The historical context of the Russian foreign policy proves the opposite view that the vision of self in Russia is much more about bridging the gaps and facilitating mutual dialog. Moreover, the author believes that the main reason for that approach is the relatively stable international position of Russia (in terms of centuries, rather than decades).

Key words: foreign policy, historical mission, Russia, mutual dialog.

УДК 397

Поступила в редакцию 18.04.2018 г.

Принята к публикации 13.06.2018 г.

The world does not stand still. It may prove to be notoriously difficult even for most international experts and analysts, let alone ordinary people, to fully comprehend current developments. Nowadays we do not always have enough time to rise to international challenges posed by controversial trends and yet-to-be-seen implications. Despite new remarkable traffic speeds, much faster information flows and an accelerated pace in technological development compared to twenty years ago, the world – paradoxical as it may seem – is increasingly characterized by unresolved, if not fundamentally unsolvable, global problems, be it in the Middle East, the Korean Peninsula, the Afghan-Pakistani region or Ukraine. World politics appears to be embracing a new *modus vivendi*, which implies living next to a ticking time bomb.

This may have come as a counter-reaction to the West's ill-fated strategies and misadventures in Kosovo, Iraq, Libya, Syria, and Ukraine, which seriously destabilized European and global politics. With TNC's selfish interests unquestionably prevailing over longer-term interests of the rest of mankind, high levels of political tolerance to real and potential threats may serve as an instrument of preserving «short-term», or «immediate», stability. Hence, there is no consensus on how to approach such global issues as terrorism and migration, which is compounded by the lack of political will and – let's be honest – of *some basic professional skills*. Much needed solutions do not materialize, and legal documents are not properly drafted or executed with previously adopted international norms and regulations inevitably becoming old dinosaurs. At the same time, the international legal fabric designed to address current and future problems is merely riddled with legal gaps and vacuums. All this gives rise to a sad phenomenon yet to be grasped, namely the decline of international norms and a partial comeback of the rule of force in world politics. International elites' slow response to negative trends and challenges coupled with the inexorable degradation of norms appear as an iconic recent trend.

The post-1991 profound changes, in one way or another, impacted most countries and regions and exerted an influence on virtually every aspect of global relations at large. Paradoxically, unlike many earlier periods, the current historical context has yet to be profoundly conceptualized [5]. This may be the next stage in the ebb-and-flow pattern following intense foreign policy debates in the 1990s and the early 2000s. As early as the middle of the first decade of the 21st century, most of these «grand narratives», however, had proved to be operationally inadequate and prone to becoming methodologically obsolete at a breakneck speed. It may be premature to give an overall – positive or negative – assessment of today's developments, as their outcomes may not become perceptible until sometime in the remote future. Nonetheless, it is becoming obvious in the second decade of the 2000s, that the 70-year long period, comprising the 1940s – 1980s Cold War phase and the post-communist transition phase, has ended [8; 13]. The world is on the threshold of embracing a new paradigm. The general characteristics of this paradigm are already apparent today.

Despite all the controversy surrounding current patterns of social development, one can notice a more or less clear trend. *Cultural and civilizational differences* increas-

ingly add up to traditionally uneven socioeconomic development at the national and regional level. They have always existed, but they were largely suppressed or sidelined on a regular basis amid a bitter bipolar confrontation. Now we are increasingly aware of the fact that the world system comprises not only different economic and political regimes but also *various cultures, civilizations, values, and ideologies*. Far from being peaceful, at times, the coexistence of cultures, unfortunately, appears to be evolving in line with the rather gloomy forecasts of Samuel Huntington and Francis Fukuyama about «the clash of civilizations» and «immense wars of the spirit» respectively. It allows a sufficient degree of objectivity while determining a sort of cumulative effect in world politics. The endless «rich vs. poor» war, pitting «the golden billion» against «the rest», has started to be complemented by the confrontation along cultural fault lines, with material factors receding into the background.

The history of international relations, especially in the 20th century, is replete with examples of how incompatible values and clashing ideologies provoked political disputes often degenerating into armed conflicts or wars. Actually, fundamentally incompatible ideologies, opposing values and rival social systems could, in essence, be blamed for triggering violence in the form of the Second World War and the subsequent Cold War characterized by numerous local conflicts in the bipolar world's periphery. Therefore, the stronger and closer the interdependence between various traditional and nascent modernist societies in the shrinking world, the more dangerous the emerging world order will obviously be. Unsettled regional crises and conflicts; vast territories affected by poverty and backwardness; unavoidable costs of globalization and modernization; mass migration; rising extremism; nuclear proliferation; yet-to-be-seen and potentially dangerous consequences of scientific and technological progress and others – all of these phenomena need to be looked at not only through conventional socioeconomic lenses, but also through the prism of *different civilizational and cultural factors* always determining the development of various countries and regions.

The need to contextual approach to Russian policy

History is *continuous*; it has no definitive starting point and no end. Thus, examining a set of separate pieces of evidence and isolated facts, which, by the way, typifies the *Western*, rather than Asian, *way of thinking*, tends to foil any attempts to comprehend history. Specifically, using this approach, we are bound to get a distorted picture of what is going on. Any more or less objective evaluation of the current situation should rely on basic knowledge about the world, one's country, its past or present. As of now, the task of forming socio-economic and historical background, which would fully reflect the richness of historical and cultural experience of states and nations, lies behind us. This is fully relevant to studying Russia's rich history.

Few can question the impact of Russia's developments on the entire history of the 20th century and on virtually all countries and peoples on Earth, even the most remote ones. In a similar way, few, except a handful of irresponsible opportunists, will take the

liberty of dismissing the role and significance of Russia in the modern world, its influence on regional conflict-resolution and on the global balance of power, and its contribution to international peace and security [12]. However, one should admit that even Russians – given some public debates – sometimes have a rather rudimentary knowledge of history and of the country's civilizational identity – not to mention foreigners! Quite a lot of them have a rather vague idea of the centuries-long history of the great Eurasian power amid the wave of wholesale historic transformations.

Pluralism and diversity, which are a driving force of steady socioeconomic progress, cannot alone help us to acquire a full understanding of ourselves and the world around us. People are largely unaware of how the modern international system, marrying both global and purely *national* trends, functions. In some states globalism and nationalism coexist *for centuries* without merging or forming a coherent and cohesive whole, thus provoking occasional crises and wars [4]. This is exemplified by Russia entering the First World War. All this exerts a profound influence on the international standing of relevant countries, their international behavior and, thereby, the global system at large. That is the reason why we feel a compelling need for *an inclusive intelligent dialogue or a really candid and friendly exchange of perspectives on a global scale*. Apart from being politically unbiased, it should be based on comparing rather than contrasting values.

Understanding the position of the other is essential to any constructive dialogue. Unlike in the late 20th century and the early 21st century, the apparently forgotten notion of *state sovereignty* seems to be re-emerging and gaining momentum, with nation-specific development prioritized over global formats. The image of globalization as the triumph of the liberal democratic world order gravitating towards the global free trade system has lost its lustre and faded as a result of the recent developments on the world stage. The scenario of continuous and endless integration – «the integration of integrations» – has gradually evolved into a good cause, which, if prematurely implemented, can be toxic and fraught with potential danger [2, p. 41]. It begs the question which great power – Russia, the United States or China – would subordinate its vital security interests to the UN or the its allies. It also invites another obvious question – which of the mentioned states would refrain from using military force to ensure security if all other mechanisms and tools proved inefficient?

However, history shows that such seemingly easy questions may become awkward, tricky, and difficult to answer when the situation is complicated by opportunistic decisions, historical, and cultural factors.

Historical roots of foreign policy vision

Should one look at the map of Russia through eyes of an ordinary Westerner with little knowledge of Russian history, it would be clear why the anti-Russian propaganda spread by some Western media and analysts may sometimes bear fruit. Even following the collapse of the Soviet Union, the largest state in the world straddling two continents and spanning eleven time-zones, has been «hanging» over the «defenceless» Europe

like a giant glacier, allegedly imperilling its security and prosperity. The very size and geographical location of our country makes it the most convenient target to portray as an imminent threat to Western civilization. It has been used as a tool to secure Westerners' consent to ever-growing military expenses, American boots on the European ground, the eastward expansion of NATO, the deployment of the US missile defence system in Eastern Europe, the agreement to the policy of sanctions, etc. In this sense, it should be recognized that debunking plentiful historical myths about our country is a challenging task, because «the one who wants to believe will believe». However, it is worth listening to the opinion of some renowned Western historians to start remoulding this undoubtedly superficial opinion.

In order to understand Russia's history and foreign policy we should consider some of the basic *security concerns* of a country, which lies on a vast continental plain and has few natural borders. George Kennan's famous Long Telegram mentioned Russia's strong concern about state security. Today such prominent British historians as Robert Massie, Philip Longworth, and Peter Hopkirk point out the same thing. It was neither the voracious appetite for foreign «goods» nor the grand design to proselytize the indigenous population whatever it costs, which forced Russians to explore the vast Siberian territories and «open» the exits to the Baltic and Black Seas, as well as to the Pacific Ocean, or to expand its borders in Central Asia. It was the vital interest to ensure the nation's survival. For good reason, Longworth prefers the word «development» to «colonization» to describe Russian policy stressing that «the Russians did not have the feeling of national superiority or racial prejudice». It is revealing that this British author believes that the current tensions between Russia and the West are rooted in the attempts of the latter to apply its «a priori theories» to «the country and people incomprehensible to the West» [9, p. 135, 322].

Peter Hopkirk belongs to Western historians who refrains from making a priori assumptions and judgments. He came up with the idea of the «Great Game»¹. «After all, it was no more than the other European powers were doing [...] Just as the Baltic was Russia's Achilles' heel in the event of trouble with Britain, it had long been obvious that the latter's most vulnerable point was India. Therefore, to have bases in Central Asia from which its frontiers could be threatened greatly increased Russia's bargaining power» [7, p. 32]. Let us give a frank answer to the question. Could the policy of a great Eurasian power in the age of «classical imperialism» have been anything but *imperialistic*? It may have been. However, in this case the fate of once-mighty empires of the East, including India, China, Persia, which were torn apart by the West, would undoubtedly have awaited Russia, a multinational and multi-confessional country possessing the richest natural resources. Russia would not have made its substantial contribution to world cultural and scientific heritage of the 19th and 20th centuries. And, most importantly, a powerful consistent advocate of peace – consider the Hague Conventions,

¹ The way the famous British historian interpreted the well-known Anglo-Russian confrontation in Asia suggests that the «Great Game» evolved into the Cold War in the 20th century, then into the Perestroika, followed by the Russian reset (aka «overload») and the current contradictions between Russia and Anglo-America.

peace conferences of 1899 and 1907 - would have disappeared. Moreover, it maintained the balance of power in Europe until the outbreak of the First World War...

Nowadays, just like in the times of Churchill's notorious Iron Curtain Speech, many Western leaders demonstrate an astonishing lack of strategic *empathy*, an ability to grasp the position of Russia and its security concerns. Back then, instead of post-war cooperation with the Soviet Union, the West triggered a Cold War, as it tried to rely on its a priori assumptions. Curiously, being a far-sighted politician, Churchill apparently realized that he had gone to extremes and tried to mitigate the effect. At the closed briefings for journalists, he stressed that the speech was not in any way aimed at challenging or being hostile to the Soviet people. A few years later, being re-elected prime minister, he vainly tried to promote the idea of a new summit by writing in a message to the Soviet leadership on July 4th, 1954, that his only goal would be «to find a reasonable way to live side by side in an atmosphere of increasing confidence, detente and prosperity». Unfortunately, it took the two sides grave crises and violent conflicts to realize that they had reached a deadlock in the Cold War and needed a *détente* [11]. It was sheer luck rather than mutual restraint, which prevented a disaster.

The absence of dialogue and of attempts to understand each other engender an appealing, even if false, «simplicity» and, unfortunately, persistent stereotypes. After all, even the famous Brezhnev Doctrine is a construct comprising quotations, misunderstandings, and conjectures. In any case, it cannot in any way be viewed as revealing the essence or the trajectory of the Soviet foreign policy. If we approve of Berdyaev's idea of Russia as a messianic country, then remembering the 70-year history of the USSR, we will probably have to side with another Russian «prophet», Petr Chaadaev, who believed that Russia was destined «to teach the world some great lesson» [3, p. 32]. Recalling the sad fate of the Union, one could ask if it is a lesson not to learn. However, no, this is not quite the case! The modern world inherited the institutional system set up during the Cold War and created by the mighty Soviet Union. It is a system, which allows maintaining peace amid escalating international situation. It is this institutional potential inherited by Russia from the former USSR, in particular, its permanent membership on the UN Security Council that protected it from a back seat in world politics. Such a decline would have been fraught with irreparable consequences.

The international security regime is hard to imagine without Russia. The potential withdrawal of our country would render the multilateral agreements on weapons of mass destruction null and void and would undermine the treaty system countering WMD proliferation. The global anti-terror campaign would misfire, if not prove entirely toothless, without Russia. Our country is obviously a centre in the multipolar world and has always been one, even after the collapse of the USSR [10]. Therefore, speaking about its «mission» throughout times, epochs, political systems, ways and manners, it is necessary to recall the name of Fyodor Dostoyevsky rather than Petr Chaadaev [6].

In his famous Pushkin Speech, our great compatriot Fyodor Dostoyevsky said that «beyond all doubt, the destiny of a Russian is pan-European and universal», and that «to be a true Russian does indeed mean to aspire finally to reconcile the contradictions

of Europe» [1, 147-148]. The concept of «universal justice» may be inherent in our mentality like in no other. Disregarding this circumstance and the fact that we have sometimes paid a dear price for our unusual generosity and the readiness to respond to whatever is needed (Afghanistan), one cannot correctly comprehend the Soviet foreign policy in the twentieth century. How miserable in this case are the attempts of some Western politicians to equate Soviet communism to German Nazism! The Soviet empire, as it is now called, was, in fact, «an empire the other way round». Instead of seizing someone else's possessions, it mostly preferred to give its own, which may have brought its end closer. One should not forget, however, that attempts to fulfil its truly global mission were not the history of failure, but they also resulted in great achievements and triumphs, like the victory over Nazism and the first manned flight, the contribution to the maintenance of universal peace, to the elimination of colonialism, to the reduction of WMD arsenals, and to highlighting the socio-economic aspect of the notion of «human rights» on the global agenda.

References:

1. Dostoyevsky F.M. *Complete collection of works*. Vol. 26. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 518 p. (in Russian)
2. Efremenko D.V. Rozhdenie Bol'shoj Evrazii [The birth of Big Eurasia]. *Russia in Global Affairs*, 2016, no. 6, pp.28-45 (in Russian)
3. Chaadaev P. *Selected works and letters*. Moscow, Pravda Publ., 1991. 560 p. (in Russian)
4. Barkey K., von Hagen M. *After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires*. New York-London, Routledge Publ., 1997. 208 p.
5. Barnett R.J., Cavanagh J. *Global dreams: Imperial corporations and the new world order*. Simon and Schuster, 1995. 480 p.
6. Grant J. Crossing the Eastern Divide: Western Civilization and Islam in the Views of Chaadaev and Gokalp. *History Compass*, 2005, vol. 3, no.1, pp. 1-7.
7. Hopkirk P. *The Great Game. On Secret Service in Central Asia*. London, John Murray Publ., 2006. 592 p.
8. Kupchan C. A. After Pax Americana: benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity. *International security*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 40-79.
9. Longworth, Ph. *Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin*. London, John Murray Publ., 2005. 416 p.
10. Makarychev A., Morozov V. Multilateralism, multipolarity, and beyond: A menu of Russia's policy strategies. *Global Governance*, 2011, vol. 17, no. 3, pp. 353-373.
11. Nye J.S. Nuclear learning and US-Soviet security regimes. *International Organization*, 1987, vol. 41, no. 3, pp. 371-402.
12. Tsygankov A.P. Self and other in international relations theory: learning from Russian civilizational debates. *International Studies Review*, 2008, vol. 10, no. 4, pp. 762-775.
13. Turner S. Russia, China and a multipolar world order: The danger in the undefined. *Asian Perspective*, 2009, Vol. 33, №1, pp. 159-184.

About author:

Anatoly V. Torkunov – Doctor of Science (Political Science), Member of the Russian Academy of Science, MGIMO-University Rector. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА В СРЕМИТЕЛЬНО МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: МИССИЯ РОССИИ В XX СТОЛЕТИИ

А.В. Торкунов
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-7-15

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается вопрос об историческом контексте российской внешней политики и его практических последствиях. Автор указывает, что недавние крупные события в сфере международных отношений нельзя понять адекватно без учёта траектории российской идентичности. Исходя из этого, статья разделена на три части, которые демонстрируют важность контекстуального подхода к российской внешней политике. В первой части рассматриваются изменения в международном балансе сил и необходимость концептуализации сложившегося положения, с учётом имеющихся различных взглядов и подходов. Во второй части автор рассматривает практические соображения в контексте данной концептуализации, имеющие целью смягчение нынешней напряжённости между Российской Федерацией и западными государствами. В третьей части представлен обзор российского подхода к обеспечению долгосрочной международной стабильности, справедливости в широком смысле слова и принципу взаимного уважения государств.

Автор приходит к выводу, что глубокие изменения в международной системе не привели к значительным переменам в российской стратегической культуре и стратегическом видении. Статья также доказывает несостоятельность распространённой идеи об имплицитном колониаторстве как основном элементе стратегического мышления России. Исторический контекст российской внешней политики доказывает противоположную точку зрения, что российская идентичность гораздо больше связана с разрешением разногласий и созданием условий для взаимного диалога. Более того, автор считает, что основной причиной такого подхода является относительно стабильная международная позиция России (с точки зрения столетий, а не десятилетий).

Ключевые слова: внешняя политика, историческая миссия, Россия, взаимный диалог.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 518 с.
2. Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. №6. С. 28-45.
3. Чаадаев П.Я. Избранные работы и письма. М.: Правда, 1991. 560 с.
4. Barkey K., von Hagen M. After empire: Multiethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires. New York-London: Routledge, 1997. 208 p.
5. Barnett R.J., Cavanagh J. Global dreams: Imperial corporations and the new world order. Simon and Schuster, 1995. 480 p.

6. Grant J. Crossing the Eastern Divide: Western Civilization and Islam in the Views of Chaadaev and Gokalp // History Compass. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1-7.
7. Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in Central Asia. London: John Murray, 2006. 592 p.
8. Kupchan C. A. After Pax Americana: benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity // International security. 1998. Vol. 23. No. 2. Pp. 40-79.
9. Longworth, Ph. Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin. London, John Murray, 2005. 416 p.
10. Makarychev A., Morozov V. Multilateralism, multipolarity, and beyond: A menu of Russia's policy strategies // Global Governance. 2011. Vol. 17. No. 3. Pp. 353-373.
11. Nye J.S. Nuclear learning and US-Soviet security regimes // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. Pp. 371-402.
12. Tsygankov A.P. Self and other in international relations theory: learning from Russian civilizational debates // International Studies Review. 2008. Vol. 10. No. 4. Pp. 762-775.
13. Turner S. Russia, China and a multipolar world order: The danger in the undefined // Asian Perspective. 2009. Vol. 33. No. 1. Pp. 159-184.

Об авторе:

Анатолий Васильевич Торкунов – д.полит.н., профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России. 119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ЗАКАТ ЕДИНОВЛАСТИЯ: АМЕРИКА В МИРЕ БЕЗ ГЕГЕМОНА

А.Ю. Борисов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена анализу основных факторов формирования и эволюции мирового порядка после окончания холодной войны, распада СССР и выхода США на позиции державы-гегемона, архитектора однополярного мира.

Почему период американской гегемонии оказался столь неустойчивым и недолговечным? Что помешало США сплотить под своей эгидой других крупных игроков на геополитическом поле, включая Россию и Китай? Какие поучительные уроки прошлого из истории формирования миропорядка оставили без внимания в Вашингтоне? Эти и другие вопросы поставлены автором и на них дан обстоятельный ответ с привлечением как исторических, так и актуальных источников.

Автор видит свою задачу в том, чтобы рассмотреть основные события затронутой темы «на стыке эпох», при переходе от старого к новому состоянию международных отношений, когда начался закат американской гегемонии и обозначались контуры нового миропорядка. В этой связи интересен анализ добровольного перехода Великобритании во время Второй мировой войны на позиции «младшего партнёра» Вашингтона и формирование «особых отношений» в англо-саксонской семье после стольких лет британского имперского господства в мире. Имеет ли это значение применительно к сегодняшнему дню на фоне упадка Соединённых Штатов и сокращения их возможностей доминирования в мире?

Другой интересный вопрос, затронутый автором, касается упущенных возможностей США и СССР по кооперированию в рамках послевоенного мироустройства в духе геополитической схемы «великого замысла» президента Рузвельта, учитывающей интересы безопасности СССР. Историческая аналогия здесь очевидна. Если тогда конфликт между бывшими союзниками по коалиции привёл к холодной войне, то в наше время стремление США «поставить на место» Россию дало обратный эффект и возвестило закат однополярного мира. Не оправдались и расчёты США интегрировать в систему американского единовластия на правах «ответственного акционера», а проще говоря, зависимого партнёра, и Китай, использовавшего Вашингтон в интересах своей модернизации и вытесняющего его из сферы своего влияния в Азии. Основной вывод: однополярный мир не состоялся и идёт медленное, но неуклонное формирование не иерархическо-сословной, а более равноправной и сбалансированной миросистемы с элементами полицентричности, где явно просматривается конец эпохи единоначалия или традиционной смены одного гегемона другим.

Ключевые слова: миропорядок, однополярный, Хубрис, многополярный, полицентричный, гегемонизм, США, Россия, Китай, геополитика.

УДК 397

Поступила в редакцию 19.03.2018 г.

Принята к публикации 04.06.2018 г.

Вопрос о силах, формирующих мировой порядок, относится к числу ключевых в международных отношениях. От того, на какой основе строится миропорядок – на фундаменте международного равновесия или всевластии новоявленного гегемона, зависит состояние мировых дел, а нередко и ход самой истории. Ещё на заре французского абсолютизма с укреплением наций-государств принято было противопоставлять принцип «равный среди равных» (*parēs inter parēs*) принципу «первый среди равных» (*primus inter parēs*) в качестве политического выбора.

Из истории хорошо известны последствия того или иного рокового выбора политиков для судеб людей. В современном мире только ставки стали ещё намного выше. Вот почему тема схождения США с мирового Олимпа и создания вследствие этого новой, более равновесной системы вызывает повышенный интерес. Автор постарался проследить, пользуясь методом исторического анализа, объективные закономерности ослабления роли США в качестве мирового гегемона в период однополярного мира, допущенные ими стратегические ошибки и просчёты в отношениях с Россией и Китаем, повлекшие за собой глобальную перегруппировку сил в сторону создания многополярного мира.

«История не повторяется, но она часто рифмуется», как остроумно заметил Марк Твен. А от себя добавим, что исторические аналогии не редко бывают весьма поучительны.

Последний вице-король Индии лорд Маунтбэттон, перед тем как навсегда распрощаться с «жемчужиной британской короны», обретшей после Второй мировой войны независимость, посетил отца индийской нации Мохандаса (Махатму) Ганди. Видимо, не в силах сдержать переполнявших его чувств, он в ходе беседы со свойственным английскому аристократу высокомерием высказался в том духе, что после ухода англичан в Индии «воцариться хаос». На что его собеседник с присущим ему чувством юмора ответил: «Да, но это будет наш хаос» [11].

Хубрис – злой дух политиков

Сегодня в атлантических кругах на самых различных уровнях стало привычно слышать пропагандистскую мантру, что, мол, отказ Соединённых Штатов от глобального доминирования (вынужденный или добровольный) приведёт к катастрофическим последствиям для международных отношений и обернётся чуть ли не вселенскими беспорядками. Авторы таких прогнозов явно путают закат либерального миропорядка, созданного США после Второй мировой войны и легкомысленно приравненного с окончанием войны холодной к «концу истории», с мировым Апокалипсисом точно так же, как англичане в середине прошлого века не могли поверить, что подвластные им туземцы, сбросив «бремя белого человека», сумеют построить новую жизнь.

Можно сказать, что в истории международных отношений, особенно с появлением национальных государств, проблема мирового порядка со все-

ми его постоянными трансформациями, взлётами и падениями, сменой лидеров на протяжении веков являлась ключевой и системообразующей темой. Лучшие умы человечества мечтали об «идеальном» миропорядке, прежде всего, об исключении войн из жизни людей. Но действительность была иной. История миропорядка – это история, написанная кровью больших и малых войн, «борьбы престолов» за господство, триумфом победителей и трагедией побеждённых.

Одним из первых, кто вдохновился этой темой смены лидеров был греческий историк V в. до н. э. Фукидид, который исследовал историю Пелопонесских войн между Афинами и Спартой как неизбежный конфликт между восходящей и слабеющей державами, между противниками статус-кво и его охранителями. Согласно Фукидиду, «истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать». С лёгкой руки американского профессора Грэма Эллисона, этот эпический сюжет из античной истории получил современную окраску и стал широко известен под понятием «ловушка Фукидида».

Сама же тема смены мировых лидеров, упадка одних и восхождения к вершинам власти других неизменно с тех пор привлекает своих исследователей. Неслучайно Генри Киссинджер – патриарх американской дипломатии и исторической науки, как бы подводя итог своей долгой политической карьере, отдал должное этой теме и на закате жизни лаконично озаглавил свой фундаментальный труд «Мировой порядок». «Наш век настойчиво, а временами даже отчаянно, – пишет он, – пребывает в поисках концепции мирового порядка» [16].

Неужели за столько лет не удалось прийти к какому-то единому мнению на сей счёт? При всём многообразии исторических ситуаций и примеров, при всём богатстве исторического опыта нельзя сказать, что сегодня существует разделяемая всеми «волшебная формула» создания идеального миропорядка. Хотя из сопоставления исторических эпох, начиная с Pax Romana, со всей убедительностью следует, что выбор всегда был достаточно узким и определялся амплитудой между единовластием и равновесием сил. И то, и другое, как правило, сопровождалось отчаянной вооружённой борьбой за региональное или мировое господство, передел сфер влияния с последующими передышками в этой борьбе в результате перенапряжения сил и необходимости «залечивания ран».

Эта нескончаемая «игра престолов» приобретала особую остроту и непримиримость, когда облекалась в религиозные, идеологические одежды, когда корыстолюбие и алчность элиты переплетались с фанатизмом толпы. Тридцатилетняя война в Европе в XVII в. (1618-1648 гг.), внешне выглядевшая как конфликт на религиозной почве, порождённый Реформацией, между протестантскими и католическими государствами, а в действительности бывшая геополитической борьбой за господство между Францией и Священной Римской империей германских народов, унесла жизни четверти населения континента. Братоубийственная война завершилась знаменитым Вестфальским миром

(1648 г.), замирившим Европу на долгие годы впервые на основе «баланса сил», уважения чужого суверенитета и отказа от навязывания друг другу своих религиозных «ценностей» и вмешательства во внутренние дела [17].

Из опыта мировой истории со всей определённой следует, что наиболее шатким и недолговечным оказывался мир, когда его пытались создать под своей эгидой претендующее на роль гегемона государство, преследующее откровенно грабительские и захватнические цели в отношении соседей и конкурентов. После победы над Карфагеном Римская империя не имела себе равных в дохристианском мире, и, тем не менее, рухнула спустя несколько веков под грузом внутренних противоречий и внешних войн. Не помогло Риму и то, что спустя столетия станет называться превосходством над остальным миром, высоким уровнем военного и экономического развития, эффективной правовой системой в сравнении с окружающими варварами.

Римляне в назидание потомкам впервые обосновали само понятие «мировой порядок». У Вергилия в «Энеиде» римская идея представлена как задача дойти до предела земли и цивилизовать периферию, чтобы силой распространить мировоззрение Рима. Чем не сегодняшняя идея «демократизации» мира по-американски? Недаром в США в академических кругах традиционно любят проводить параллели между *Pax Romana* и *Pax Americana*.

Правда, прагматики-римляне сами многое почерпнули у своих предшественников – античных греков, особенно из их философского наследия. В греческой философии существовали две принципиальные категории – «космос», как понятие порядка, и «хаос», как олицетворение беспорядка. Эллинский мир – это мир порядка, гармонии, космоса. В противоположность ему – мир варваров, символ хаоса и беспорядка. История есть борьба порядка с беспорядком или как из хаоса возникает порядок, а эллинство побеждает варварство.

Можно сказать, что уже тогда на заре европейской политической мысли была заложена основополагающая идея исключительности и превосходства одних над другими в процессе миростроительства, получившая дальнейшее развитие в средневековой борьбе с ересью, миссионерской деятельности (прозелитизм), осуществлении колонизаторами «цивилизаторской миссии», а уже в наши дни в доктрине гуманитарного вмешательства и смены режимов средствами цветных революций.

Особая роль в истории принадлежала революциям и великим социальным потрясениям в становлении нового мирового порядка. Взрыв внутренних противоречий, согласно закону о связи внутренней политики с внешней, кардинально менял внешнюю политику революционного государства и неизбежно затрагивал всю систему международных отношений. Классическим примером была Великая французская революция, сломавшая вестфальский династический европорядок и погрузившая «Европу тронов» в кошмар войны с революционной Францией с последовавшей затем эпохой захватнических наполеоновских войн.

Собственно говоря, европейский порядок тогда и был мировым. Жестокое потрясение его основ заставило монархическую Европу после поражения Наполеона искать спасения в консервативной концепции «легитимизма», исходившей из незыблемости европейского порядка, построенного на основе Священного союза легитимных монархий и «концерта держав», победивших самозванца. Тем самым, с одной стороны, выносился вердикт непризнания европейского единовластия и восстанавливалась вестфальская система «баланса сил», что было выгодно, прежде всего, Великобритании, а с другой, вне закона объявлялась любая революционная смута и возникающий в её результате мировой беспорядок [21].

Великий немецкий провидец Гёте, успевший от восхищения перейти к разочарованию в Бонапарте, сумел заглянуть в следующий век в трагическое будущее немцев, когда оставил такие пророческие строки:

«Будь проклят тот, кого как вал,
гордыня буйства одолеет.
Кто немцем, будучи затеет,
что корсиканец затевал».

В Библии, кстати говоря, о греховности гордыни говорится более 50 раз, гордыня считается «князем грехов» и даже «первым грехом дьявола». Скорее всего, первые христианские евангелисты хорошо знали эллинские тексты, в которых упоминался высокомерный и буйный дух Хубрис, способный на безумные и губительные действия. Сегодня, в век новых опасных вызовов и «высокомерия власти» эта тема, как говорил о внешней политике США сенатор Уильям Фулбрайт, неожиданно стала весьма модной. Хубрис – равнозначен вынесению диагноза безответственным и непредсказуемым политикам, играющим судьбами человечества в ядерный век.

Бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Оуэн, врач по образованию, отойдя от дел, опубликовал книгу под характерным заголовком «Хубрис-синдром. Буш, Блэр и интоксикация власти», посвящённую анализу власти как источнику повышенной опасности в жизни лидеров и народов. По мнению Оуэна, дух Хубрис может вселиться в любого политического деятеля, даже демократически избранного. К таким он относил Тэтчер, Блэра, Буша. Сегодня к ним можно смело добавить Дональда Трампа, Терезу Мэй и, особенно, эпатажного Бориса Джонсона. Симптомы болезни – чрезмерная самонадеянность, нетерпеливость, непредсказуемость и отвращение к деталям, неумение слушать других. В современной философии понятие «Хубрис» используется для обозначения «предпороговых форм стихийных процессов, задающих неустойчивые параметры функционирования системы». Как считали древние греки, вслед за Хубрисом неизбежен приход Немезиды – богини возмездия. Судьба всех претендентов на исключительность, захваченных «гордыней буйства», была ярким тому примером [23].

В водовороте противоречий

Европейское равновесие, установленное на Венском конгрессе державами-победителями над Наполеоном, на удивление оказалось весьма прочным и помогло сохранить мир в Старом Свете почти на сто лет. Разумеется, если говорить об отсутствии общеевропейского конфликта, а не об ограниченных войнах, каких в этот период было предостаточно – от Крымской войны России до русско-турецкой и балканских войн. Во всяком случае, казалось, что ключ к крепкому мироустройству был найден и европейцы, пока ещё задававшие тон общемировой политике, вступили в новый век преисполненные оптимизма. Главный урок из прошлого заключался в важности поддержания «баланса сил» и умения вовремя разрешать возникающие противоречия дипломатическими средствами.

Между тем, в недрах мировой системы вызревали новые силы, недовольные сложившимся статус-кво. Тесно между собой переплетались и искали выхода экономические интересы, политические амбиции и гигантски возросшие военно-технические возможности великих держав. Объединённая Бисмарком Германия, как когда-то Франция Наполеона, сделавшая мощный рывок в развитии, претендовала на роль главной континентальной державы и тем самым вступала в смертельную схватку с «владычицей морей» – Великобританией. Происходила стратегическая перегруппировка сил и создание новых военных союзов – верный призраок назревающего военного конфликта. Его рамки впервые приобретали мировой характер, выходя за пределы старой Европы и вовлекая в свой водоворот Северную Америку и нового претендента на господство в Азии – императорскую Японию.

XX в. – «век волкодав», как окрестит его поэт Осип Мандельштам, может быть, самый жестокий и кровавый в истории, до предела обострит борьбу вокруг мироустройства и за лидерство в нём между главными акторами мировой политики. Настигшие австрийского эрцгерцога Фердинанда выстрелы в Сараево положат конец многолетнему европейскому равновесию и возвестят о начале первой глобальной войны за передел мира. К концу войны с победой большевистской революции в России, к геополитическим противоречиям воюющих держав добавятся и идеологические, мировоззренческие разногласия между ними. Впервые единый мир окажется расколот не только на воюющие группировки, но и на противостоящие общественные системы. В этих условиях приходиться к единому знаменателю при организации мира станет ещё труднее.

Это доказала на практике уязвимая система послевоенного мироустройства по итогам Первой мировой войны, получившая название по месту проведения двух международных конференций Версальско-Вашингтонской. По сути, тогда был приобретён печальный опыт того, как опасно допускать стратегические просчёты при создании послевоенного миропорядка. Сочетание алчности побе-

дителей – стран Антанты и примкнувших к ним в конце войны восходящих Соединённых Штатов и их коллективной идеологической непримиримости к новому игроку на мировой арене – Советской России закладывали семена будущего мирового конфликта.

Именно в отношении того периода позднее появится условное деление государств-участников мировой политики на «ревизионистов» и сторонников статус-кво [2]. Раздавленная войной Германия и обиженная державами – победителями в Версале, погрузившаяся в кошмар послевоенного экономического кризиса и обременённая огромными долгами, рано или поздно должна была вступить на путь реванша и сведения счётов с победителями. Дело было лишь за малым: появлением на исторической сцене харизматической личности, способной не только соответствовать интересам проигравшей германской элиты, но и увлечь за собой обещаниями чуда и «особой судьбы» германской нации разувевшиеся и отчаявшиеся миллионы немцев.

В свою очередь Советская Россия, обречённая на «историческое одиночество» и по идеологическим соображениям ставшая государством-изгоем в европейской семье и на некоторое время даже отлучённая от мировой политики, не могла принять активного участия в создании послевоенного мироустройства. В результате межвоенный период отличался исключительной неустойчивостью и по сложности и разноплановости межгосударственных противоречий, пожалуй, не имеет себе равных в международных отношениях ни до, ни после, что дало основание некоторым американским авторам даже рассматривать его в качестве одной непрекращающейся «европейской гражданской войны». Во всяком случае не провозглашённый Лигой Наций – несовершеннолетним детищем Версаля – принцип «коллективной безопасности» определял устои миропорядка, а старый как мир девиз «каждый за себя», чем не преминули к своей выгоде воспользоваться державы-агрессоры во главе с гитлеровской Германией.

Отсутствие скоординированных действий со стороны будущих союзников в борьбе с фашистской угрозой, и даже наивное стремление некоторых из них воспользоваться в своих интересах на определённом этапе гитлеровской агрессией, привели мир к роковому рубежу – появлению реального претендента на мировое господство, сумевшего на практике покорить почти всю Европу и реализовать программу «нового европейского порядка» в качестве прелюдии к «войне континентов» с Соединёнными Штатами. Злой джин был выпущен на волю, и потребовались сверхусилия и колоссальные жертвы, прежде всего со стороны Советского Союза, а также существенный вклад со стороны других участников антигитлеровской коалиции, прежде чем мир был восстановлен. В очередной раз авантюрное стремление к единовластию обернулось неслыханной трагедией в жизни миллионов людей, и чуть было не изменило необратимо ход исторического развития. История вновь с убедительной силой доказала, что любой миропорядок, построенный на власти гегемона, не является жизнеспособным и обречён на исчезновение.

Кому достался послевоенный мир? Как закладывались основы послевоенного мироустройства, получившие закрепление в так называемой Ялтинско-Потсдамской системе? Её влияние на современный мир сказывается и по сей день, несмотря на все попытки доказать, что время этой системы мироустройства, созданной на межсоюзнических конференциях в Ялте и Потсдаме в 1945 г. руководителями СССР, США и Великобритании Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, якобы «прошло» вслед за распадом Советского Союза [1].

Особенно ценным, с точки зрения нашего времени, являлся опыт согласования своих интересов ключевыми союзниками в войне – СССР и США. Впервые основой послевоенного международного равновесия могла стать кооперация двух основных победителей во Второй мировой войне при временном выпадении из международной системы побеждённых держав «оси» и серьёзном ослаблении других победителей из числа старых колониальных держав, прежде всего, Англии и Франции. Вопрос заключался в том, какого рода будут эти двусторонние отношения – построенные на силовом противостоянии с учётом новых вызовов ядерного века или на основе продолжения единогласия главных игроков, как и предполагал Устав принятой на конференции в Сан-Франциско новой международной организации – Объединённых Наций.

Всё зависело от того, удастся ли главным победителям преодолеть объективные геополитические и идеологические противоречия, когда объединяющий фактор общего врага и общей угрозы сходил на нет и нужно было найти новую основу для сотрудничества за рамками военного союза. Для Советского Союза и его руководителей, испытывавших законное чувство гордости великой победой, это означало ограничить свои амбиции в духе послевоенных революционных ожиданий и найти оптимальный баланс интересов между желаемым и возможным с точки зрения укрепления своей безопасности в Европе и на Дальнем Востоке. И прежде всего, исходить из приоритетности задач послевоенного восстановления огромной страны, понёсшей колоссальные разрушения и потерявшей миллионы человеческих жизней.

Надо сказать, что в целом сталинская внешняя политика, за исключением отдельных тактических ошибок и некоторых беспочвенных амбиций в тот переходный период, отвечала этим объективным требованиям и отличалась умеренностью. В то же время, реалистически мысля, никто не мог ожидать от государства-победителя отказа от закрепления в свою пользу итогов войны и согласия с восстановлением простого довоенного статус-кво, к чему стремились всю войну союзники СССР. Но это противоречило всем законам мировой истории и настроениям советского народа, заплатившего непомерную цену за победу [20].

Несостоявшийся мир

Из всех воевавших государств, пожалуй, наиболее серьёзные перемены произошли во внешней политике Соединённых Штатов. В американской историо-

графии принято считать, что в результате Второй мировой войны США перешли из разряда региональных в ранг глобальных держав. По существу, завершился тот долгий путь, начало которому было положено в 1871 г., когда бывшая английская колония по объёму промышленного производства обошла свою метрополию. Однако неуклонно растущая экономическая мощь ещё не вела автоматически к политическому и военному влиянию в мире, «где все места были заняты». Оставалось рассчитывать на естественное ослабление основных конкурентов по мере повышения собственных возможностей, прежде всего, военных и дипломатических. Именно поэтому американская экспансия в мире началась с лёгкой добычи – стран Латинской Америки и дряхлеющей испанской монархии, географически от Кубы до Филиппин.

В итоге Первой мировой войны США набрали ещё больший экономический вес, оставаясь до последнего момента в стороне от европейского конфликта. Но даже вступив в него «под занавес», не смогли оттеснить своих основных конкурентов – англичан и французов. Именно поэтому любимое детище президента Вудро Вильсона – Лига Наций – не нашла поддержки в американском Конгрессе. США не устраивал послевоенный статус-кво, и в тот межвоенный период их вполне можно считать «ревизионистской державой», заинтересованной не в сохранении статус-кво, а в изменении мирового расклада сил в свою пользу. Как показал опыт Великой войны, добиться этого можно было искусной дипломатической игрой на мировых противоречиях. Этим целям служила провозглашённая Вашингтоном внешне пацифистская политика «изоляциизма», невмешательства и нейтралитета, объективно подогревавшая мировые противоречия.

Отдадим должное и американским руководителям. В самый ответственный момент, когда у Соединённых Штатов появился реальный шанс стать сверхдержавой, у руля государства встал такой незаурядный политический деятель, каким был президент Франклин Рузвельт, большой мастер дипломатических манёвров и сложных политических комбинаций. В лице Сталина он нашёл равного себе по масштабу личности, интеллектуальной силе и умению договариваться партнёра. Объективно «большая тройка» антигитлеровской коалиции по мере приближения конца войны всё больше становилась советско-американским предприятием по послевоенному переустройству мира.

А что же Великобритания, совсем недавно ещё «мастерская мира» и «ладычица морей», долгое время не принимавшая всерьёз заокеанскую республику? С точки зрения сегодняшнего дня, эволюция отношений двух англосаксонских сестер имеет большое практическое значение. По существу, это был первый случай в истории, когда одна держава без борьбы, добровольно, хотя и стиснув зубы, под давлением обстоятельств уступала другой мировое лидерство. Легко себе представить, как переживал в душе родовой аристократ, наследник герцогов Мальборо премьер Уинстон Черчилль, когда после всех потрясений, выпавших в связи с войной на долю «коварного Альбиона», полушутя – полусерьёзно именовал себя «лейтенантом Рузвельта». Но что было делать? Не оправившаяся

ещё после первой мировой бойни и прямым, в результате близорукой политики правительства Н. Чемберлена, вступившая во вторую, Англия была банкрот и нуждалась в американской военной и финансовой помощи [22].

Если тогда это выглядело как временная рокировка влияния в «благородном семействе», то с годами приобрело новый смысл, как передача власти на Олимпе новой восходящей державе мирным путём, хотя и в специфических условиях военного и послевоенного времени. Во всяком случае, английский правящий класс, всегда отличавшийся большой расчётливостью и умением трезво взвешивать свои силы, пришёл к выводу, что следовало поступиться властью в обмен на «особые отношения» с Америкой и отдать часть своего суверенитета под внешнее управление во имя выживания и сохранения роли великой державы. Поскольку это затрагивало «святыя святых» – судьбу британской колониальной империи, на которую давно возжеленно смотрели Соединённые Штаты, то это воспринималось особенно болезненно английскими консерваторами, воспитанными в викторианскую эпоху в традициях британского колониализма.

Стоило Рузвельту приравнять вопрос о «свободе» народов колоний в качестве части антифашистской борьбы, как Черчилль тут же приходил в неистовство и настаивал на «неприкосновенности» британской собственности. Впрочем, это уже была агония угасающей державы, проигравшей борьбу за мировое лидерство и вынужденной признать своё поражение. Для нас важно другое: способны ли Соединённые Штаты извлечь уроки из истории и при известных обстоятельствах проявить подобную политическую мудрость и не цепляться за ускользающее от них доминирование в XXI в.? Правда, это уже другая история, о которой речь пойдёт ниже.

А возвращаясь к событиям Второй мировой войны и её судьбоносным итогам, следует сказать к чести Рузвельта, не дожившего совсем немного до победы над гитлеровской Германией, что его «Великий замысел» на послевоенный период предусматривал продолжение сотрудничества с Советским Союзом, хотя и не без использования дипломатических рычагов, что должно было стать основой послевоенного миропорядка. Его перспективные планы, кроме ритуальных обязательств нанести поражение агрессорам и заложить основы прочного демократического мира, не содержали деталей и не раскрывали всю полноту его замысла. Но из обрывков его «мыслей вслух» в доверительных беседах с ближайшими помощниками и близкими друзьями, а самое главное из анализа его конкретной деятельности, вырисовывались контуры его планов на будущее.

В отличие от современных американских политиков, он с уважением относился к интересам сильного партнёра и, будучи опытным игроком в покер, хорошо понимал смысл дипломатической игры по формулы give and take. На словах убеждённый противник раздела мира на сферы влияния, он в то же время соглашался с тем, что Советский Союз, дорого заплативший за победу в войне, имел право на признание интересов своей безопасности, как в Европе, так и на Дальнем Востоке, как бы вы это не называли – сферой влияния или привиле-

гированных интересов. Внешне это выглядело в глазах некоторых недалёких помощников или ангажированных приближённых президента как непонятная уступчивость или «умиротворение» Кремля, но в действительности за этим скрывался глубокий геополитический расчёт и умение видеть все pro и contra.

Президент, скорее всего, считал, что с СССР выгоднее ладить, чем конфликтовать. Из общения со Сталиным у него сложилось впечатление, что советский лидер только в принципиальных вопросах безопасности СССР проявлял твёрдость и непримиримость, а в остальном был готов идти на далекоидущие уступки перед союзниками. Сохранились свидетельства очевидцев, например, что Рузвельт был удивлен «скромностью» требований Сталина в качестве условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке против Японии, чего активно добивались американские военные [15]. Не волновала президента и угроза «советской экспансии» или «коммунистического вмешательства» за пределы обозначенных границ. Смешно было рассчитывать на то, что «мавр сделает своё дело», а потом безропотно удалится, чтобы всё вернулось «на круги своя», к довоенным порядкам. Разве мог рассчитывать на это политик-реалист, каким был Рузвельт?

Его послевоенный замысел был далеко не столь альтруистичен, как изображают дело некоторые американские авторы, представляя президента эдаким тяжело больным безвольным идеалистом, уступившим Сталину «всё, что только можно», на конференции в Ялте, где решались судьбы послевоенного мира. В действительности, судя по многим косвенным признакам, Рузвельт исходил из того, что США по итогам войны приобрели статус глобальной державы, в то время как Советский Союз оставался региональной евроазиатской державой. При таком геополитическом раскладе между ними становилось возможным далеко идущее сотрудничество при условии уважения интересов безопасности СССР со стороны Вашингтона, о чём в общих чертах сторонам удалось договориться в Крыму.

Что касается интересов США, то на том этапе они в основном касались владений европейских старых колониальных держав и Японии в Азии, особенно в Китае. Известно, что во время войны намечалось определённое тактическое взаимопонимание между Сталиным и Рузвельтом в отношении деколонизации при гневных протестах со стороны Черчилля, хотя, понятно, что в перспективе марксистские идеи национального освобождения и политика неокOLONIALИЗМА, основы которой закладывал Рузвельт, имели между собой мало общего. В отношении Европы, пережившей две кровопролитные мировые войны, Рузвельт был пессимист и придерживался той точки зрения, что это был «умирающий континент», время которого прошло. Не случайно, именно в Вашингтоне в министерстве финансов родился план «расчленения» Германии и её деиндустриализации, и всерьёз обсуждались планы вывода американских войск из Европы после войны.

Можно ли было эти проекты считать серьёзными планами передела мира после войны или его нового раздела на «сферы влияния» между главными по-

бедителями? Нам это не суждено знать, так как смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. и приход в Белый дом нового президента совсем другого склада ума и иных приоритетов спустя некоторое время кардинально изменило курс внешней политики США в крайне неблагоприятную для Кремля сторону. Вместо «мягкой» биполярности на основе кооперации двух великих держав и их коллективной ответственности за судьбы мира, мир получил жёсткую конфронтацию, вошедшую в историю как холодная война, которая стала выражением всего послевоенного миропорядка на десятилетия вперёд.

От биполярности к американской гегемонии

В наши дни стало модно говорить, что история – это не наука, а политика и наша интерпретация прошлого, мол, определяет наш взгляд в будущее. Имеет ли несостоявшееся, но гипотетически возможное, советско-американское согласие с окончанием Второй мировой войны, практическую ценность для понимания сегодняшней мировой политики? Существуют ли пересекающиеся исторические параллели? И да, и нет. Ясно, что историческая цикличность воспроизводит себя в качественно новых условиях, на другом уровне развития, при более высокой степени взаимозависимости наций, государств и цивилизаций. Но при этом сохраняются и приумножаются противоречия, появляются новые риски или, как стало принято говорить, «чёрные лебеди», общемировая тенденция интеграции и глобализации прерывается разобщением и столкновением конкурирующих государств в борьбе за региональное и мировое лидерство. Неслучайно одна немецкая газета метко назвала идею «конца истории» – «посланием из сумасшедшего дома».

Удивительно, но если смотреть в ретроспективе, советско-американская биполярность в ядерный век при всех возникавших в её ходе опасных ситуациях и даже приближении к грани ядерной катастрофы, как это было в период Карибского кризиса (1962 г.), в целом оказалась достаточно устойчивым вариантом мирового порядка. Лежащий в его основе ядерный паритет двух сверхдержав или, как говорил Черчилль, «равновесие страха», при всей циничности подобных рассуждений, позволил избежать большой термоядерной войны в период острейшего межсистемного противоборства государств с различным общественным строем, когда мировоззренческие противоречия накладывались на геополитические. Несмотря на противостояние двух враждебных военно-политических блоков – НАТО и Организации Варшавского договора в Европе за послевоенные полвека не возникло ни одного военного конфликта. Лишний раз было доказано, что равновесие сил, даже при непрекращающейся гонке вооружений и периферийных конфликтах, остаётся стабилизирующим фактором международных отношений.

Правда, участники и свидетели событий тех лет, не ведая, что их ждёт впереди, считали, что хуже и опаснее времени, чем состояние холодной войны, не

бывает. Но, как говорится, всё познаётся в сравнении. Неожиданный для всех распад Советского Союза создал новую геополитическую реальность, положив конец холодной войне и порождённой ею биполярности. На какое-то время мир даже погрузился в растерянность и, судя по недавно опубликованным американской стороной архивным документам о переговорах на высшем уровне между Белым домом и Кремлём, пребывал в состоянии эйфории и надеждах (трудно сказать, насколько искренних) на всеобщее примирение и наступление новой эры, если под этим понимать антидиалектическое по своей сути исчезновение мировых противоречий. Но всеобщее заблуждение длилось недолго и быстро сменилось трезвым взглядом на вещи со стороны тех, кто привык рассматривать международные отношения как игру с нулевой суммой, а мировую политику – как средство извлечения прибылей [19].

Не для того в Вашингтоне инвестировали миллиарды долларов в холодную войну, чтобы, щадя самолюбие вчерашнего смертельного противника, долго рассуждать об «общей победе». В то удивительное время на стыке эпох в ходу было популярно сравнение двух сверхдержав – состоявшейся и уже бывшей, с двумя дуэлянтами, один из которых добровольно сложил оружие. Что ж, если так было угодно истории, то тем лучше, считали в Вашингтоне. Пусть победа сама пришла в руки, и за неё не пришлось заплатить большой кровью в результате «поражительной трансформации» советского режима, как уклончиво говорили на Западе, её плодами следовало воспользоваться. Холодная война была торжественно похоронена, основой американской внешней политики провозглашались триумфализм, либеральный мировой порядок и глобализация под эгидой США. А за кулисами «глубинного государства» на вооружение была принята «доктрина Вулфовица» (1992 г.), навечно закреплявшая доминирование США в мире и не допускавшая вновь появления им равного по силе нового соперника, каким был СССР. Задним числом, уже при президенте Трампе Америка припишет себе победы в Первой и Второй мировой войнах, а также и победу над коммунизмом.

О «новом мировом порядке» в Вашингтоне стали говорить уже с конца 80-х гг. прошлого века по мере саморазоблачения горбачёвской перестройки. С подачи американских неоконсерваторов (Ч. Краутхаммер), за миром после окончания холодной войны прочно закрепилось понятие «однополярный». Это означало порядок, построенный на единовластии одной сверхдержавы, о каком-либо равновесии сил можно было смело забыть. Как часто уже бывало в мировой истории, у победителя нашлось немало горячих сторонников, в том числе и в возникших на обломках Советского Союза постсоветских государствах, которые утверждали, что под американским лидерством мир станет куда безопаснее. Впрочем, всё зависело от того, как этим лидерством США собирались воспользоваться.

По мере вхождения в новую роль и осмысления новых глобальных возможностей росли и амбиции Вашингтона. При этом верные традициям пуританских принципов отцов-основателей Америки, их духовные наследники очень хотели

создать подкупающий образ «великодушного гегемона» (*benign hegemon*), готового поделиться плодами глобализации и либеральной экономики с остальным миром. До поры до времени сила этого внушения оправдывала вложенные в него средства. Идеологически США были хорошо подготовлены к своей новой роли. При обосновании внешней экспансии, они делали упор на отработанную до мелочей ещё со времён президента Вудро Вильсона концепцию американской «исключительности», приписывающую Америке особые добродетели и достоинства и наделяющую её правом распространять эти достоинства на остальной мир посредством его добровольной или принудительной демократизации.

Однако скоро уже становилось ясно, что «великодушный гегемон» оказывался себялюбивым и неуправляемым гегемоном. Старая истина «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», применимая как к внутренней, так и к внешней политике, подтверждалась и в новых условиях однополярного мира. Если ещё в начале следования по этому пути США проявляли, особенно при администрации президента Клинтона, известную сдержанность и стремление полагаться на «мягкую силу», то по мере нарастания противодействия их действиям со стороны противников американского доминирования ужесточалась и политика Вашингтона.

Следуя правилам саморазвития политики силового давления, США на рубеже XXI столетия перешли к использованию военной силы на Балканах, в Афганистане, на Ближнем Востоке под предлогом установления либерального порядка и права на гуманитарное вмешательство и подключили к этим акциям своих союзников по НАТО. При этом забота о международном праве их особенно не волновала. Известно, когда при обсуждении планов бомбардировок НАТО Косово премьер-министр Англии Блэр сказал госсекретарю США М. Олбрайт, что «его юристы это не поддержат», то получил примечательный ответ: «Смените своих юристов» [8].

Чем дальше, тем больше однополярный мир демонстрировал свою уязвимость и недолговечность как с точки зрения ограниченности имеющихся военных и финансово-экономических возможностей США по его поддержанию и продвижению, так и появлению и усилению новых конкурирующих центров силы на мировой арене. Уже с наступлением нового тысячелетия в американской политической литературе умеренно критического толка прочно утвердилось понятие «упадок» (*decay*) относительно ослабления конкурентных позиций США и их неспособности нести груз лидерства. Именно в это время впервые на самом высоком политическом уровне с американской стороны была затронута тема «несправедливого» распределения бремени военных расходов среди членов НАТО. Всё чаще можно было слышать и тревожные голоса о «закате американского века» и «сумерках либерального порядка» и необходимости сокращения внешних обязательств.

В XX столетии, когда США после долгих лет самоизоляции и накопления сил бросили вызов другим великим державам в борьбе за мировое преобладание,

их внешняя политика отличалась завидной продуманностью, выдержкой и осторожностью. Вашингтон умел терпеливо ждать своего часа, того момента, когда противники ослабят себя непримиримой враждой или выдохнутся в результате внутренних распрей и внешних неудач. Холодная война с Советским Союзом длилась несколько десятилетий и всё это время США не торопили события и старались избегать резких движений, которые могли спровоцировать ядерный конфликт. Мысль, что в ядерной войне не может быть победителей, крепко закрепились в умах американских политиков после Карибского кризиса. В конечном счете, в этой «борьбе нервов» известно, кто одержал верх, как бы мы, в России не интерпретировали исход холодной войны.

Напрашивается вывод, что восходящей державе, почти как человеку в политике, свойственно проявлять осторожность и осмотрительность, пока цель не будет достигнута. Другое дело, когда миссия осуществлена, мечта о величии стала явью и можно расслабиться, дать волю фантазиям и в результате потерять чувство реального. Нечто похожее произошло с Соединёнными Штатами после того, как однополярный мировой порядок пришёл на смену биполярности двух сверхдержав. В Вашингтоне предали забвению мысль, высказанную ещё президентом Кеннеди в Американском университете в 1963 г. по горячим следам после Карибского кризиса о том, что Соединённые Штаты «не всемогущи» и «не всесильны». Затянувшееся ощущение триумфализма, упоение своим превосходством над остальным миром, отсутствие до поры до времени равных противников таили опасность совершения Вашингтоном крупных стратегических ошибок.

Тупик однополярности

Это, прежде всего, касалось восстанавливающих свои силы держав – России и Китая. Теоретически говоря, однополярность могла стать основой стабильного нового миропорядка, если бы государство-гегемон на практике принимало во внимание интересы партнёров и было бы готово к известному самоограничению своих амбиций ради более крупных, можно сказать, общечеловеческих, всеобщих целей. Но такую идеальную картину можно сконструировать разве что умозрительно. На практике победитель, а Соединённые Штаты считали себя безусловным победителем, не склонен к самоограничению, и руководствуется правом сильного, которому, по определению «достаётся всё». Не случайно, именно в Америке родились крылатые поговорки «сила есть право» (*might is right*), «или по-моему или скатертью дорога» (*my way or highway*), хорошо выражающие непримиримый, бескомпромиссный дух корпоративной Америки.

Сейчас уже спустя почти три десятилетия после распада СССР и выхода на международную арену его государства-продолжателя – суверенной России накоплено предостаточно фактов, чтобы сделать вывод о том, что близорукий подход Вашингтона к отношениям с Россией явился его серьёзной стратегической

ошибкой, последствия которой ещё до конца не проявились. Этот подход выразился простой формулой «Россия – это не Советский Союз и с ней можно особенно не церемониться». Казалось, простое сопоставление несопоставимых потенциалов двух государств давало основание считать российско-американские отношения асимметричными, лишёнными стратегического паритета, что, согласно формальной логике, не позволяло говорить об их равноправии, а предполагало превращение России в младшего, зависимого партнёра Вашингтона и отказ от самостоятельности во внутренних и международных делах.

Собственно говоря, примером того, что могло бы быть, проявилась Россия большую сговорчивость, служит сегодняшняя Украина, полностью переданная своей элитой под внешнее управление и добровольно отказавшаяся от суверенитета ради призрачной евроатлантической интеграции. Как здесь не вспомнить тонкое замечание Луи Пастера, адресованное молодому учёному: «Ваши выводы верны, но посылки ложны». В Вашингтоне исходили из того, что раз Германия и Япония, проиграв Вторую мировую войну, стали лояльными американскими союзниками, если не сказать вассалами, то ту же участь предстояло разделить и России после проигранной Советским Союзом холодной войны. Вывод, по меньшей мере, странный, ставящий на одну доску побеждённые государства-агрессоры и страну, самостоятельно изменившую вектор своего развития.

Другой стратегически просчёт Вашингтона заключался в недооценке великого исторического наследия России и её национальной идентичности как крупнейшего евроазиатского государства. Со стороны американской элиты было большим заблуждением ожидать, что после самороспуска ОВД Россия пойдёт по «восточно-европейскому пути», избранному группой европейских малых и средних государств, которые в прошлом никогда не обладали суверенитетом в полном смысле этого слова и часто становились жертвами внешних завоеваний, разделов своей территории и превращением в сателлитов более крупных держав. С ролью младшего партнёра Америки не был согласен и национально-ориентированный российский бизнес, быстро поднявшийся на ноги после введения частной собственности, приватизации госпредприятий и поворота страны к рыночной экономике. Мощное государство было необходимо для защиты российских «естественных монополий» на внешних рынках, где свирепствовала жесточайшая конкуренция [13].

И, тем не менее, нельзя сказать, что однополярный мир был изначально встречен в штыки Россией. Все 90-е гг. страна пыталась настойчиво интегрироваться в западное сообщество, вплоть до зондирования вопроса о возможности (трудно сказать, насколько серьёзной) вступления в Североатлантический блок. Ведущая часть российской элиты прозападного либерального толка разуверилась в способности своего народа собственными силами построить современное развитое демократическое государство, не жертвуя при этом его самостоятельностью, самобытностью и национальными интересами и придерживалось по существу компрадорских настроений. В конце концов, вопрос вопросов заключал-

ся в том, на каких условиях интегрироваться с Западом и как дорого придётся за это заплатить.

Как стало ясно уже на закате правления президента Ельцина, эта цена оказалась неподъёмной для большей части российской элиты и по существу не оставляла никаких шансов на установление равноправных отношений с Западом, не говоря уже об оказании России, изменившей своё социальное устройство, действенной помощи по типу «плана Маршалла», на что очень рассчитывали какое-то время в Кремле. Близорукое своекорыстие, свойственное бизнес-государству, сыграло злую шутку с Вашингтоном, заложив на будущее семена вражды и недоверия в отношениях с Россией. Многие американские авторы самокритично рассматривают пренебрежительное и покровительственное отношение к России в период её болезненной внутренней трансформации, отказывающее ей в праве на национальные интересы, как крупный стратегический просчёт Вашингтона¹.

Как уже не раз бывало в подобных переломных моментах в истории, дело оставалось за появлением в России на политической сцене адекватной личности руководителя, отвечающего требованиям времени. Таким лидером стал президент Путин в результате безболезненной смены власти в России, ознаменовавшей начало нового тысячелетия. Новому президенту, выходцу из спецслужб, досталось тяжёлое наследие. Российская государственность была серьёзно подорвана, стране угрожала новая волна сепаратизма, после дефолта 1998 г. её экономика, обременённая внешними долгами, переживала затяжной кризис, общество было разобщено и лишено ясных ориентиров. Естественным было в этих условиях, по-возможности, сохраняя лицо, продолжать курс на сближение с Западом и признание его ведущей роли в новом миропорядке.

В Кремле настойчиво искали пересечение интересов с США и закрывали глаза на крайности американской великодержавной политики. Центральное значение принимал начатый ещё при президенте Клинтоне вопрос о расширении блока НАТО и приближении его инфраструктуры к границам России вопреки устным обязательствам, взятым перед М.С. Горбачёвым высшими американскими и западноевропейскими руководителями. Охваченная все 90-е гг. боязнью «коммунистического реванша» и уповая на равноправный союз с Западом, кремлёвская власть тогда явно недооценивала всю серьёзность этой проблемы для безопасности России. Сигнал тревоги прозвучал тогда, когда вслед за бывшими союзниками СССР по ОВД в НАТО устремились и бывшие союзные республики, начиная с Прибалтики.

Жёсткой и бескомпромиссной американской позиции российская сторона попыталась противопоставить несколько наивную попытку увязывания этого геополитического вопроса с проблемой совместной антитеррористической борьбы, благо сама жизнь актуализировала эту тему организованными «Аль-Каидой» серией крупных террористических актов в США в сентябре 2001 г. Про-

¹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 г. Обзор МИД России. Москва, март 2008 г.

явив политическую смелость и быстроту реагирования, президент Путин оперативно наладил военное сотрудничество с американцами в Афганистане, которое способствовало разгрому режима талибов и опекаемой ими «Аль-Каиды». В Кремле, видимо, надеялись, что это послужит основой для российско-американского сотрудничества на перспективу и, прежде всего, гарантирует уважение интересов России со стороны США и блока НАТО в зоне её жизненных интересов, в так называемом «ближнем зарубежье».

Этим ожиданиям не суждено было сбыться, как показали цветные революции в Грузии и на Украине в 2003-2004 гг., когда окончательно стало ясно, что демократизация по-американски означает продвижение во власть лояльных Вашингтону и антироссийски настроенных местных политиков. В США были уверены, что инерция ельцинской политики продолжалась и новая российская власть, отягощённая внутренними проблемами, была неспособна противостоять внешнему давлению. Считалось, что в Кремле, как это было во время кризиса в Косово и 77-дневных бомбардировок самолётами НАТО Белграда, пошумят-пошумят, и на этом всё дело и закончится. Во всяком случае, уважать установленные Москвой «красные линии» никто не собирался. Продвижение инфраструктуры НАТО к границам России неуклонно продолжалось. И только многоопытный Джордж Кеннан из числа серьёзных политиков старшего поколения, отец «доктрины сдерживания» не разделял восторгов неоконсерваторов из республиканской администрации Дж. Буша-мл. и считал расширение НАТО «трагической ошибкой».

Россия меняет курс

Известный резон не принимать всерьёз протесты Кремля в то трудное для него время в Вашингтоне был. На первых порах внешняя политика Путина не отличалась последовательностью и была нацелена скорее на умиротворение Вашингтона, чем на твёрдое отстаивание своих интересов. Из собственного дипломатического опыта могу привести такой пример, связанный с американской агрессией против Ирака в 2003 г. Тогда в Москве её официально расценили всего лишь как «военную акцию» США и сочли «большой политической ошибкой». Россия примкнула к осудившим вторжение союзникам США – Франции и Германии. Позднее Путин скажет, что его уговорил стать членом «тройки несогласных» президент Франции Ширак. Однако сразу же после начала американской операции против Ирака МИД России по поручению Кремля дал установку по закрытым каналам российским послам и постпредам проявлять сдержанность на местах и не разжигать антиамериканские страсти. В Москве, видимо, считали, что можно усидеть «на двух стульях»: и европейцев поддержать, и с американцами не поссориться. Правда, скоро этим иллюзиям пришёл конец. Однополярный мир требовал полной лояльности США.

Открыто о несогласии России с американским доминированием было заявлено на ежегодной международной конференции по безопасности в Мюнхене в

феврале 2007 г. в известном выступлении президента Путина, которое вызвало шок в кругах трансатлантической элиты и приравнялось там чуть ли не к Фултонской речи Черчилля с объявлением новой холодной войны. Между тем, российский президент назвал лишь вещи своими именами. В частности, было заявлено, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и невозможна», и что Россия – страна с тысячелетней историей не собирается изменять своей традиции «проводить независимую внешнюю политику». Именно тогда, а не спустя семь лет на Украине, как уверяют западные авторы, обозначился важный водораздел между не состоявшейся возможностью интеграции России в западный мир и последующим противостоянием с ним, приравненным к новой холодной войне [7].

Терпение и уступчивость России имели свои пределы, которые подверглись испытанию на прочность во время конфликта с Грузией вокруг Южной Осетии в 2008 г. и событий на Украине в 2014 г. Последующее обострение отношений с «коллективным Западом» во главе с США, включая многократное введение (более 50 раз с 2011 по 2018 г.) режима финансово-экономических и персональных санкций против России, свидетельствовали о глубоком кризисе модели однополярного мира, закате глобализации и серьёзной дестабилизации всей системы международных отношений. Как показала трагедия со сбитым в небе Украины в июле 2014 г. малазийским «Боингом», так называемое «дело Скрипалей» с отравлением в Лондоне бывшего сотрудника российской разведки и его дочери накануне выборов президента РФ в марте 2018 г., западные спецслужбы не останавливались перед прямыми провокациями против России.

Как не раз бывало в прошлом в мире возникла зловещая пауза между старым уходящим миропорядком и новым, пока ещё едва обозначившимся и не сформировавшимся международным укладом. Обычно в такие переходные периоды происходит особенно острое столкновение интересов, всплеск враждебности и недоверия между восходящими и нисходящими государствами, резкий обмен обвинениями их лидеров. Повышается градус конфликтности в мире в целом и понижается его управляемость. Становится реальностью военная угроза. От государственных деятелей требуется большая осторожность и высокое чувство ответственности, чтобы избежать сползания к войне.

Словно готовясь к периоду затяжной неопределённости в международных отношениях, российский МИД предусмотрительно ещё в середине 90-х гг. выдвинул концепцию многополярного, а позднее полицентричного мира, которая опиралась на традиции проверенных исторических прецедентов различных вариантов равновесия или «баланса сил», начиная с Вестфальского мира. В Москве исходили из того, что подошло к концу пятисотлетнее господство Запада, высшей и, вероятно, последней стадией которого и стал американоцентризм, и круг активных участников мировой политики гигантски расширился, прежде всего, за счёт стран Востока. Это создавало совершенно новые рамки для более

демократического мироустройства, учитывающего интересы не только «клуба избранных», а многих².

При этом речь идёт не о новом силовом послевоенном переделе мира, как не раз было в прошлом, а скорее, о перераспределении влияния по итогам изменившегося глобального расклада сил и появления новых крупных претендентов на участие в мировом управлении. Речь, прежде всего, о всестороннем «возвышении Китая» как новой перспективной супердержавы и установлении им отношений тесного «стратегического партнёрства» с Россией. К настоящему времени стало окончательно ясно, что все попытки со стороны Вашингтона втянуть КНР в систему западной взаимозависимости под эгидой США в роли, так называемого «ответственного акционера» (responsible stakeholder), по определению бывшего зам. госсекретаря США Р. Зеллика, будь то в форме G2 или «Кимерики», к чему призывали в 2009 г. Г. Киссинджер и З. Бжезинский, или какого-либо другого варианта американо-китайского мезальянса, были отклонены Пекином как несостоятельные, унижительные и обрекающие его на возвращение к роли марионетки Запада.

Между тем уже сейчас можно утверждать, что роль Китая в мировом раскладе является исключительной и, несомненно, будет нарастать по мере его дальнейшего возвышения. Его действия на международной арене отличает повышенная осторожность и осмотрительность, впитавшие богатый политический опыт многовековой китайской истории. На обозримое будущее ось взаимоотношений Пекина и Вашингтона или, говоря образно, дракона и орла, всё больше выглядит как главное противоречие мировой политики. Вопрос вопросов, разрешимо ли оно мирными, дипломатическими средствами и, следовательно, преодолимо ли это противоречие на основе исторического компромисса. Во всяком случае американская история не свидетельствует о склонности Вашингтона к уступкам и компромиссам на пике своего могущества. Скорее можно говорить о том, что стратегически Китай в прошлом переигрывал Соединённые Штаты и делал это по-восточному тонко, просчитывая на много ходов вперёд свои шаги. Хвалёный американский практицизм явно уступал восточной китайской мудрости. В этой связи позволим себе небольшое отступление.

Китайская карта Вашингтона

Для Соединённых Штатов, начиная с конца XIX в., находившийся на грани внутреннего распада Китай, являлся главным направлением экспансии, с момента провозглашения «доктрины Хэя» – политики «открытых дверей» и «равных возможностей», призванной перевести конкуренцию с другими империалистическими державами, прежде всего, из военной в экономическую плоскость, где позиции США были сильны. Но войны, несмотря на все попытки умиротворе-

² Edén to Churchill, 29.03.1943, Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, The Edén Memoirs: The Reckoning, London, 1965. P. 373.

ния Японии в 30-е гг. и подталкивания её на Север, против Советского Союза, всё-таки избежать не удалось. Во время Второй мировой войны США делали ставку на поддержку режима Чан Кай Ши – своего главного союзника, и проиграли. Правда, это было уже после смерти президента Рузвельта – большого энтузиаста разыгрывания «китайской карты» против Советского Союза.

Президент был одним из немногих западных деятелей тогда, кто верил в великое будущее раздираемого гражданской войной Китая, и стремился, во что бы то ни стало, сделать его долговременным американским союзником. Если Черчилль презрительно отзывался о китайцах как о «свинячих хвостиках», насмехаясь над их традиционными косичками, а китайских военных насмешливо называл не иначе как «кули в униформе», то Рузвельт публично был всегда предельно вежлив и уважителен, старательно дистанцируясь тем самым от «старых колонизаторов».

Глава британской дипломатии А. Иден после переговоров с Рузвельтом о послевоенных проблемах в марте 1943 г. сообщал в Лондон: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай, по меньшей мере, потенциальной мировой державой» и уверен, «что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку». Зная слабые стороны англичан и их традиционную вражду с Россией, Рузвельт горячо убеждал Идена, что при любом серьёзном столкновении с русскими Китай будет «на нашей стороне». Докладывая военному кабинету о результатах своих переговоров в Вашингтоне, Иден обоснованно заключал, что Соединённые Штаты, «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»³.

Поэтому легко понять тот шок, который в Вашингтоне вызвал крах гоминьдановского режима и приход в 1949 г. к власти китайских коммунистов во главе с Мао Цзедунем. Объединение сил двух коммунистических гигантов – СССР и КНР – в рамках заключённого военно-политического союза кардинальным образом меняло всю геополитическую ситуацию не только в Азии, но и в мире в целом и ставило под вопрос планы «американского века». Начавшаяся в кругах американской элиты паника приобрела тогда форму маккартизма, вылившегося в подавление всякого инакомыслия и свёртывание демократических свобод с целью консолидации общества против внешнего врага, что очень напоминает ту истерию, которая захлестнула США в наши дни под предлогом так называемого кибервмешательства России в американские президентские выборы 2016 г.

Покончивший с внутренней раздробленностью Китай встал на путь ускоренной модернизации и преодоления исторической отсталости после «столетия национального унижения» и иностранной эксплуатации на основе установленной коммунистами однопартийной системы и жёстких административных

³ Eden to Churchill, 29.03.1943, Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, *The Eden Memoirs: The Reckoning*, London, 1965. P. 373.

принципов управления, копирующих советский опыт. Помощь СССР явилась важнейшим условием создания в КНР фундамента ключевых отраслей народного хозяйства, строительства «с нуля» сотен промышленных предприятий, включая оборонные, перевооружения китайской армии.

В то же время СССР не мог дать больше, чем позволяли его собственные ограниченные возможности на фоне огромных потребностей Китая и его колоссальных размеров. Кроме того, после XX съезда КПСС и публичного осуждения Н.С. Хрущёвым культа личности Сталина реакция со стороны китайского руководства и лично Мао Цзедуна вызывала известную настороженность в Кремле в отношении общей политики КПК, как считалось, страдающей авантюризмом, и, особенно, необходимости сотрудничества с Китаем в военно-технических отраслях, включая область высоких технологий в атомной промышленности и ракетостроении, определявших тогда перспективы геополитического противостояния между СССР и США [3].

Можно сказать, что на рубеже 60-х гг. прошлого века политика коммунистического руководства Китая переживала системный кризис и по существу оказалась в глубоком тупике. Отношения с Западом, прежде всего, с США были, как тогда казалось, непоправимо испорчены, начиная с прихода коммунистов к власти, Корейской войны, постоянной напряжённости в Тайваньском проливе, громогласного обличения «американского империализма» и презрительного изображения его «бумажным тигром». Отношения с Москвой вступили в период явного охлаждения, хотя ещё не достигли уровня идеологического разрыва и обвинений СССР в отступлении от марксизма и пособничестве империализму. Попытки Пекина продолжить выдохнувшуюся модернизацию за счёт мобилизации собственных скудных ресурсов путём ухода в самоизоляцию, методами политики «большого скачка» и бесчеловечной «культурной революции» закончились сокрушительным провалом, огромными человеческими жертвами и развалом экономики Китая.

Сакраментальный вопрос «кто виноват, и что делать» в условиях режима личной власти Мао Цзедуна имел свою специфику. Председатель КПК никогда не был приверженцем марксизма в полном смысле этого слова, как родившейся на Западе строгой научной системы взглядов. Известно, что в шутку или всерьёз он любил, закончив очередную «гениальную» статью, обратиться к главному идеологу партии Чень Бода со словами: «Добавь сюда марксизма». Своё политическое вдохновение он черпал из сокровищницы многовекового опыта классической китайской философии, которую он хорошо знал и, как рассказывали встречавшиеся с ним иностранные гости, часто любил цитировать её авторов. Достаточно взять лишь приобретшее особую популярность в наше время «Искусство стратегии» Сунь Цзы, которое, как известно, была настольной книгой основателя ЦРУ Алена Даллеса, чтобы понять, что исторически китайская политическая мысль всегда отличалась большой интеллектуальной гибкостью и свободой, неприятием идеологических догм и прагматизмом. По мысли Сунь Цзы,

высказанной две с половиной тысячи лет тому назад, политика есть «борьба из-за выгоды. Получение выгоды и есть победа» [9].

Трудно сказать, когда точно в голове «великого кормчего» созрел новый «великий замысел», означавший коренной стратегический поворот во внешней политике Китая в интересах его дальнейшей модернизации. Повторимся, в политике нет вечных врагов и союзников, а нравственность редко берёт верх над целесообразностью. С точки зрения развития Китая, выбор был ограничен: после всех проб и ошибок единственным источником модернизации мог быть только капиталистический Запад, прежде всего, США, числившие Мао и его сподвижников среди своих заклятых врагов. Поистине нужно было обладать византийским коварством, изощрённым умом и глобальным видением мировых противоречий, чтобы убедить Вашингтон в новом курсе Пекина.

«Ловушка Мао»

По аналогии с «ловушкой Фукидида» можно говорить о «ловушке Мао», в которую не преминули угодить Соединённые Штаты. Особенность практических американцев в том, что они не любят заглядывать далеко за горизонт и предпочитают расставлять риски, вызовы и угрозы по их значимости, актуальности и приоритетам на данный момент. В эпоху биполярного мира в центре американской стратегии, естественно, находился Советский Союз как главный идеологический и геополитический противник, борьбе с которым были подчинены все силы и средства Америки. Это, как принято говорить, «туннельное виденье» создавало известную уязвимость Вашингтона при разыгрывании различных дипломатических комбинаций внешними силами – от мелких игроков из числа развивающихся стран («доить двух маток») до больших и влиятельных держав, таких как Китай.

В Пекине, конечно, понимали, что одних заверений в дружеских намерениях американцам будет недостаточно, чтобы поверить в искренность перехода китайского руководства на рельсы сотрудничества с Западом. Нужно были более «весомые» аргументы. Таким решающим аргументом, который очень высоко ценился в Вашингтоне, мог быть только разрыв отношений с Советским Союзом, подкреплённый практическими действиями. К этому времени идеологический конфликт между КПСС и КПК, почти как религиозный «схизм», бушевал уже полным ходом и стороны публично обвиняли друг друга в ревизионизме и гегемонизме, забвении революционных принципов. Кстати говоря, в отечественной литературе того и более позднего периода, идеология как первопричина советско-китайских разногласий, а также борьба за лидерство в международном коммунистическом движении, преподносятся как основная и решающая для последующих трагических событий в жизни народов двух стран.

То есть вполне в духе ушедшей эпохи «борьбы двух систем» идеологические противоречия ставились выше геополитических. На самом деле Мао Цзедун без-

ошибочно разыгрывал карту антисоветизма в свою пользу и сумел переиграть таких искушённых политических игроков, какими были президент США Р. Никсон и его госсекретарь Г. Киссинджер. Правда, для полной убедительности пришлось пустить в ход «последний довод королей», как было начертано на пушках в эпоху Людовика XIV, и развязать военные действия против СССР на советско-китайской границе в 1969 г., повязавших большой кровью намечавшееся американо-китайское сближение. Это, видимо, окончательно убедило Вашингтон, что переориентации Пекина на Запад и его разрыв с СССР произошли «всерьёз и надолго». Неслучайно синхронизация дипломатических шагов со стороны США, потрясших мировые столицы, происходила вслед за кровавыми событиями на Уссури, на острове Даманский (он же Чжэньбаодао). «Начиная с лета 1969 г. Соединённые Штаты и Китай стали обмениваться некими жестами доброй воли», [6] поведал в своем фундаментальном труде «О Китае» в то время госсекретарь США Генри Киссинджер. В июле 1971 г. состоялся сверхсекретный визит Киссинджера в Пекин и его переговоры с Мао Цзедунем, за которым последовал и визит самого президента Р. Никсона.

На основе своих записей бесед Киссинджер прослеживает как складывался «стратегический альянс» с Китаем на основе совместной борьбы «с советским гегемонизмом» вплоть до туманных намёков с американской стороны, что США не останутся в стороне в случае нового военного обострения китайско-советских отношений, в которое США, судя по всему, очень верили. В свою очередь, Мао на этих встречах разыгрывал полюбившуюся ему роль «отца нации», далёкого от каждодневной политической суеты, или «учителя», каким он хотел остаться, по его словам, в памяти китайцев, и перенапрягал прозаичных американцев бесконечными цитатами из Конфуция и другой премудростью из тысячелетней истории Китая. О практических делах американцы предпочитали говорить с премьером Чжоу Эньлаем.

Воспользуемся исторической ретроспективой и зададим вопрос: удалось ли китайцам тогда усыпить бдительность подозрительных американцев? Судя по воспоминаниям Киссинджера, у них и тени сомнения не было, что советско-китайскому альянсу раз и навсегда пришёл конец. Прямо-таки по формуле Сунь Цзы: «Союзники – это враги, у которых есть общий враг». Смерть Мао в 1976 г., конечно, вызвала в Вашингтоне некоторую неуверенность в продолжении его линии и боязнь наступления периода анархии и фракционной борьбы в Китае. Но приход к власти Дэн Сяопина, продолжившего в общих чертах внешнеполитический курс своего предшественника, быстро успокоил Вашингтон, как, впрочем, ещё в большей степени и конкретные действия преемников Мао, будь то против интересов СССР в Афганистане или развязанная ими агрессия против многострадального Вьетнама в 1979 г. за его стремление избавить камбоджийский народ от преступной клики Пол Пота. Последнее с эмоциональной точки зрения особенно высоко котировалось в Вашингтоне после позорного поражения американцев во Вьетнаме и поспешного вывода оттуда своих войск.

В итоге круг замкнулся. Начатый Мао стратегический поворот принёс долгожданные плоды, открыл двери для качественно нового этапа китайской модернизации на основе передовых западных технологий и хлынувшего потока инвестиций. С Китая было снято клеймо враждебного государства, пересмотрен запретительный список КОКОМ, предоставлена государственная поддержка американским корпорациям, приступившим к освоению колоссального китайского рынка. Американцы упорно внушали себе, что за введением рыночных отношений и известной экономической либерализацией неизбежно последует и политическая либерализация на американский манер, что, разумеется, подразумевает, прежде всего, отказ от однопартийной системы, руководящей роли КПК и принятие «ценностей» либеральной демократии.

Хотя едва ли кто из американских авторов готов даже сегодня это признать, США в силу идеологической предвзятости и ограниченности своего виденья допустили колоссальный стратегический просчёт, и начавшийся процесс превращения Китая в развитое современное государства вскоре был уже неостановим. События на площади Тяньаньминь в Пекине в июне 1989 г. и их трагический финал лишь подтвердили, что китайское руководство готово применить силу, чтобы избежать новой внутренней смуты и сохранить стабильность общества.

Другим неприятным сюрпризом для Вашингтона в преддверии нового тысячелетия стала постепенная нормализация российско-китайских отношений на основе общности и координации экономических и геополитических интересов двух стран вплоть до установления между ними «стратегического партнёрства», что, ко всему прочему, ясно говорило, что идеологический фактор не играл принципиальной роли в обострении советско-китайских отношений в прошлом и был лишь предлогом. Посткоммунистическая Россия и социалистический Китай не испытывали идеологических трудностей в укреплении своих отношений. Маятник китайской внешней политики вновь резко качнулся.

Альтернативный мир

XXI в. не стал апофеозом однополярного мира, торжеством либерального миропорядка, который Вашингтон провозгласил с окончанием холодной войны. США явно переоценили свои силы и недооценили возвышение других участников мировой политики. Закон неравномерности развития государств доказывал свою неизменную действенность. В Вашингтоне, вероятно, заключили, что история остановилась с выходом США на уровень единственной сверхдержавы, и мир покорно принял их доминирование. Стремление добиваться решения всех мировых проблем на американских условиях или, как образно говорил Дж. Кеннан, «держат свой палец в каждом пироге», привело США к перенапряжению сил и насторожило даже многих их союзников и партнёров, особенно с приходом в Белый дом президента Трампа, провозгласившего националистический лозунг «Америка превыше всего».

Мир оказался перед серьёзным выбором. Может быть, впервые речь идёт о необходимости перераспределения власти и могущества на мировом Олимпе по согласованию или, если угодно, «по умолчанию», между основными игроками, по возможности без потрясений с оглядкой на реальности ядерного века и на имеющиеся военные потенциалы великих держав. Можно сказать, что это могла бы быть не полная реконфигурация старого миропорядка с обычными в таких случаях победителями и проигравшими, а скорее, то, что министр иностранных дел России князь А.М. Горчаков, говоря об интересах России после поигранной ею Крымской войны, осторожно называл «улучшенным статус-кво» [5].

Пока, к сожалению, приходится говорить скорее о столкновении противоположных тенденций в мировой политике, нежели о реальных шагах в указанном направлении. Соединённые Штаты идеализируют зафиксированный по итогам холодной войны статус-кво, обеспечивающий их доминирование, и объявляют любого, кто ставит под сомнение лежащие в его основе «правила» и «нормы», своими «противниками» и «ревизионистскими державами», подрывающими международный порядок, якобы устраивающий всё международное сообщество. Именно подобного рода оценки закреплены на государственном уровне администрацией президента Трампа впервые в «Стратегии национальной безопасности» (декабрь 2017 г.) и «Стратегии национальной обороны» США» (февраль 2018 г.), которые переносят центр тяжести с антитеррористической борьбы на возвращение противоборства великих держав и объявляют своими главными «ревизионистскими» противниками Китай и Россию.

Между тем в истории было немало примеров, когда соперничающие великие державы не хотели мириться с существующими реалиями и терпеливо выжидали, когда наступит подходящий момент для их пересмотра в свою пользу. Когда в результате франко-прусской войны 1870 г. французы потеряли Эльзас и Лотарингию, известный политик Леон Гамбетта, будущий премьер-министр и министр иностранных дел Франции, говорил: «Всегда об этом помнить, и никогда об этом не говорить». Париж терпеливо ждал своего часа, пока не вернул себе эти территории у кайзеровской Германии после Первой мировой войны, чтобы вновь отдать их немцам в 1940 г. и вернуть, надо думать, уже навсегда, с разгромом гитлеровской Германии.

Другой пример – раскол и объединение Германии во второй половине XX в. После создания двух германских государств – ФРГ и ГДР, за Западной Германией прочно закрепилось название «реваншистского» государства за нежелание его властей в Бонне признать существование другого германского государства. В конце концов, признать легитимность ГДР всё-таки пришлось, а уже потом, волею известных исторических событий, которые одни историки называют аннексией или поглощением, а другие – воссоединением, объединением мирным путём всё-таки состоялось благодаря доброй воле Советского Союза, хотя на это и потребовалось сорок лет.

На фоне этих и многих других исторических примеров не выдерживают критики и обвинения России в подрыве европейского порядка и стремлении воскресить Советский Союз, которые взяты на вооружение США и другими странами НАТО после начала острого кризиса на Украине в 2014 г., повлёкшего за собой воссоединение Крыма с Россией. Видимо, потребуется время, чтобы коллективный Запад признал особое историческое место Крыма в составе российского государства и не ставил под сомнение право населения полуострова на самоопределение в ходе состоявшегося референдума, чтобы избежать избирательного применения международного права.

После мирной передачи Гонконга КНР актуальной остаётся и задача воссоединения Тайваня с КНР по формуле «одна страна – две системы». Когда Вашингтон настаивает на следовании Пекином нормам и правилам порядка, сложившегося после Второй мировой войны под американским руководством, то китайцы резонно замечают, что они не участвовали в его выработке, а, следовательно, не могут отвечать и за результаты. Бывший председатель Объединённого комитета начальников штабов США М. Дэмпси свидетельствовал: «Всякий раз, когда я заводил с китайцами разговор о международных нормах или правилах поведения на международной арене, они неизменно указывали на то, что эти правила установлены, когда они не были участниками мировой политики...» [13].

Упорное нежелание США поделиться властью с новыми претендентами на участие в мировом управлении в рамках модели многополярного или полицентричного мира чревато серьёзными последствиями для международной стабильности. Более того, явно заблуждаясь в отношении своих реальных возможностей и недооценивая растущие возможности своих конкурентов, США ужесточают свои подходы, антагонизируют всё большее число государств и тем самым толкают мир к новому опасному расколу. К сожалению, история повторяется. Обычно, вступившие в пору заката гегемоны упорствуют в своём непризнании новых реальностей и, в погоне за ускользающим величием, совершают одну стратегическую ошибку за другой.

Между тем, в прошлом геополитическое положение США никогда не было столь уязвимым как сегодня, когда США добровольно записали в круг своих главных врагов две крупнейшие ядерные державы, членом Совета Безопасности ООН – Россию и Китай. В былые времена американские руководители всегда умели вовремя примкнуть к одной из сторон назревающего конфликта, чтобы склонить маятник в свою пользу и в финале оказаться в стратегическом выигрыше «на правильной стороне истории». Рано или поздно США грозит самоизоляция, если, конечно, не преувеличивать готовность ведущих европейских членов НАТО положить своё благополучие и безопасность на алтарь американских интересов. Острее всего критические ноты в адрес Вашингтона стали звучать со стороны Берлина с приходом в Белый дом администрации Трампа. Европе пора избавиться от иллюзий и полагаться на собственные силы, считает канцлер ФРГ А. Меркель.

На что рассчитывают в Вашингтоне? На то, что удастся, действуя по старой формуле «разделяй и властвуй», ослабить своих главных противников по одиноким? Несмотря на всю антикитайскую риторику Трампа в период его предвыборной компании, своего основного противника пока Вашингтон видит в лице России, как более мощной военной силе и более искушенном геополитическом конкуренте. По всем признакам, Китай рассматривается как более долговременная и более мощная в экономическом отношении угроза, способная нарастить военную мощь и осуществить экономическую экспансию в регионах традиционного американского господства – от «Индо-Тихоокеанского региона», как стало модно говорить при Трампе, до Латинской Америки. Учитывая, что американское благополучие и внутренняя стабильность находятся в прямой зависимости от результатов деятельности крупных корпораций за рубежом, нарастающая торгово-экономическая экспансия Пекина рассматривается как смертельная угроза для американских интересов и реальная опасность вытеснения США с мирового рынка.

Непривычность для США противостояния «на два фронта» в Европе и в Азии вызывает повышенную нервозность американской элиты, её замешательство и стратегические метания, повышенную нагрузку на внутренние институты. Начавшийся новый этап гонки вооружений после периода относительного затишья в результате стремления США создать абсолютные преимущества для себя ценой новых огромных военных расходов на создание глобальной системы ПРО не учитывает, что на этом витке им придётся иметь дело с усиливающейся кооперацией военно-промышленных комплексов России и Китая и известной координацией ими своих военных усилий, хотя формально стороны избегают говорить о существовании между ними военного альянса. Теперь уже американская экономика может не выдержать такой повышенной нагрузки противостояния двум великим ядерным державам и оказаться «разорванной в клочья», что ещё недавно президент Обама предрекал России.

Но самое тревожное для американской элиты всё-таки даже, видимо, не это, а реальная перспектива формирования многополярного мира как альтернативы американской гегемонии на основе однополярности. Судя по всему, мягкого перехода «по согласию» к новому, более демократическому мироустройству в обозримом будущем не предвидится. Соединённые Штаты полны решимости и дальше сохранять своё привилегированное, доминирующее положение в мире, чего бы это им ни стоило, хотя всё указывает на то, что возможности этого всё больше сужаются.

В этих условиях мировые события начинают идти в обход, в сторону создания альтернативной международной системы и новых финансовых, экономических и политических институтов. Появляется всё больше признаков того, что глобализация, скроенная по односторонним лекалам как «американский проект», если использовать терминологию З. Бжезинского, явилась временным явлением, пока в ней не разочаровалось изрядное число стран, а её закат вызывает

опасения нового раскола единого мира по типу биполярности в эпоху холодной войны.

Очертания этой альтернативной системы, куда не вошли Соединённые Штаты и которая уже существует как бы параллельно с возглавляемым США мировым либеральным порядком, становятся всё более различимыми. Это система новых международных организаций, таких как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, пользующихся большой популярностью в странах так называемой «промежуточной зоны», возникновение качественно новых финансовых институтов вне рамок Бреттон-Вудской системы с их опорой на МВФ и МБРР и господство американского доллара в качестве мировой резервной валюты, таких как Азиатский банк инфраструктурных инициатив и Банк БРИКС, появление перспективных региональных и трансконтинентальных инфраструктурных логистических проектов.

Среди последних особое беспокойство в Вашингтоне вызывает китайский проект «Один пояс, один путь» и его возможное сопряжение с экономическими проектами в рамках Евразийского союза, имеющими не только торговое, но и большое геополитическое значение. Этот проект с объёмом планируемого финансирования в 1 трлн долл., призванный в XXI в. связать наземным маршрутом Китай с Европой там же, где в прошлом проходил знаменитый трансконтинентальный караванный Шёлковый путь, на Западе сравнивают с послевоенным «планом Маршалла» по своим политическим и экономическим последствиям для Евразии. По мнению журнала «Экономист», «эта инициатива предполагает принятие странами разрешение споров на основе китайских правил. Если сегодняшние западные нормы разойдутся с китайскими амбициями, то этот механизм станет альтернативой. В данном случае Китай поступает как региональная сверхдержава, нацеленная на вытеснение Америки из Восточной Азии» [14].

Пока рано говорить, примут ли обозначившиеся тенденции законченные очертания, но всё указывает на то, что процесс укрепления альтернативной системы будет идти по нарастающей. Появились и ощутимые признаки колебаний и сомнений в большой группе стран, не претендующих на самостоятельную политику и обычно примыкающих в переломный исторический момент к наиболее сильному, в данном контексте к США, что в прошлом, как правило, недвусмысленно свидетельствовало о приближении смены мировых лидеров. Судя по всему, возрождаются традиции времён холодной войны, когда противостояние двух блоков, двух сверхдержав позволяло ряду стран успешно маневрировать между ними к своей выгоде. Авторитет Америки явно тускнеет и даже в трансатлантической солидарности наметились заметные трещины, особенно после прихода в Белый дом Трампа и его импульсивных политических и торгово-экономических действий.

Пока ещё трудно сказать, что из себя будет представлять «мир после Америки», как назвал свою книгу известный американский политолог Ф. Закария [4]. Скорее всего, его развитие пойдёт эволюционным путём с учётом реалий ядерного века и более равномерного распределения сил в группе ведущих госу-

дарств. Однополярный мир, в силу особых исторических обстоятельств, явился уникальным явлением, которое едва ли может повториться. Да и трудно себе представить, чтобы кто-то из возвышающихся государств мог ставить перед собой такую неблагодарную и весьма затратную задачу. Это не означает, что некоторые государства, как, например, Китай, не смогут реализовать свой возросший потенциал и претендовать на роль региональных гегемонов в обозримом будущем [18].

Тем не менее, не впадая в политический идеализм, с большой долей уверенности можно надеяться, что в мире восторжествует новый, улучшенный миропорядок на основе равновесия интересов и равноправия государств, и их коллективной ответственности за судьбы мира. В конце концов, закат старой эпохи – это ещё не конец света.

Список литературы:

1. Борисов А.Ю. Война и победа: как рождался послевоенный мир // Новая и Новейшая история. 2015. № 2. С. 3-23.
2. Борисов А.Ю. Под кодовым названием «Терминал». К 70-летию Берлинской (Потсдамской) конференции // Новая и Новейшая история. 2014. № 3. С. 57-78.
3. Громько А.А. Памятное. Испытание временем. Кн. 2, М.: Центрполиграф, 2015. 576 с.
4. Закария Ф. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009. 280 с.
5. Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 403 с.
6. Киссинджер Г. О Китае. М.: Neoclassic, Астрель, 2012. 640 с.
7. Примаков Е. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 448 с.
8. Примаков Е. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007. 368 с.
9. Сунь Цзы. Классические труды. Искусство стратегии. Древнекитайские трактаты, ставшие основой целого ряда управленческих теорий. М.: Эксмо 2008. 525 с.
10. Хрущёв Н. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 2007. 509 с.
11. Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire. 1781 – 1997. London: Vintage Books Publ., 2008. 332 p.
12. Graham A. China vs. America. Managing the Next Clash of Civilizations // Foreign Affairs, September/October 2017.
13. Graham T. The Sources of Russian Conduct // The National Interest, 24.08.2016.
14. How the West Got China Wrong // Economist, 03.03.2018.
15. Ikenberry J.G. The Restructuring of the International System After the Cold War // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 111. Ed. by Melvyn P. Lefeler and Odd Arne Westad. Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 535-536.
16. Kissinger H. The World Order. New York: Penguin Books, 2014. 432 p.
17. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 677 p.
18. Lind J. Life in China's Asia. What Regional Hegemony Would Look Like / Foreign Affairs, January/February 2018.
19. Madeltine A. Madame Secretary with Bill Woodward. New York: Hyperion, 2003. 562 p.
20. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 490 p.
21. Owen D. The Hubris Syndrome: Bush, Blair and the Intoxication of Power. Methuen, 2012. 228 p.
22. Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. 216 p.
23. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy. Vol.1. Washington: University of Michigan Library, 1979. 644 p.

Об авторе:

Александр Юрьевич Борисов – д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

AMERICA IN THE WORLD AFTER HEGEMONY

A.Y. Borisov

DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-16-47

Moscow State Institute of International Relations (University)

There are a variety of literatures that illuminate the logic and character of the post -Cold War transformation of the global system. One literature explores the rise and decline of the great powers and the international orders that they establish and dominate.

This paper explores the evolution of the international system in historical perspective with particular emphasis on the role of the United States before and after the end of the Cold War against a backdrop of broader global context.

It concentrates on the end of bipolarity and the emergence of unipolar system with American dominance and hegemony and its further decline. Washington failed to endorse with practical means its declared goal of "benign hegemon".

The author makes a comparative analysis between the dawn of the British Empire and current stage of crisis development of the United States with principal issue of transformation of the world order from unipolarity to multipolarity or from single power dominance to a more balanced international system.

The paper also touches upon the strategic errors the American elite has made in its relationship with Russia and China referring to them as "adversaries and revisionist powers" hostile to the US. America shortsightedly opened the gates of modernisation before China in the vain hope to make it an ally against the Soviet Union only to be disappointed later. And it underestimated the significance of rapid Russian assertion after the break up of the Soviet Union only to have a unique situation of "two fronts" in American history.

As a result of his research the author comes to a conclusion and thoroughly substantiates it with facts that a new world order emerges which can be referred to as "improved status -quo" or alternative order with new economic, financial and political institutions in sight as opposed to the old Breton - Woods system of post WW2 American dominance. Still the open question persists whether this transformation can be peaceful and consensual or fraught with new hardship for the people and even military confrontation among great powers.

Key words: world order, unipolar, Hubris, multipolar, polycentric, hegemonism, the USA, Russia, China, geopolitics.

References

1. Borisov A.Yu. *Voyna i pobeda: kak rozhdalsya poslevoenny mir* [War and victory: how the post-war world was born]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 2015, no. 2, pp. 3-23. (In Russian).
2. Borisov A.Yu. Pod kodovym nazvaniem «Terminal». K 70-letiyu Berlinskoy (Potsdamskoy) konferentsii

- [Code-named “Terminal.” To the 70th anniversary of the Berlin (Potsdam) Conference]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 2014, no. 3, pp. 57-78. (In Russian).
3. Gromyko A.A. *Pamyatnoe. Ispytanie vremenem*. Kn. 2 [Memorable. The test of time. Book. 2]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 576 p. (In Russian).
 4. Zakariya F. *Postamerikanskiy mir* [The post-American world]. Moscow, Yevropa Publ., 2009. 280 p. (In Russian).
 5. *Kantsler A.M. Gorchakov. 200 let so dnya rozhdeniya* [Chancellor A.M. Gorchakov. 200th anniversary of his birth]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998. 403 p. (In Russian).
 6. Kissindzher G. *O Kitae* [About China]. Moscow, Neoclassic, Astrel Publ, 2012. 640 p. (In Russian).
 7. Primakov Ye. *Gody v bolshey politike* [Years in big politics]. Moscow, Kollektiya «Sovershenno sekretno» Publ., 1999. 448 p. (In Russian).
 8. Primakov Ye. *Minnoe pole politiki* [The minefield of politics]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 368 p. (In Russian).
 9. *Sun Tszy. Klassicheskie trudy. Iskusstvo strategii. Drevnekitayskie traktaty, stavshie osnovoy tselogo ryada upravlencheskikh teoriy* [Sun Tzu. Classical works. The art of strategy. Ancient Chinese treatises, which became the basis of a number of managerial theories]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 525 p. (In Russian).
 10. Khrushchev N. *Vospominaniya. Izbrannyye fragmenty* [Memoirs. Selected fragments]. Moscow, Vagrius Publ, 2007. 509 p. (In Russian)
 11. Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire. 1781 – 1997. London: Vintage Books Publ., 2008. 332 p.
 12. Graham A. China vs. America. Managing the Next Clash of Civilizations // *Foreign Affairs*, September/October 2017.
 13. Graham T. The Sources of Russian Conduct // *The National Interest*, 24.08.2016.
 14. How the West Got China Wrong // *Economist*, 03.03.2018.
 15. Ikenberry J.G. The Restructuring of the International System After the Cold War // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 111. Ed. by Melvyn P. Lefeler and Odd Arne Westad. Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 535-536.
 16. Kissinger H. *The World Order*. New York: Penguin Books, 2014. 432 p.
 17. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House, 1987. 677 p.
 18. Lind J. Life in China's Asia. What Regional Hegemony Would Look Like / *Foreign Affairs*, January/February 2018.
 19. Madeltine A. *Madame Secretary with Bill Woodward*. New York: Hyperion, 2003. 562 p.
 20. Meacham J. *Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 490 p.
 21. Owen D. *The Hubris Syndrome: Bush, Blair and the Intoxication of Power*. Methuen, 2012. 228 p.
 22. Rose L. *After Yalta. America and the Origins of the Cold War*. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. 216 p.
 23. *Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy*. Vol.1. Washington: University of Michigan Library, 1979. 644 p.

About the author:

Alexandr Y. Borisov – Doctor of Historical Science, professor, MGIMO, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

AN INQUIRY INTO CHINA'S ALIGNMENT WITH RUSSIA

Wang Li

Jilin University, China

Since China and Russia have moved their comprehensive strategic partnership forward towards an unprecedented height, people have wondered what the motives are behind the two huge land powers to crave this end. Historically, China and the former Soviet Union had forged the formal alliance throughout the 1950s due to the common security concerns, the shared ideologies and the strategic interests of the day. Yet, they also split into the arch rivals for nearly two decades until the early 1980s. Realist scholars believe that China and the former USSR and now Russia are doomed to compete with each other in light of their geographical vicinity and the lack of mutual trust resulted from the pursuit of greatness and historical memories. However, since the collapse of the USSR, China and Russia have developed their overall ties steadily and substantially. To well grasp the *raison d'être* of Sino-Russian strategic partnership, it is necessary to analyze the rationales behind the current relations between Beijing and Moscow stemming from their consensus, or «the shared views» that the future world order will be founded on multilateralism rather than unilateralism, in which China and Russia must be appropriately placed alongside the United States and other major players.

Key words: China, Russia, strategic partnership, security concern, multilateralism, unilateralism, Shanghai spirit.

УДК 327

Поступила в редакцию 4.04.2018 г.

Принята к публикации 7.06.2018 г.

When the former Soviet Union was dissolved unexpectedly in 1992, China and Russia turned to each other without any hesitation. Although they never claim alliance *de jure* in public, Beijing and Moscow have fostered a *de facto* strategic partnership covering all the essential features of alliance. If we take Stephen Walt's definition of alliance it is clear that China and Russia have perceived the United States and its core allies (NATO and Japan) as «the significant external threat that aim to impair their common essential interests» [14, pp. 1-2]. It is true that the United States and its allies perceive Russia and China as the «strategic competitors and the potential threats». U.S. reiterates that Russia, along with China, «challenge[s] American power, influence and interests, attempting to erode its current security and prosperity».¹

During his official visit to Moscow last April Chinese Foreign Minister Wang Yi acting as the special envoy of President Xi met with President Putin and his Russian colleague Sergey Lavrov. They reiterated that China and Russia as close neighbors and reemerging powers successfully forged the comprehensive strategic partnership². It allowed them to make concerted efforts on the Korean Peninsula to promote regional peace and stability. Also at the sensitive moment when Britain and its allies expelled Russian diplomats «to show their solidarity», China preserved its partnership with Russia, which was very symbolic. In UN Security Council China together with Bolivia, Peru and some African states insisted that the «Russian spy poisoning row» should be settled by both Russia and Britain according to international law and established practices³.

The term «coordination» in strategic coordination is literally a flexible mechanism of syntax, known as *conjuncts or conjoins* that links together two or more elements. In diplomatic history there were some similar practices among great powers like *entente* that refers to a type of treaty or military alliance where the signatories promise to consult or to cooperate with each other in case of a crisis or military action [4, p. 181]. China and Russia have worked out their relationship towards a real partnership of strategic coordination. China admits that since the establishment of bilateral relations they are at historical height. Presidents Xi and Putin share personal friendship and common view on strategic issues and vow to further maintain steady coordination in playing a greater role in international affairs. For instance, during his latest state visit to China on June 8 President Putin was awarded the Friendship Medal. This is the first time for Chinese president to present the Medal to a foreign dignitary. Russian president was praised as «a leader of major country with global influence, and as an old and good friend of the Chinese people. Putin has made outstanding contribution to the advancement of the Sino-Russian friendship». In 2017 Putin honored Xi with the Order of St. Andrew the

¹ Samuelsohn D., Crowley M. Trump: U.S. can't guard its interests abroad if it doesn't 'protect prosperity at home' // *POLITICO*, 18.12.2017. URL: <https://www.politico.com/story/2017/12/18/trump-foreign-policy-security-302242> (дата обращения: 03.06.2018).

² President Vladimir Putin of Russia meets with Wang Yi // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 05.04.2018. URL: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312 (дата обращения: 12.06.2018).

³ Wang Li. US-led airstrikes in Syria violate international law // *CGTN*, 14.04.2018. URL: https://news.cgtn.com/news/3441544e346b7a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 20.06.2018).

Apostle in recognition of Xi's merits in developing the all-encompassing partnership and strategic cooperation between the two great powers⁴.

In 2001 Kissinger wrote that «Russia's long border with China, only sparsely populated along the Russian side, is inherently porous and has been so throughout recorded history. Neither country will entrust the security of these borders to the continued goodwill of the other, whatever its current irritation with an allegedly hegemonic United States» [5, p. 117]. He also expressed his concerns over the relentless American bullying of both China and Russia, which would drive them to a deeper strategic partnership. Primarily due to this, after the Soviet Union was dissolved, China and Russia agreed to establish good-neighbor relationship that has grown into a «constructive partnership» in 1994 and then in 1996 further moved to a «strategic consultative and cooperative partnership». With peaceful settlement of the border issues in 2004 the comprehensive strategic partnership between Beijing and Moscow has been developing consistently and steadily [1, p. 410].

In 2001 Shanghai Cooperation Organization was created as a permanent intergovernmental international organization with China and Russia alongside the four central Asian states. Since then, the SCO has already expanded into eight full member states (India and Pakistan joined the organization in 2017), four observer states (Afghanistan, Belarus, Iran and Mongolia), and six dialogue partners—Azerbaijan, Armenia, Cambodia, Nepal, Sri Lanka and Turkey. More significant is that the Shanghai Cooperation Organization developed the «Shanghai Spirit» which is the ideational bedrock of the organization featuring mutual trust, benefit, equality, consultation, respect for cultural diversity and pursuit of common development. In effect, the SCO stands in sharp contrast to the Cold-War-era confrontational mentality that can be seen as the obsolete power politics⁵. China and Russia play coherent roles in expansion and coordinated progress of the SCO. As Xing Guangcheng, a Chinese expert on Russian affairs, said: «The two powers have continually acted as the backbone of the SCO to make it increasingly active and dynamic»⁶.

The rationale behind Sino-Russian strategic partnership

In 1979-1980 the relationship between China and Soviet Union deteriorated to a degree of conflict. In 1979 China launched a war against Vietnam, because it invaded Cambodia. Beijing had repeatedly warned Hanoi not to «play with fire» in the region. Then, in a response to the Soviet invasion of Afghanistan at the turn of 1980, China suspended the Sino-Soviet talks previously scheduled early that year. However, these tensions abated soon after Chinese leadership decided to cooperate with Moscow as it

⁴ Wang Xinyan. First Friendship Medal to best friend and confidant // *CGTN*, 09.06.2018. URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d514f3341444d78457a6333566d54/share.html> (дата обращения: 20.06.2018).

⁵ The Shanghai cooperation Organization. URL: http://eng.sectsc.org/about_sco/. Also see The Shanghai Spirit as the spiritual bedrock of the SCO // *People's Liberation Army Daily*, 02.01.2013.

⁶ Le Tian. Sino-Russian relations within the SCO framework // *CGTN*, 08.06.2018. URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d774d3063544f77457a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 20.06.2018).

showed distinct interest in reaching out to its «eastern foe». This initial signal was finalized in 1982 when then Secretary General Brezhnev stated in Tashkent that «We have never supported in any form and do not support the so-called «concept of two Chinas». There has never been ... nor is there any threat to People's Republic of China from the Soviet Union»⁷. China reacted sincerely but cautiously since the leaders in Beijing had already stated the growing domestic needs for Sino-Soviet normalization.

Politically Deng Xiaoping and his reform-minded followers had made all efforts to push forward the desired «modernization programs». In order to achieve that end China looked to all its neighbors, among them was the Soviet Union with a giant military power and much stronger economy than China. Moscow was able to offer China all the possible aid and help with modernization of heavy industry and especially military. Since Deng started to pursue a foreign policy of neutrality rather than leaning on any one superpower during the new era of reforms and openness, it was understandable that China decided to move forward towards the Soviet Union mainly due to security needs and economic concerns, though the shared ideology had remained⁸.

Yet the year of 1992 witnessed the unexpected dissolution of the Soviet Union and its tightly-controlled East bloc. New Russia inherited the huge parts of the former Soviet empire geographically extended across Northern Asia and much of Eastern Europe along with the volatile trans-Caucasus, which for centuries served as a bridge or barrier. From the very start Russia aimed at getting the large share of the Soviet's natural resources and preserving its power over the existing regions. The eastward enlargement of NATO made Russia frustrated to find allies or strategic partners in the West. As a result Iran became its most natural and also most vital partner. Apart from Iran, Russia quickly forged strategic partnership with China in the 1990s which was followed by the creation of the SCO as mentioned previously. NATO's bombing campaign against Belgrade showed Russia and China the urgency to promote the strategic alignment with each other which was finalized in 2014 as the comprehensive strategic partnership of coordination⁹.

China and Russia cooperate with each other for the following reasons. First, the United States and its allies like NATO and Japan have regarded Moscow and Beijing as the strategic competitors if not immediate menace. Second, China and Russia have endorsed the leading role of the United Nations in foreign affairs. The U.S. has consistently ignored the U.N. resolution by unilateral launch of wars against Iraq, Libya and Syria. In that context, China and Russia have the consensus to promote multilateralism rather than any single hegemony in the world. Since China has encountered the challenges from the United States and its ally on the East China Sea, the South China Sea and the Taiwan Strait, Beijing has been anxious to find a strong partner on its rear. Moscow and Putin in particular serve much the role as expected [8].

⁷ *Pravda*, 25.03.1982. P. 2.

⁸ *China Daily*, 27.03.1982. P. 6.

⁹ Wang Yi. On Sino-Russian Strategic Relationship // *China Daily*, 05.04.2018.

If we look into the immense resources and capacities of the two land powers, it is unwise for any ruling power(s) to ignore the legitimate claims of China and Russia in world politics. As permanent members of the UN Security Council and established nuclear powers, China and Russia are aware of the growing complex and unpredictable international milieu that requires them to work together to endorse the role of the United Nations and a polycentric world order rather than unilateral hegemony. As Joseph Nye Jr. put it in 2002: «Consider their respective nuclear forces, the proximity to each other in geopolitics and their shared belief in the role of the United Nations, Russia alongside China can choose to cooperate or to cause problems for the United States, if not acting as a global challenger» [10, p. 28]. It is often said that only the unlikely prospect of relentless American ignorance and arrogance would drive China and Russia to a comprehensive partnership. In the post-Cold War era, it is U.S. ascendancy and its behavior that have resulted in the «Russo-Chinese strategic partnership».

Another pressing issue affecting the two powers' core interest is the uncertainty on the Korean Peninsula. As China and Russia are proximate to the Peninsula and the members of the Six-Party Talks, the peace and tranquility in the region are closely related to the security concerns of China and Russia accordingly. From the very start, China has warned that Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) would impair its nuclear deterrence that is seen as essential to any great nuclear power [11, pp. 140-141]. In a joint statement in 2017 Beijing and Moscow denounced the deployment of THAAD in South Korea as it posed to change the balance of power in East Asia. Strategically and politically as well the THAAD system can be well acting in what China and Russia have seen as a United States' subplot ostensibly to establish a regional anti-missile system which aims to enhance its own capabilities against China's vital interest and to undermine the overall strategic equilibrium in the region¹⁰ [15].

Given this, China and Russia have proposed together a balanced and feasible approach to the peaceful settlement of North Korean nuclear issue. It includes that Beijing and Moscow welcome the scheduled summits between the DPRK and the ROK in April, as well as between the leaders of the DPRK and the United States planned in June as opportunities to bring the nuclear issue back to the dialogue track. It is the well-articulated goal set by the previous U.N. Security Council resolutions concerning the DPRK¹¹.

Regarding how to resolve the nuclear issue on the Korean Peninsula through political settlement, first, China and Russia have insisted upon the general direction of the denuclearization which is defined as the master key to solving all the problems related to the Korean Peninsula as well as the general path leading to the long-lasting peace and stability of the region. Second, both Beijing and Moscow have adhered to the «dual-track approach», namely, the realization of the denuclearization of North Korea and the

¹⁰ Tiezzi S. South Korea eyes THAAD, China urges caution // *Diplomat*, 30.01.2016. URL: <https://thedi diplomat.com/2016/01/south-korea-eyes-thaad-china-urges-caution/> (дата обращения: 20.06.2018).

¹¹ UN Security Council Resolution 2397, 22.12.2017. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Security_Council_Resolution_2397 (дата обращения: 30.05.2018).

establishment of a peace mechanism on the Peninsula¹². China has reiterated that the nuclear issue on the Korean Peninsula is closely related to the long-term security threats faced by all parties, especially by the DPRK. Morgenthau once warned that «nothing is so fatal to a nation as an extreme of self-partiality, and the total want of consideration of what others will naturally hope or fear» [9, p. 587]. As in advancing the process of the denuclearization, it seems reasonable to resolve the legitimate security concerns of the DPRK first.

Russia has also supported China's proposal of the «six-party talk» to resolve the denuclearization issue. They have agreed to continue strengthening coordination in this regard and to maintain communication with other stakeholders to jointly promote the hard-won momentum of talks and negotiation with a view to joint preservation of the peace and stability of the Korean Peninsula. During his visit to Pyongyang on May 30, Lavrov stated that «The Korean denuclearized issue requires step-by-step actions, consistency and patience. At the final stage of the process, multilateral talks involving all the six parties will become inevitable»¹³. This is obviously a support to China.

The tests of Sino-Russian strategic partnership

There is no doubt that either China or Russia has its own internal issues and external challenges. On the one hand, China is still a developing country due to the huge population in poverty and the lack of high-tech innovation. Russia is a reemerging great power, but it continues to rely on natural resources too much and has been behind in labor productivity. Yet, on the other hand, the two powers have huge potentials which are complementary in terms of strategic deterrence and vast manufacture capabilities. In a geopolitical sense, they are neighboring countries that bestows them a strategic depth to coordinate and support each other, including the China-proposed Belt and Road Initiative and the Russia-led Eurasian Economic Union. As the key members of the emerging bloc BRICS «China and Russia have in effect acted to preserve the current rules rather than violating them. For example, they have opposed to the U.S. pursuing unilateralism and trade protectionism which is seen as shaking the global trading system based on the WTO rules and hitting the just-revived world economy»¹⁴.

However, there are three sources of misunderstanding or mutual suspicion on the Russian side. First Russian leadership is not fully confident, because of the memory of the Sino-Soviet relations from alliance in 1949 to near-total confrontation in 1979. For many people in Russia, the current strategic partnership between the two countries seems to be mainly inspired by Beijing desire to avoid a two-front threat in view of

¹² «Adhering to the Dual-Track Approach» in Joint Statement of China and Russia // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 05.04.2018. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1548991.shtml (дата обращения: 12.06.2018).

¹³ Lavrov expects visit to Pyongyang to help understand North Korea's position // *Russian Politics & Diplomacy*, 30.05.2018. URL: <http://tass.com/politics/1007179> (дата обращения: 03.06.2018).

¹⁴ Putin to visit China this year // *China Global Television Net*, 05.04.2018. URL: https://news.cgtn.com/news/3459544e326b7a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 12.06.2018).

the rising tension in China's maritime territories and the Taiwan Strait. Yet, ironically the close ties between China and Russia have been enhanced primarily by American power since the 1990s¹⁵. Second concern from Russia is what Kissinger said of Russia's long border with China that it was «only sparsely populated along the Russian side» with immigrants pouring into and settling down from the Chinese side. «Due to the asymmetry between the economics and population on the two sides, the Chinese have steadily encroached the Russian lands in the Far East» [7]. In effect, Russia has already lost its primary economic leverage in the region in terms of border trade items and the huge flow of Chinese currency.

The third element affecting the bilateral relationship between China and Russia is more a mentality than a reality. Because China's GDP nearly ten times larger than Russia's now, some Russians, especially ultra-nationalists, see China's growing prowess not only as the potential threat, but also as «abnormal». Historically, Russia or the Soviet Union was much stronger and more prosperous than China, and showed the latter the way to be a modernized power. As one former Soviet-era official said: «We used to manufacture what they needed, and they grew what we wanted» [12, p. 269-270]. But now it seems quite different and even opposite. As Zbigniew Brzezinski once put it, as it stands, with China's growing ambition and influence in the Central Asia, the backyard or the strategic depth of Russia over the past centuries, «Beijing's geopolitical interests would conflict with Russia's pursuit for dominance in the same area» [2, p. 102]. This argument seems to echo the suspicion or fear of China's growing power and influence in the regions at large. As Stephen Walt said recently, China, not Russia, would be the real competitor globally to the United States, if bipolarity eventually returned¹⁶.

This is one side of the story. After his reelection this year Putin is likely to continue to get Russia moving towards becoming a great power by 2024. Although Putin will certainly amend the domestic economic system, in foreign affairs he will continue his course to reposition Russia as a leading power on the international stage. To that end a deepening Sino-Russian strategic partnership is vitally important. First, judging recent discourse of Chinese and Russian leaders and officials describing their bilateral relationship, both sides have reached a consensus that their strategic ties have reached a historic high level.

Second, given that China's trade with Russia has grown rapidly, so has China's foreign direct investment in areas ranging from infrastructure to real estate. As a result, the new cooperative mechanisms put in place by both governments in Beijing and Moscow have been successful in fostering mutual trust and economic cooperation. It is reflected in recent Russian surveys that show China as the nation's friendliest ally¹⁷. Energy cooperation has deepened, as evidenced by the fact that Russia has become China's top

¹⁵ Lukyanov F. Russia-China: Change of Course? // *Russia in Global Affairs*, 22.03.2012. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/redcol/Russia-China-Change-of-course-15494> (дата обращения: 20.06.2018).

¹⁶ Walt S. I Knew the Cold War, It is No Cold War // *Foreign Policy*, 08.03.2018. URL: <http://foreignpolicy.com/2018/03/12/i-knew-the-cold-war-this-is-no-cold-war/> (дата обращения: 20.06.2018).

¹⁷ Haenle P., Gabuev A. Putin's Fourth Term // *Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy*, 03.04.2018. URL: <https://carnegietsinghua.org/2018/04/03/putin-s-fourth-term-pub-75976> (дата обращения: 20.06.2018).

supplier of crude oil and staple cereals. Yet, paradoxically Russia becomes increasingly dependent on China for investment and trade, whereas China has many other economic partners from which to choose. With the downward spiral in U.S.-Russia ties, Russia has largely abandoned the principle of reintegration with the West, a fundamental goal in the early post-Soviet era, in favor of focusing on achieving co-equal political status in an international system dominated by the United States. It is widely held that the ongoing mutual alienation between the U.S. and Russia is sure to push China and Russia closer together. During his recent state visit to China, President Putin stated that «deepening Russia-China comprehensive strategic partnership of coordination is the priority of Moscow's foreign policy. Due to this, Russia would like to enhance cooperation with China in such areas as economy, trade, investment, energy and infrastructure».¹⁸

Nonetheless, what is the likelihood of a formal China-Russia alliance? Some scholars have argued that any easily negotiable collaborations have already been initiated, leaving no new or large projects for the immediate future. Equally, the power dynamic between the two land powers is becoming increasingly asymmetric, which could cause friction moving forward. Although the rise of China is not necessarily military one, it should not be inferred that Russian politicians are not worried at all. In effect, the two nations have different attitudes toward international security and simply disagree on issues ranging from Ukraine to Syria which suggests the continuation of the supportive but flexible status quo in lieu of a formal military alliance. Only a simultaneous strike on both countries from a third party would change this trend. Aware of this, China and Russia have recently highlighted the necessity of promoting mutual trust and public diplomacy among the two peoples through the joint gala and cultural exchanges programs.

Scholars who are familiar with Bismarck's doctrine hold that Chinese and Russian geopolitical interests are actually compatible with each other. There are several of the factors complicating China and Russia's relationship within the context of the current international relations. Given that the U.S. and its allies have criticized Russia as a «revisionist power» striving to undermine the current world order, Moscow is more concerned is with its own status. Russia values its veto power as a permanent member of U.N. Security Council and will certainly challenge perceived attempts to undermine its prestige. Meanwhile, China works hard to improve its standing within the international system and has benefitted greatly from that approach. Within this context Russia and China will attempt to follow a strategy where they are «never against each other but not necessarily with each other» all the time, so that they can pursue each core interests without endangering their growing ties¹⁹. Due to this, Beijing and other member states are cautious to prevent the SCO from becoming a new version of the Warsaw Pact de-

¹⁸ Xi Jinping Holds Talks with President Vladimir Putin of Russia // *Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China*, 08.06.2018. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1568040.shtml (дата обращения: 03.06.2018).

¹⁹ FengYujun, D. Trenin, Ma Bin, A. Gabuev, P. Haenle. Prospect for the Next Era of China-Russia -U.S. Relations / *Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy*, 19.03.2018. URL: <https://carnegietsinghua.org/2018/03/19/prospects-for-next-era-of-china-russia-u.s.-relations-event-6835> (дата обращения: 20.06.2018).

signed to counterbalance NATO headed by the United States, although Russia called for more active role in Syria and Iran.

It is fair to say that China and Russia will persistently insist on a substantial reduction perceived or potential threats from the United States to their shared interests. The two giants in the SCO aim to provide the world with a new model of how to curb racial, cultural and other differences and promote peace, stability and prosperity according to the «Shanghai Spirit».²⁰ Putin said at the Qingdao summit, the SCO started off as a low-profile group, with a primary goal of solving border issues between China, Russia, and the former Soviet Union members, since then it has evolved into one of the world's most powerful organizations.

It is self-evident that China and Russia need each other in the world affairs in order to preserve their common security interests and facilitate economic growth. Yet, the test of their high-level strategic partnership is not how to jointly challenge the ruling power's position, but to demonstrate their strong will through the combined military capabilities and diplomatic talents in order to make the adversaries act rationally.

On the one hand, history is replete with instances of shifting alliances among nations, and no state is actually an exception. In the flow of Sino-Soviet relations, both the mutual courtship of the 1950s and the geopolitical rivalry of the 1970s prove to be normal. On the other hand, since Russia's 2018 presidential election and the conclusion of the 19th CPC Congress have injected new dynamics into the relations between the two countries, and particularly propelled by the personal efforts of Xi and Putin, Sino-Russian comprehensive strategic partnership will probably set an example for building a new type of international relations. Putin rightly put it that thanks largely to Xi's personal impetus Sino-Russian relations have in recent years reached an unprecedented height in history and have set an example for developing equality-based and mutually beneficial cooperation between major countries. To achieve the polycentric world order, China and Russia have solidified their strategic ties through a series of strategic dialogues, ranging from energy deals, joint military exercises, and economic and technological cooperation.

In 2017 U.S. National Security Paper defined China and Russia as the strategic rivals. Beijing and Moscow strategic partnership will proceed at a steady but more cautious-like pace—if not given a further «big push» by the United States. As long as Russia struggles for advancing its legitimate national security and its economic recovery, Xi deems that China and Russia will certainly be able to provide driving forces for mutual security, regional stability and global peace and justice. Putin's Russia will have to face two major foreign policy issues in the coming years: how to finalize a peaceful settlement in Syria; and how to resolve the Ukrainian crisis to keep Kiev out of the reach of NATO. Yet, China equally needs Russia's support in realizing trilateral cooperation between Russia, China and Mongolia.

Strategically, China holds that there is no future for Europe without a strong Russia's involvement, Russia equally thinks that China is well on its way to become a global

²⁰ Xi Jinping chairs the small-scale talks of the SCO Qingdao Summit // *China Daily*, 10.06.2018.

power. Indeed, whereas the former Soviet Union rivaled the United States as a military competitor only, now China has emerged as a military and an economic rival at the same time, heralding a profound shift. Given this, Xi has reiterated that it is in China's long-term interest to deepen political and strategic trust in the strategic partnership with Russia. The China-Russia relations, standing at a high level, have benefited the two peoples and served as a model of harmonious coexistence of major powers and neighboring countries in the world today.

How long the two great land powers and neighbors can maintain their strategic partnership is a «big» question still under discussion.

References:

1. Baylis J. *The Globalization of World Politics – An Introduction to International Relations* / J. Baylis, S. Smith, P. Owens. Oxford, OUP Oxford Publ., 2014. 636 p.
2. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Basic Books Publ., 1997. 240 p.
3. Kim S. *China and the World – Chinese Foreign Policy in the Post-Mao Era*. Westview, 1984. 356 p.
4. Kissinger H. *Diplomacy*, Simon & Schuster 1994. 912 p.
5. Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy – Towards a Diplomacy for the 21st Century*, Simon & Schuster, 2001. 352 p.
6. Kissinger H. *On China*, Penguin, 2011. 624 p.
7. Liu Jun, “The Impact of new trilateral relations on China”, *Foreign Affairs Observer*, No. 3, 2014, pp. 71-86.
8. Ma Xiaojun. China's Grand Strategy with its characteristics. *Contemporary World*, 2015, no. 2, pp. 2-6.
9. Morgenthau H. *Politics among Nations – The Struggle for Power and Peace*, McGraw-Hill, 1985. 688 p.
10. Nye Jr., J. *The Paradox of American Power – Why the World's Only Superpower can't go it alone*, Oxford, 2002. 222 p.
11. Nye Jr., J. *Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History*, Pearson Education, 2005. 288 p.
12. Stoessinger J. *Nations in Darkness – China, Russia and America*, McGraw-Hill, 1990. 328 p.
13. Tsygankov A. *Russia's Foreign Policy: changes and continuity*, Rowmen & Littlefield, 2010. 265 p.
14. Walt S. *The Origins of Alliances*, Cornell University, 1987. 336 p.
15. Wang Li China's Security Concerns with THAAD and beyond, *Sungkyun China Brief*, 2017, vol. 42, pp. 168-173.

About author:

Wang Li – PhD in Political Science, Professor of International Relations and Diplomacy, Jilin University. 130012, Qianjin Street No.2699, Changchun City, China. E-mail: wlchangchun@jlu.edu.cn.

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ С РОССИЕЙ

Ван Ли
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-48-58

Цзилиньский университет, Китай

Поскольку Китай и Россия вывели своё всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие на беспрецедентную высоту, наблюдатели стали интересоваться, каким образом двум великим державам удалось достичь этой цели. Исторически Китай и бывший Советский Союз на протяжении 1950-х гг. объединял формальный союз, основанный на общих проблемах в сфере безопасности, общих идеологических установках и текущих стратегических интересах. Тем не менее они были непримиримыми соперниками в течение почти двух десятилетий вплоть до 1980-х гг. В связи с этим сторонники реалистской парадигмы международных отношений полагают, что Китай и бывший Советский Союз, а теперь и Россия, обречены на соперничество друг с другом. Причиной называется географическая близость и отсутствие взаимного доверия из-за стремления подкрепить величие своей державы, а также исторической памяти. Однако с момента распада СССР, Китай и Россия последовательно развивают свои связи по конкретным направлениям. Чтобы хорошо понять смысл стратегического партнерства между Китаем и Россией, необходимо проанализировать причины позитивных отношений между Пекином и Москвой. Основной причиной является консенсус или «общий взгляд» на то, что будущий мировой порядок должен быть и будет полицентричным, а не моноцентричным. В этом порядке Китай и Россия должны быть надлежащим образом представлены вместе с Соединёнными Штатами и другими крупными игроками.

Ключевые слова: Китай, Россия, стратегическое партнерство, проблема безопасности, полицентричность, моноцентричность, Шанхайский дух.

Список литературы:

1. Baylis J. The Globalization of World Politics – An Introduction to International Relations / J. Baylis, S. Smith, P. Owens. Oxford: OUP Oxford, 2014. 636 p.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Basic Books, 1997. 240 p.
3. Kim S. China and the World – Chinese Foreign Policy in the Post-Mao Era. Westview, 1984. 356 p.
4. Kissinger H. Diplomacy, Simon & Schuster 1994. 912 p.
5. Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy – Towards a Diplomacy for the 21st Century, Simon & Schuster, 2001. 352 p.
6. Kissinger H. On China, Penguin, 2011. 624 p.
7. Liu Jun, “The Impact of new trilateral relations on China”, Foreign Affairs Observer, No. 3, 2014, pp. 71-86.
8. Ma Xiaojun, “China’s Grand Strategy with its characteristics”, Contemporary World. 2015. No. 2. Pp. 2-6.
9. Morgenthau H. Politics among Nations – The Struggle for Power and Peace, McGraw-Hill, 1985. 688 p.
10. Nye Jr., J. The Paradox of American Power – Why the World’s Only Superpower can’t go it alone, Oxford, 2002. 222 p.
11. Nye Jr., J. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History, Pearson Education, 2005. 288 p.
12. Stoessinger J. Nations in Darkness – China, Russia and America, McGraw-Hill, 1990. 328 p.
13. Tsygankov A. Russia’s Foreign Policy: changes and continuity, Rowmen & Littlefield, 2010. 265 p.
14. Walt S. The Origins of Alliances, Cornell University, 1987. 336 p.
15. Wang Li China’s Security Concerns with THAAD and beyond, Sungkyun China Brief. 2017. Vol. 42. Pp. 168-173.

Об авторе:

Ван Ли – PhD по политическим наукам, профессор международных отношений и дипломатии, Цзилиньский университет, Китай. 130012, Qianjin Street No.2699, Changchun City, China. E-mail: wlchangchun@jlu.edu.cn

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЬСТВА В КИТАЕ

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Первые российские консульства в Западном Китае были учреждены в 1851 г. Российские представители И. Захаров и А. Татаринов прибыли в Кульджу и Чугучак в начале 1852 г. Многочисленные инструкции российского МИДа и отчёты консулов в Азиатский департамент Министерства содержат интереснейший материал о первых дипломатических контактах между Россией и Китаем. До сегодняшнего дня документы из Архива внешней политики Российской империи при МИД России (АВПРИ) не были использованы отечественными историками, обычно лишь упоминавшими тот факт, что по Кульджинскому русско-китайскому трактату 1851 г. в города Или (Кюльджа) и Тарбагатай (Чугучак) назначались представители России, которые должны были следить за ходом русско-китайской торговли. Деятельность первых российских консулов по устройству российских факторий на территории Синьцзяна, взаимоотношения с местными китайскими властями и торговцами, ход меновой торговли и основные предметы обмена – всё это раскрывают документы АВПРИ.

Установление консульских постов сыграло огромную роль в дальнейшем развитии дипломатических отношений между двумя империями. Уже в 1861 г. в Китай был назначен первый российский дипломатический представитель, а чуть раньше, в 1858 г., для русской торговли были открыты семь китайских морских портов. Консульские посты в Или и Тарбагатае стали первыми дипломатическими представительствами иностранных держав в Цинской империи. Политика изоляционизма, которой в продолжение веков придерживались китайские власти, была преодолена, и начали складываться полноценные дипломатические отношения с внешним миром.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, православная духовная миссия в Пекине, российский МИД, консульская служба.

УДК 327

Поступила в редакцию 09.05.2018 г.

Принята к публикации 01.06.2018 г.

С древнейших времён в основе политической культуры Китая лежали китаецентристские представления об окружающем мире и конфуцианские принципы политической иерархии. Это вело к тому, что культура Китая исключала равенство в отношениях с другими странами. Чужеземцев именовали «варварами четырёх сторон света» [7, с. 109]. Для взаимодействия с ними было учреждено специальное «Ведомство по управлению вассалами» (Ли-фаньюань), в чью компетенцию входили и взаимоотношения с Россией. В первые годы XIX в. высшие цинские чиновники из Ургы писали о русских: «... это некий бедный народ, мелочный по своей натуре, низшие и высшие классы которого совершенно не знают законов. Мало кто в их государстве умеет ездить верхом. Мужчины не знакомы с луком и стрелами, а стреляют из ружей, и обрабатывают поля они хуже, чем китайцы» [9, с. 226]. Различие в приоритетах внешней политики двух соседних государств заключалось в том, что Китай во главу угла ставил политические интересы, рассматривая соседей как «варваров» и своих вассалов, а Россия стремилась установить прочные экономические отношения, которые в будущем обещали рост политического влияния. Это была обычная практика международных отношений – укрепление политических позиций через расширение экономических связей.

Изоляционизм, составлявший основу внешней политики Цинской империи, привёл к отрыву Китая от международного общения. Известно, что китайские власти противились установлению полноценных дипломатических отношений с иностранными державами, считая окружающие народы «варварами». Российского посольства, в привычном понимании этого слова, в Китае не существовало. Его роль в определённой степени выполняла Русская духовная миссия в Пекине, за которой китайские власти признавали некоторые права дипломатического представительства России. Никаких иностранных посольств, кроме русской миссии, в Пекине не было. К. Маркс в 1857 г. писал: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время, как англичане лишены привилегии непосредственных связей даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине» [12, с. 57].

Духовная миссия была учреждена указом Петра I от 18 июня 1700 г. С 1715 по 1914 гг. миссия состояла в ведении Святейшего Синода; начиная с 1745 г. она была временно передана под управление Коллегии иностранных дел, а затем – Азиатского департамента [3, с. 151]. В те годы она приобрела статус дипломатического представительства, а с появлением в 1861 г. постоянного посольства России в Китае миссия вновь перешла в ведомство Святейшего синода. (В Синод миссия вернулась после установления дипломатических отношений). Директор Азиатского департамента МИД К.К. Радофиникин писал 14 апреля 1833 г.: «Главная и постоянная цель российского министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и укреплении дружественных с Китаем связей как с государством, с коим мы граничим на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии

торговых наших с китайцами сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод» [13, с. 138]. Китайцы считали торговлю «низменным» занятием, но цинское правительство умело пользовалось заинтересованностью русской стороны в налаживании торгово-экономических связей.

Обычно миссию возглавлял архимандрит. Она включала в себя 10 человек, причём половину из них составляли светские люди. Представители Азиатского департамента, присутствовавшие в миссии, назывались приставами. В 1820–1821 гг. приставом служил Е.Ф. Тимковский, позже управляющий Санкт-Петербургским главным архивом, а в конце 1840-х гг. приставом духовной миссии был назначен Е.П. Ковалевский – будущий директор Азиатского департамента. И Тимковский, и Ковалевский оставили научные труды о путешествии в Китай, которые с интересом были встречены в русском образованном обществе [6, с. 335].

Самым известным руководителем Духовной миссии был Никита Яковлевич Бичурин, принявший в монашестве имя о. Иакинф. Бичурин возглавил девятую миссию в Пекин, прожил там 13 лет. Автор более 70 работ о политике, географии, экономике и культуре Китая, первый составитель русско-китайского словаря и энциклопедического труда «Статистическое описание китайской империи», он по праву считается основателем китаеведения в России [8, с. 1099]. В 1830 г., будучи признанным авторитетом в области китаеведения, о. Иакинф сопровождал высокого чиновника МИДа П.Л. Шиллинга фон Канштадта в его путешествии в Кяхту и стал одним из основателей там училища китайского языка. Переписка Бичурина с российским МИДом по делам духовной миссии содержит много предложений по усовершенствованию деятельности миссии и откровенно говорит о существующих недостатках. Так, о. Иакинф сетовал на то, что в состав миссии зачастую входят люди малообразованные, неспособные принести пользу отечеству¹. Находиться в обстановке чуждой культуры и без определённых занятий на протяжении длительного времени – а каждая миссия пребывала в Китае не менее 10 лет – было задачей достаточно сложной. Увлечённый научной работой, о. Иакинф ощущал это в меньшей степени, но и он сознавался, что мирится со своим положением «единственно для Отечества»².

С 1821 по 1830 гг. в Китае пребывала десятая миссия во главе с архимандритом Петром (в миру П.И. Каменским), до 1839 г. – 11-я миссия во главе с архимандритом Вениамином (Морачевичем). Как правило, штат миссии был невелик: одновременно с Морачевичем в Китае находились магистр богословия Аввакум Честнов, иеромонах Феофилат (Киселевский), иеродиакон Поликарп Тугаринов, псаломщик Г. Розов, лекарь П.Е. Кирилов, студенты А. Кованько, А. Легашев и Е. Сычевский³. В инструкциях Морачевичу говорилось: «Духовная Пекинская миссия досель имела для нас некоторую значительность в отношении учёном,

¹ АВПРИ. Ф. ГА IV-4. Оп. 123. Д. 1 (1810–1823). Л. 130. О. Иакинф иркутскому губернатору.

² Там же. Л. 99.

³ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 230 (Б/д). Л. 41.

как доставляющая разные полезные сведения о стране поистине примечательной. Ныне же Пекинская миссия становится важною как могущая содействовать политическим и торговым видам нашего правительства». Обширные задачи этой миссии были сформулированы в секретных инструкциях МИДа: во-первых, глава миссии должен был начать переговоры с китайской стороной об открытии ещё одного (в дополнение к Кяхте) пункта меновой торговли возле Бухтарминской крепости, а также о возможности плавания по Амуру для подвоза товаров в «североамериканские наши селения» и на Камчатку. Вести переговоры по этому вопросу должен был Ю.А. Головкин, возглавивший русское посольство в Китай в 1805 г. До Пекина Головкин не доехал, поскольку китайская сторона отказалась принять многочисленное российское посольство, и переговоры не состоялись. А право плавания по Амуру Россия получила лишь по Айгунскому договору 1858 г. [11, с. 29].

12-я миссия отправилась в Китай в 1839 г. Она должна была «по возможности» способствовать налаживанию политических связей двух государств. В составе миссии числились астроном, лекарь, художник, ибо «через них упрочиваются и распространяются связи с нужными для нас лицами»⁴. Инструкции МИДа 1840 г. гласили: «Торговля с Китаем составляет важнейший предмет и можно сказать главную цель наших политических действий в отношении к сему государству» [13, с. 138]. Несмотря на усилия российских властей, официальные дипломатические отношения с Китаем долго не складывались. Ещё при отправке в Пекин девятой духовной миссии о. Иакинф получил из Петербурга предписание добиваться отправки из Китая в Россию дипломатического посольства⁵. При этом российские власти интересовались вопросом о внешних связях Китая: о. Иакинф должен был докладывать, как обстоят дела с англо-китайской торговлей и насколько Цинское правительство расположено к англичанам. Известно, что английская торговля в Китае развивалась активно, и английские суда имели доступ в пять китайских портов. Большую часть английского ввоза составлял опиум, что и привело вскоре к началу опиумных войн, по результатам которых были подписаны первые неравноправные торговые договоры, позволившие расширить торговые отношения Англии с Цинской империей и наводнить её рынок дешёвыми товарами [2, с. 65]. Позже, когда первые российские консулы прибыли в Китай, они доносили в Азиатский департамент МИД о том, что англичане снабжали бухарского хана Эмир-Музаффар-Бигадура ружьями, пушками и деньгами, а также предлагали ему совместные военные действия против России. Но хотя бухарский хан был недружественно настроен к российским властям, он не только не согласился на сотрудничество с англичанами, но и приказал казнить английского посланца⁶. Не оказал англичанам помощи против России и хан Коканда.

⁴ Там же. Д. 6 (1839). Л. 306–307.

⁵ Там же. Ф. ГА IV-4. Оп. 123. Д. 1 (1810–1823). Л. 76.

⁶ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 123. А. Татаринов в Азиатский департамент МИД. 7 августа 1854 г.

Сближение владений России с владениями Цинской империи диктовало необходимость нормализации политических и торговых связей двух стран. Ещё до утверждения первых дипломатических представительств в МИДе активно обсуждалась необходимость устроить в Китае дипломатические посты для поддержки взаимной торговли. В 1844 г. начальнику Сибирского таможенного округа было поручено собрать сведения об установлении пути от Чугучака до Кульджи и об основных товарах будущей торговли с Китаем. Одновременно директору Кяхтинской таможни поручалось разведать (в секретном режиме) о дорогах в западной части Китая, а начальнику Пекинской миссии – сообщить о возможности налаживания торговых связей⁷. В мае 1844 г. в МИД поступил доклад из Оренбурга о продолжении в Киргизской степи топографических работ. К докладу была приложена карта, на которой были помечены уже готовые съёмки и планы по завершению картографического описания. На лето того года была запланирована «полуинструментальная съёмка» двумя партиями топографов «под прикрытием» 80 казаков каждая⁸. На карте была изображена обширная территория казахской степи от Оренбурга до Каспийского и Аральского морей, включая хивинское укрепление Биш-кала и кокандское укрепление Кош-курган вплоть до течения р. Сырдарья. Эти территории граничили с областями Западного Китая, представлявшими особый интерес для российских властей.

В 1845–1846 гг. в Западном Китае под видом купца побывал будущий директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов, который сделал вывод о том, что торговля с этой провинцией имеет структуру, отличную от Кяхтинского рынка, и существенно дополняет её. Обращение Любимова к российскому императору по открытию торговли с Западным Китаем было поддержано Николаем I. Главе очередной Пекинской духовной миссии архимандриту Поликарпу (в миру П.А. Тугаринов) и приставу миссии Е.П. Ковалевскому было поручено добиваться открытия для России рынков Синьцзяна и Восточного Туркестана. 5 июля 1847 г. архимандрит направил в Трибунал внешних сношений Китая прошение, в котором указывал на неудобство русско-китайской торговли исключительно через Кяхту. Кяхта и китайский Маймачин были единственными пунктами обмена русских и китайских товаров. Из Кяхты товары везли на Макарьевскую и Нижегородскую ярмарки. Россия поставляла в Китай меха, но их доля последовательно уменьшалась, а возрастала доля промышленных изделий. 90% российского импорта приходилось на чай; по объёму ввоза чая Россия уступала только Англии и США [13, с. 136].

Цинское правительство отказалось от русских предложений, сославшись на противоречие подобной просьбы с имеющимися в стране законами [4, с. 266]. Лишь в мае 1850 г. китайский император Даогуан поручил наместнику в Синьцзяне И Шаню вступить в переговоры с российскими представителями – Е.П. Ковалевским и А.Е. Влангали – для определения мест торговли на границе

⁷ АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 1055 (1843). Л. 2 с об. Вронченко К.В. Нессельроде. 3 мая 1844 г.

⁸ Там же. Ф. СПб ГА III-3. Оп 98. Д. 10 (18440). Л. 1.

китайских округов Или и Тарбагатай. Российская сторона предлагала открыть торговлю в Кульдже, Чагучаке и Кашгаре. Переговоры шли с трудом: илийский наместник И Шань и тарбагатайский военный начальник Бу Янтай предложили новый текст договора, в котором выдвигали претензии на Семиречье. Цинские власти боялись утратить влияние над проживавшими там народами Джунгарии и Восточного Туркестана – уйгурцами, казахами, киргизами. Кульджа и Чугучак, ранее входившие в Джунгарское ханство, были завоеваны Китаем в XVIII в. и включены в состав Синьцзяна. Посредниками в российско-китайской торговле стали казахские и киргизские владельцы и султаны. Маньчжуро-китайские чиновники пользовались полуполюгальным статусом этой торговли для личного обогащения, обирали купцов и грабили караваны [1, с. 151]. Наконец, в феврале 1851 г. был получен ответ Трибунала внешних сношений о согласии решить вопрос о торговле России с западным Китаем.

25 июля 1851 г. был заключён Кульджинский договор. Статья 2 договора гласила: «Для наблюдения за делами русских подданных определяется со стороны России консул ... споры и ссоры между подданными обеих сторон решают с должным вниманием русский консул и ... китайский чиновник» [11, с. 27]. Статья 3 посвящалась торговым отношениям двух стран: «Торговля сия открывается ради взаимной дружбы двух держав, а потому с обеих сторон пошлины не брать никакой» [11, с. 26]. Торговля объявлялась меновой, цены устанавливались свободно, торговля должна была вестись только на китайской стороне (в отличие от Кяхты, где вторым пунктом обмена был китайский Маймачин в 100 км от Кяхты). Наблюдение за делами русских подданных возлагалось на российских консулов, а китайские купцы находились в подчинении чиновника Илийского управления. Торговля признавалась возможной в период с 25 марта по 10 декабря каждого года, движение караванов происходило под охраной китайцев [12, с. 58].

Согласно Кульджинскому торговому договору 1851 г., в Китае утверждались два российских консульства: в Чугучаке (Тарбагатай) и Кульдже (Или). Они должны были выполнять функции торговых представительств, консулы имели право разбирать судебные споры и защищать права российских подданных, ведших торговлю с Китаем. Все споры между российскими и китайскими подданными разбирались совместно консулом и китайским чиновником. Первыми консулами России в Китае стали коллежские асессоры Александр Татаринов – в Чугучаке, и Иван Захаров – в Кульдже⁹. Татаринов ранее служил медиком при Пекинской духовной миссии, что было признано весьма полезным при назначении его в Чугучак. «Через практику свою в Чугучаке он может войти в ближайшие связи с местными китайскими властями и тем самым приносить более пользы», – говорилось в Инструкциях барону Врангелю¹⁰. Оба консула в прошлом (1840–1850) состояли в Пекинской духовной миссии, знали китайский язык.

⁹ АВПРИ. Ф. СП6 ГА. IV-2. Оп. 119. Д. 4 (1851). Л. 11 об.

¹⁰ Там же. Л. 105. Проект инструкций майору барону Врангелю. 23 февраля 1852 г.

По возвращении в Петербург Тататинов и Захаров были приняты на службу в Азиатский департамент МИД, награждены орденами Св. Владимира 4-й степени и рекомендованы на посты консулов в Западном Китае¹¹.

На обустройство консульских домов и факторий выделялась сумма в 28 тыс. руб. серебром в серебряных слитках «той формы и пробы, какие изготавлиются для Пекинской духовной миссии»: денежные расчёты в Китае издревле велись не монетой, а серебряными слитками разного веса – ланами. Слитки на обустройство факторий были отлиты в Петербурге и имели вес в 1 фунт, полфунта, одну четверть и одну восьмую фунта – всего 941 слиток. Первое время с торговыми расчётами не всё шло гладко. Татаринов докладывал в МИД: «Наше серебро сначала китайцы совсем не брали; теперь же, когда достоинство его испытали они известными им способами, дают за него слишком дёшево сравнительно с променом, существующим в Пекине»¹².

Перед въездом в пределы Цинской империи Татаринов направил чиновнику Чугучака специальное обращение, в котором говорилось: «Вследствие заключённого в прошлом году в г. Или торгового трактата, назначен я консулом в г. Тарбагатай для наблюдения за делами русских подданных во исполнение 2-й статьи трактата ... покорнейше прошу сделать распоряжение о пропуске меня в пределы Китая со всеми находящимися при моём караване людьми. Коих числом 13 человек, а именно: секретарь, четверо казаков и восемь служителей»¹³. При официальном представлении амбаню, которое происходило «при собрании местных военных и гражданских чинов, от ворот крепости до самого присутственного места по сторонам дороги стояли солдаты разных знамён; перед самым представлением палили из пушек, играла музыка»¹⁴. Общение с высшим китайским начальством поначалу было сложным. Сказывался известный «принцип нетерпимости иностранцев», по словам генерал-губернатора Западной Сибири. Ходили слухи о том, что китайское начальство «раскаивается даже в заключении трактата и не намерено строго следовать его положениям». Вскоре после прибытия в Чугучак Татаринов писал: «При встрече китайское начальство всеми мерами хотело выдержать обычный свой тон, старалось в самых мелочных приёмах выказать преимущество своей нации и только после продолжительных доказательств с моей стороны, что в сношениях между дружественными, равными государствами должны быть соблюдаемы и равные приличия, все требования китайцев ограничились обыкновенными вежливостями»¹⁵. Немного позже он продолжил тему различия двух культур: «Слова: дружба, согласие – слушаются и выговариваются ими (китайцами – Е.К.) равнодушно, без полного сознания пользы и интереса, какие заключаются в оных для их Отечества!»¹⁶.

¹¹ Там же. IV-1. Оп.117. Д. 11. Л. 4, 10. А.Я. Дашков К.В. Нессельроде. 1 января 1851 г.

¹² Там же. IV-2. Оп 119. Д. 6. Л. 16 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 9 июня 1852 г.

¹³ Там же. Л. 6. А.Татаринов Тарбагатайскому Хэ-бэй Амбаню. 6 мая 1852 г.

¹⁴ Там же. Л. 8 об. А Татаринов в Азиатский департамент. 22 мая 1852 г.

¹⁵ Там же. Л.45. А.Татаринов в Азиатский департамент. 2 апреля 1853 г.

¹⁶ Там же. Л. 45.

Консулам полагалось годовое жалование в 2500 руб. серебром, а их секретарям и переводчикам – по 500 руб. Секретарями консулов были назначены чиновники из пограничного управления сибирскими киргизами: в Кульджу – переводчик И. Безверхов, а в Чугучак – М. Вардугин¹⁷. Каждому консульству полагалась охрана из двух урядников и двух казаков Сибирского линейного казачьего войска. Ещё 10 казаков назначались для сопровождения прибывшего позже майора Врангеля. Отъезжавшим были выделены подъёмные, прогонные и столовые деньги в сумме 7840 руб. серебром. Кроме того, был утверждён список вещей для подарков китайским чиновникам: стеклянная посуда, зеркала, черепаховые гребни, часы с компасом, подзорная труба, подстаканники, портфели, соболя, а также карандаши, мыло и перчатки. На их покупку было выделено 600 руб. серебром¹⁸.

5 февраля 1852 г. в Петербурге были приняты «Правила для торговли с западным Китаем», согласно которым в Кульджу и Чугучак для совершения торговых сделок допускались российские купцы первой, второй и третьей гильдий¹⁹. Начальник каждого купеческого каравана был обязан иметь выдаваемый правительством «билет» на торговлю, без которого караван в Китай не допускался. Билеты выдавались на таможнях – Семипалатинской, Петропавловской, Троицкой и Усть-Каменогорской. Из России в Китай везли железо и кожи, а в обратном направлении – байховый и кирпичный чай, шёлк и ревень. Особенно ценился доставляемый из Кяхты копытчатый ревень, тогда как ревень и мускус из Западного Китая считались не столь ценными. Большие убытки российская торговля несла от контрабандной торговли золотом – в Китай свозилось золото с приисков, не контролируемых Горным ведомством. Учреждение торговых факторий должно было способствовать прекращению контрабанды и упорядочению русско-китайской торговли. Кроме того, до приезда российского консула в Кульдже процветала торговля опиумом; обычным делом были злоупотребления местных караван-баши, перекупавших баранов у киргизов за фиксированную низкую цену²⁰. «Правила для торговли с западным Китаем» включали список товаров, запрещённых к вывозу в Западный Китай, в т.ч. золото и серебро (также в монетах), огнестрельное оружие и порох, опий, российские кредитные билеты.

С началом регулярной торговли возникли и определённые трудности. В 1854 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт сообщал в Азиатский департамент МИД о недовольстве китайцев качеством некоторых российских товаров. По мнению Гасфорта, следовало бы сделать внушения некоторым московским фабрикантам «о более добросовестном изготовлении требуемых в Китае мануфактурных изделий»²¹. Известно, что для обмена в Кяхте московские

¹⁷ Там же. IV-1. Оп.117. Д.3. Л. 1 об. Г. Гасфорт Л.Н. Сенявину. 13 апреля 1852 г.

¹⁸ Там же. СПб ГА. Оп. 119. Д. 5. Л. 142, 145.

¹⁹ Там же. Л.15.

²⁰ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 1078. Л. 7. Рапорт консула Захарова генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту. 26 августа 1853 г.

²¹ Там же. Л.1 об. Г. Гасфорт Л.Г. Сенявину. 3 июля 1854 г.

фабрики производили сукна – коленкор, плис, юфть, а также «вещи медные и железные». Со временем положение не менялось – согласно регулярным отчётам консулов МИДу, торговля скотом успешна, но «русские мануфактурные произведения идут плохо»²².

Прибывший в Китай майор барон Врангель имел предписание МИДа приступить к постройке зданий консульств и всего необходимого для факторий. В Инструкциях, которыми был снабжён Врангель, говорилось, что фактории следует устроить «удобно и прочно», но «без всякой роскоши» и «без лишних издержек»²³. Примечательно, что посланный МИДом Врангель негласно имел старшинство перед назначенными консулами, которым предписывалось по всем вопросам советоваться с майором, но перед китайцами выступать от своего имени. Приступая к постройке факторий, Захаров и Татаринов обнаружили, что китайцы выделили для них участки, хорошо просматриваемые от китайской таможни. Российские представители возразили и выбрали места на возвышенности, имевшие свои преимущества.

Александр Татаринов, прибыв в Чугучак, первое время вынужден был жить в юрте, поставив перед ней на флагштоке российский консульский флаг. Территория для фактории была выбрана на берегу р. Карасу, недалеко от города. Все русские купцы поселились на территории фактории, которая сначала была обнесена земляной стеной и рвом, а затем начала обустриваться изнутри. В первую очередь были построены казарма в две комнаты с кухней, баня, погреб и колодец. Все постройки шли неспешно и стоили дорого из-за нехватки леса для зданий. Уже в 1853 г. Татаринов писал в Азиатский департамент о готовности построек: «Архитектура всех зданий имеет сходство с китайскою, от которой отличается расположением и формою окон и дверей, подобно как в зданиях Духовной миссии в Пекине. Полы в каждом здании и помосты под навесами выстланы кирпичом»²⁴. Всего на обустройство фактории в Чугучаке было израсходовано 13 286 руб.

Помимо негласного руководства консулами Врангель должен был «собирать всякие полезные сведения ... по разным предметам торговли», но делать это «с крайней осторожностью и осмотрительностью, дабы ... не возбудить ничем подозрений местных китайских властей». Впрочем, местное руководство встретило российских представителей весьма дружелюбно и направило своим торговцам строгие указания торговать с русскими «без всякого малейшего обмана» и по ценам, существовавшим в то время в Китае²⁵. «Китайские купцы охотно посещают наших купцов; равным образом наши свободно ходят в город, – докладывал Татаринов, – китайский народ смотрит на русских без предубеждения и в обращении своём сказывает ласковость и готовность»²⁶. Уже к ноябрю 1852 г.

²² Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 25 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 24 сентября 1852 г.

²³ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 45 об.

²⁴ Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 86 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 11 ноября 1853 г.

²⁵ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 125 об. «Постановление из Дайцинского государства из Илийского главного управления».

²⁶ Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 19.

задание по постройке факторий было выполнено, и барон Врангель выехал обратно в столицу²⁷. В первом из годовых отчётов за 1852 г. консул Захаров подробно описывал устройство подведомственного ему учреждения. Отношения с местными чиновниками хорошие, писал Захаров, больших торговых оборотов нет, только мелкие сделки; поведение консульского состава – секретаря Безверхова и казачьей команды – отличное²⁸. Каждую факторию охраняли четыре казака Сибирского казачьего войска, которые менялись каждые два года. Постепенно территории факторий обустроивались. На общем плане фактории в Кульдже сразу было выделено место для православного храма, а к 1875 г. в Чугучаке была построена православная церковь [10, с. 56].

Особое внимание российский МИД уделял ведению переписки с открывшимися консульствами. Гасфорт писал директору Азиатского департамента, что доставку писем в Кульджу и Чугучак нельзя доверять китайским посыльным. Его поддержал и майор Врангель: в своём донесении в Азиатский департамент сразу по прибытии в Китай он предлагал учредить казачью почту на двух российских постах – в Аягузе и на Копале²⁹. В этих двух пунктах предполагалось содержать по четыре пары лошадей и через каждые две недели отправлять почту с урядником и казаком. Из Аягуза почта должна была идти в Чугучак, а из Копалы – в Кульджу; ответы следовало отправлять с теми же посыльными. На устройство двух почт было израсходовано 1110 руб.

Заключение Кульджинского договора и учреждение консульств в Кульдже и Чугучаке открыло Синьцзян для русской торговли, что способствовало расширению военно-политического влияния России в Средней Азии. После заключения договора русско-китайская торговля в ближайшие три года выросла в четыре раза, но значение договора превосходит этот выдающийся коммерческий результат. Прежде всего, произошёл прорыв в установлении политических контактов с Цинской империей, предоставившей России благоприятные условия для дальнейшего двустороннего развития связей. Позже, по Тяньцзинскому договору 1858 г. Россия получила право иметь своего дипломатического агента в Пекине, а также назначать консулов в семь китайских портов, открытых для русской торговли [5, с. 38]. Сверх того, взаимоотношения Цинского правительства с Россией были переданы из ведомства Лифаньюань в Трибунал внешних сношений, что свидетельствовало о повышении уровня русско-китайских отношений в целом [11, с. 31].

Список литературы:

1. Антонов Н. К истории заключения русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 148-165.
2. Бугрова М.С. «Открытие» Китая и британ-

²⁷ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 167.

²⁸ Там же. Л. 129. Отчёт за 1852 г. 5 января 1853 г.

²⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 7. Л. 1. Рапорт майора барона Врангеля в Азиатский департамент. 13 апреля 1852 г.

- ская «неофициальная» дипломатия во второй половине XIX века // V Пять веков мировой истории. Вып. 1. СПб.: Геликон Плюс, 2007. С. 65–72.
3. Горбачёва К.А. Российская православная духовная миссия в Китае в 1820–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 147–161.
 4. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 311 с.
 5. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб.: типография И. Габрмана, 1881. 50 с.
 6. Кудрявцева Е.П., Пономарёв В.Н. Дипломатия и МИД России во второй четверти XIX в. // Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. I. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 290–351.
 7. Мясников В.С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М.: ИНИОН РАН, 1993. 228 с. С. 106–107.
 8. Мясников В.С., Попова И.Ф. Вклад о. Иакина в мировую синологию // Вестник Российской академии наук. 2002. № 12. С. 1099–1105.
 9. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизация и культура. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Институт востоковедения АН РФ, 1995. С. 215–233.
 10. Пескова Г.Н., Глушакова О.А. Архив внешней политики Российской империи // Православие и российское государство X–XX века. Каталог историко-документальной выставки. М.: Пинакотека, 2000. С. 55–57.
 11. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 142 с.
 12. Сладковский М.И. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX в. // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55–64.
 13. Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII–50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99–148.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

ESTABLISHMENT OF THE FIRST RUSSIAN CONSULATES IN CHINA IN 1851–1852

E.P. Koudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-59-71

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

The First Russian consulates in Western China were established in 1851. Russian representatives I. Zakharov and A. Tatarinov arrived in Kulja and Chuguchak in early 1852. Numerous reports of the Russian consuls to the Asian Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs contain highly interesting material concerning the first diplomatic contacts between Russia and China. None of the documents from the Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs were used by national historians, they only mentioned the fact, that according to the Treaty of Kulja Chinese cities Yili and Tarbagatai hosted Russian representatives that looked after trade. Documents from the Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs

reveal how the first Russian consuls arranged Russian factories in Xinjiang, how they interacted with local authorities and traders, course of barter. Establishment of the first Russian consulates was essential for the further development of diplomatic relations: in 1858 China opened 7 seaports for Russian traders, in 1861 the first Russian diplomatic representative was appointed to China. Isolationism that China adhered to was left behind to promote full-scale diplomatic relations. Russian consulates were the first diplomatic missions in the Qing China and played a big role in the development of the Russian-Chinese relations.

Key words: Russian-Chinese relations, Russian Ministry of Foreign Affairs, consular service, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing.

References

1. Antonov N. K istorii zaklyucheniya russko-kitayskogo dogovora 1851 g. v Kuldzhe [To the history of the conclusion of the Russian-Chinese treaty of 1851 in Kuldja]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv falsifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents are refuted. Against the falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow, Mysl Publ., 1982. Pp. 148-165. (In Russian).
2. Bugrova M.S. «Otkrytie» Kitaya i britanskaya «neofitsialnaya» diplomatiya vo vtoroy polovine XIX veka [“Discovery” of China and British “unofficial” diplomacy in the second half of the XIX century]. *V Pyat vekov mirovoy istorii [Five Centuries of World History]. Issue. 1*. St. Petersburg, Gelikon Plyus Publ., 2007. Pp. 65–72. (In Russian).
3. Gorbacheva K.A. Rossiyskaya pravoslavnyaya dukhovnaya missiya v Kitae v 1820–1930-e gody [Russian Orthodox spiritual mission in China in the 1820s–1930s]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2017, no. 1, pp. 147–161. (In Russian).
4. Gurevich B.P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoy Azii v XVII–pervoy polovine XIX v* [International relations in Central Asia in the XVII–first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 311 p. (In Russian).
5. Martens F.F. *Rossiya i Kitay* [Russia and China]. St. Petersburg, tipografiya I. Gabrmana, 1881. 50 p. (In Russian).
6. Kudryavtseva Ye.P., Ponomarev V.N. Diplomatiya i MID Rossii vo vtoroy chetverti XIX v. [Diplomacy and the Ministry of Foreign Affairs of Russia in the second quarter of the XIX century]. *Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. T. I. Moscow, OLMA-Press Publ., 2002. Pp. 290-351. (In Russian).
7. Myasnikov V.S. Istoriko-kulturnye osobennosti ekonomicheskogo vzaimodeystviya Rossii s Kitaem [Historical and cultural features of economic interaction between Russia and China]. *Rossiya vo vneshneekonomicheskikh otnosheniyakh: uroki istorii i sovremennost* [Russia in foreign economic relations: lessons of history and modernity]. Moscow, INION RAN Publ., 1993. Pp. 106–107. (In Russian).
8. Myasnikov V.S., Popova I.F. Vklad o. Iakinfy v mirovuyu sinologiyu [Contribution of Iakinfy in world sinology]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2002, no. 12, pp. 1099–1105. (In Russian).
9. Myasnikov V.S. Mezhdunarodnyye otnosheniya Rossii s Kitaem kak forma mezhtsilizatsionnogo kontakta [Interstate relations of Russia with China as a form of intercivilizational contact]. *Tsilizatsiya i kultura* [Civilization and culture]. Vyp. 2. Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya [Issue. 2. Russia and the East: Civilizational Relations]. Moscow, Institut vostokovedeniya AN RF Publ., 1995. Pp. 215–233. (In Russian).
10. Peskova G.N., Glushakova O.A. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. *Pravoslavie i rossiyskoe gosudarstvo X–XX veka. Katalog istoriko-do-*

- kumentalnoy vystavki* [Orthodoxy and the Russian state of the X-XX century. Catalog of the historical and documentary exhibition]. Moscow, Pinakoteka Publ., 2000. Pp. 55-57. (In Russian).
11. *Russko-kitayskie otnosheniya. 1689–1916. Ofitsialnye dokumenty* [Russian-Chinese relations. 1689-1916. Official documents]. Moscow, Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ., 1958. 142 p. (In Russian).
 12. Sladkovskiy M.I. Otnosheniya mezhdou Rossiei i Kitaem v seredine XIX v. [Relations between Russia and China in the middle of the XIX century]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1975, no. 3, pp. 55–64. (In Russian).
 13. Khokhlov A.N. Kyakhtinskaya trgovlya i ee mesto v politike Rossii i Kitaya (20-e gody XVIII–50-e gody XIX v.) [Kyakhta trade and its place in the politics of Russia and China (20's 18th-50th years of the XIX century)]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv falsifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents are refuted. Against the falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow, Mysl Publ., 1982. Pp. 99-148. (In Russian).

About the author:

Elena P. Koudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in department «Russia in international relations» in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianova, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.

БАЛКАНСКИЙ ОПЫТ МИРОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Е.Ю. Гуськова

Институт славяноведения РАН

Статья посвящена одному из вариантов урегулирования на Балканах – деятельности миротворческих сил ООН в Хорватии и Боснии и Герцеговине (БиГ). Вопрос рассматривается с точки зрения применения методики размещения «голубых касок» на конфликтных территориях в зависимости от внутренней ситуации в регионе. Сегодня в связи с активным обсуждением вопроса о введении международных миротворческих сил на Украину опыт «голубых касок» на территории бывшей Югославии вновь становится актуальным. Следует подчеркнуть, что югославский вариант миротворчества не столь однозначен, как иногда кажется. Сценарии использования «голубых касок» были разными в Хорватии и БиГ. Какой из них оказался эффективнее с точки зрения предотвращения дальнейших военных действий? Как показал опыт «голубых касок» в БиГ, защита отдельных городов не смогла приостановить военные действия и лишь способствовала усилению одной стороны конфликта. Более результативным оказался опыт миротворчества в Хорватии, где разъединение воюющих сторон на несколько лет принесло мир и возможность мирному населению избежать многочисленных жертв. Недостатком деятельности миротворцев в Хорватии являлось то, что они не смогли противостоять наступательным операциям хорватской армии на сербские районы, фактически расступаясь перед ней.

Ключевые слова: ООН, Югославия, Хорватия, Босния и Герцеговина, «голубые каски», миротворчество, урегулирование кризиса.

УДК 327.56

Поступила в редакцию 13.05.2018 г.

Принята к публикации 19.06.2018 г.

В 1990-е гг., когда распадалась Югославия, когда Балканы захлестнул глубочайший кризис и там прогремели четыре войны, США и Европа впервые после Второй мировой войны пытались найти варианты урегулирования конфликта, предлагали различные планы, ввели миротворческие войска на территорию Хорватии и Боснии и Герцеговины (БиГ), задействовали арсенал различных международных структур, включая НАТО. Важность этого опыта определяется попыткой Запада создать универсальную методику управления кризисом, широко используя балканскую практику решения проблем: ультиматумы и разные варианты давления на одну из сторон, а также применение силы против непослушных народов без санкций ООН.

Проблему миротворчества на Балканах в 90-е гг. современные авторы изучают, опираясь, преимущественно, на документы и материалы ООН и СООНО, воспоминания как участников миротворческих операций, так и официальных лиц, занимавшихся этим вопросом. Среди российских и зарубежных исследователей, писавших о поставленной нами проблеме, следует назвать Н.В. Васильеву, В.А. Гаврилова, В.А. Миркискина, С. Радуловича, К. Шульца, Д. Оуэна, Б. Магаш, И. Занича. Однако их интерес относился, прежде всего, к событиям первой половины 90-х гг. И если они писали о миротворчестве, то лишь с точки зрения поставленных перед собой задач. Никто из них не анализировал результаты деятельности «голубых касок», тем более не сравнивал их опыт в Хорватии и БиГ. Сегодня же актуальной становится постановка вопроса о применении балканского опыта к событиям в других регионах, прежде всего, на Украине.

Мы уже писали о том, как Запад пытался остановить войну в БиГ, безуспешно предлагая разные варианты планов мирного урегулирования [2; 3]. Следует подчеркнуть, что югославский вариант миротворчества не столь однозначен, как иногда кажется. «Голубые каски» вводили и в Хорватию, и в Боснию и Герцеговину. Но сценарии их использования были разными. Какие из них были успешнее с точки зрения предотвращения дальнейших военных действий? Попробуем разобраться.

В декабре 1991 г. в ООН под руководством генерального секретаря был разработан план урегулирования в бывшей Югославии с помощью международного контингента миротворцев, которые должны были остановить военные столкновения на территории Хорватии, а позже – в Боснии и Герцеговине. Это опыт уникален, т.к. итоги деятельности миротворцев на Балканах дают пищу для размышления об эффективности деятельности «голубых касок» в зависимости от их размещения, управления, состава, поставленных целей и задач. В связи с этим крайне важно проанализировать все плюсы, но особенно минусы введения «голубых касок» на территории, стремящиеся к автономии.

Цель плана в **Хорватии** заключалась в том, чтобы остановить вооружённые столкновения между хорватскими правительственными войсками и добивавшимися автономии сербами, а также обеспечить защиту местного населения. Для этого представитель генерального секретаря ООН Сайрус Вэнс предлагал опре-

делить в Хорватии районы, наиболее пострадавшие от военных действий. Оказалось, что речь идёт, прежде всего, о сёлах и городах с большинством сербского населения. Именно там шли самые ожесточённые бои между хорватской армией и сербскими ополченцами. Сайрус Вэнс предлагал полностью демилитаризировать эти районы, а их население защитить от угрозы вооружённого нападения, разместив там «голубые каски». Намечено было три таких района — Восточная Славония, Западная Славония и Книнская Краина. В Восточной Славонии «голубые каски» предполагалось разместить на границе между сербскими и хорватскими войсками, тем самым разъединив сербов и хорватов. План, подлежавший одобрению воюющих сторон, предполагал:

формирование миротворческих подразделений странами-членами ООН на добровольной основе;

руководство операцией личным представителем генерального секретаря ООН, в подчинении которого будут находиться и непосредственные исполнители плана – гражданские и военные руководители подразделений Миссии;

руководство «принимающей стороны» должно обеспечить миротворцам необходимую помощь.

Согласно плану ООН, стороны должны были соблюдать режим прекращения огня, вывезти все подразделения Югославской народной армии с территории Хорватии, Зоны под защитой ООН подлежали демилитаризации. В плане подчёркивалось, что местные власти и полиция продолжают функционировать на временной основе до достижения общего политического урегулирования югославского кризиса. Но главная цель заключалась в том, чтобы «остановить боевые действия и создать условия для проведения политических переговоров»¹.

31 декабря 1991 г. план был одобрен ООН, а также Президиумом доживавшей последние дни СФРЮ. С. Милошевич надеялся, что в результате осуществления миротворческого плана территория Сербской Краины будет защищена, так что сербы «смогут почувствовать себя в безопасности и свободно решать свою будущую судьбу»². Миротворческая миссия была названа «Силы ООН по охране» (UNPROFOR, или по-русски СООНО), за её создание голосовал Совет Безопасности (резолюции 743 от 21 февраля 1992 г. и 749 от 7 апреля 1992 г.). Разворачивались «голубые каски» достаточно быстро: по распоряжению Б. Бутрос-Гали их приход подготовила группа военных и гражданских лиц, прибывших в Хорватию в начале 1992 г., а размещение первых подразделений началось уже в апреле того же года. В докладе Генерального секретаря подчёркивалось, что «в Хорватии произошло разделение полномочий между ООН и ЕС. Европейское сообщество продолжало выполнять функции по установлению мира в Югославии в целом, в то время как ООН получила мандат на поддержание мира только

¹ Очередной доклад генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 721 (1999) Совета Безопасности (4 февраля 1992 г.) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1. С. 113.

² Izjava predsednika Republike Srbije S.Miloševića od 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG, Beograd, 1991, 31 dec.

в Хорватии»³. Позже Совет Безопасности неоднократно обсуждал вопрос о миротворческой миссии ООН на территории бывшей Югославии. Расширение и уточнение полномочий «голубых касок» было закреплено в ряде резолюций СБ ООН.

Сайрус Вэнс с начала деятельности Миссии стал личным представителем Б. Бутрос-Гали в Югославии. В апреле 1992 г. в Хорватию приехали первые 8 332 миротворца, из них 7 975 военнослужащих. В общей сложности миротворцев послали 36 стран, военные и гражданские лица СООНО говорили на 19 языках. В 1995 г. численность Миссии увеличилась до 42 тыс. чел. [10, р. 47]. Штаб сначала находился в Сараеве (350 чел.), но когда вслед за Хорватией «вспыхнула» Босния и Герцеговина, его перевели в Белград. Позже штаб-квартиру Силы разместили в Загребе. Миротворцы использовали всю военную структуру бывшей Югославской народной армии – казармы, аэродром, систему связи⁴.

Силы миротворцев в 1995 г. состояли из военных и гражданских подразделений. Военные (38 599 чел.) делились на пехотные войска (37 915 чел.) и военных наблюдателей (684 чел.). Пехотинцы занимались патрулированием во всех секторах, осуществляли связь со сторонами конфликта, обслуживали пропускные пункты и пункты наблюдения. Военные наблюдатели отвечали за соблюдение режимов прекращения огня, за вывод Югославской народной армии из Хорватии, за складирование тяжёлой техники всех сторон конфликта, проводили расследования столкновений, патрулировали зоны своей ответственности. В 1994 г. в Гражданских службах, администрации, гражданской полиции и службе информации было занято более 5 тыс. чел.⁵ [10]. Работая в Загребе в Штабе СООНО, я видела, что большое количество вольнонаёмных, преимущественно хорватов, занимались размещением персонала, установлением связи, медицинским обслуживанием, разминированием объектов и дорог, работали водителями, поварами, чернорабочими.

В марте 1992 г. конфликт распространился на территорию Боснии и Герцеговины: военные действия были хаотичными, что затрудняло проведение чёткой границы между тремя воюющими сторонами. Решением СБ ООН мандат СООНО был распространён и на БиГ. Первой задачей миротворцев в этом регионе стало обеспечение безопасной работы аэропорта Сараева. Надо было сделать надёжной доставку гуманитарной помощи в этот город и близлежащие районы. Когда раздумывали, как размещать «голубые каски» в БиГ, то схема их расположения была изменена по сравнению с Хорватией. Были учреждены «зоны безопасности», которые не шли вдоль границы воюющих сторон, а располагались вокруг пяти городов БиГ (с большинством мусульманского населения) и Сараева.

«Голубые каски» были дорогостоящей операцией. Миссия была оснащена современной техникой, автомобилями, вертолётами и самолётами, очень высо-

³ Документ ООН. S/23836.

⁴ Документ ООН. S/23844.

⁵ Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.

кими были зарплаты военных и гражданских лиц. С 12 января 1992 г. по март 1996 г. миротворцы на территории бывшей Югославии потратили 4 616 725 556 долл. США [4, с. 62].

Каждое подразделение Миссии носило униформу своей национальной армии, но у них имелись общие отличительные знаки – голубой берет или каска, нарукавная повязка с эмблемой ООН. Солдаты миротворческих подразделений могли иметь только лёгкое стрелковое оружие, им запрещалось его использовать, открывать огонь. Исключение делалось только для случаев прямого нападения на них. Военные наблюдатели и гражданские полицейские не были вооружены.

Главный штаб СООНО в Загребе играл важную координирующую роль. Сюда стекалась информация всех структур и подразделений Миссии из Хорватии, Боснии, Сербии, Македонии. Ежедневно полученные сведения систематизировались, отчёты обобщались, а затем отправлялись в Нью-Йорк, в ООН. Штаб отчитывался и за каждое подразделение Миссии, и за её деятельность в целом.

Большая ответственность лежала на командующих миротворческими силами ООН, которые стремились разъединить враждующие стороны, снизить напряжённость, руководить объективно и непредвзято. Но это не всегда удавалось. Вашингтон строго следил за тем, чтобы командующие изначально понимали, кто главный виновник разгоравшихся конфликтов, однако многие из них всё-таки стремились самостоятельно разобраться в сложившейся ситуации международного конфликта. Тех, кто пытался усомниться в виновности только сербской стороны, отзывали с постов ранее положенного срока. Возвращаясь на родину, многие из них критиковали организацию Миротворческой миссии за предвзятое отношение к сторонам конфликта. Например, командующий Льюис Маккензи всего два месяца руководил вооружёнными силами СООНО (с апреля по август 1992 г.). Когда он приехал в Сараево, то был убеждён, что сербов надо учить уму-разуму. Но очень быстро он стал свидетелем того, как мусульмане жестоко расправились с сербскими солдатами, когда они по договорённости выходили из Сараева, как нарушали режим демилитаризованных зон⁶. Как вспоминал генерал, во время миссии в Сараеве его «высказывания часто не нравились ни Оттаве, ни Нью-Йорку»⁷. Сам Д. Оуэн признавался, что «до этого времени наивно смотрел на боснийских мусульман как на пристойную, обиженную сторону»⁸.

«Голубые каски» в Хорватии смогли приостановить военные столкновения между сербами Республики Сербской Краина (РСК) и хорватской армией. Долгожданный мир наступил, линия разграничения между воюющими сторонами была очерчена, но остался нерешённым целый ряд вопросов. Вопрос закрепления границ между РСК и Хорватией был одним из самых важных для сербов. Их волновал также будущий статус своей республики, возникшей на землях с большинством сербского населения. Как жить дальше, если Загреб считал эти

⁶ Рибич Н. Човек, који силовао лаж // Јавност. Сарајево, 1994. 29 окт. № 190. С. 11.

⁷ Станишић С. Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // Политика. Београд, 1993. 6 мај. С. 21.

⁸ Овен Д. Улазак у босански лонац // НИН. Београд, 1995. 8 дец. № 2345. С. 50.

территории принадлежащими государству Хорватия? Сербы Краины пытались убедить мировое сообщество в своём праве на самоопределение и нежелании оставаться в составе страны, которая стремилась создать мононациональное хорватское государство. Сербия, поначалу поощрявшая сербов Краины к независимости, со временем согласилась с тем, что все вопросы надо решать путём переговоров, вводя мораторий на определение статуса сербских земель. В Сербии с пониманием встретили предложение Сайруса Вэнса вести политический диалог всех сторон конфликта и принять только временные решения о статусе Краины. Следует напомнить, что, провозгласив 19 декабря 1991 г. Республику Сербскую Краину, сербы Краины надеялись обрести международное признание, мечтали об объективности международных организаций, были уверены в поддержке своих устремлений Белградом. Более того, большинство политиков РСК были убеждены, что Краина должна войти в состав Югославии, хотя как программу-минимум готовы были рассматривать вариант создания в Хорватии двух республик – хорватской и сербской. Именно поэтому созданная незадолго до описываемых событий Скупщина Краины приняла постановление о деятельности на территории РСК Конституции Югославии и её законов. Это облегчило бы, по мнению депутатов, формирование правовой системы в Краине. Народ мечтал никогда больше не видеть в РСК хорватский флаг, а хорватские власти при первой возможности именно установкой флага на общественных зданиях подчёркивали принадлежность «взбунтовавшихся» территорий Хорватии.

Трудность существования РСК заключалась в том, что самопровозглашённая республика состояла из трёх не связанных между собой территорий и 22 общин. Поэтому войска миротворцев размещались как по границе РСК с Хорватией, так и в ЗЗОН. В плане Вэнса были обозначены три района, которые надлежит охранять 15 тысячам миротворцев ООН. Тактически миротворцы были размещены в четырёх секторах: «Восток», «Запад», «Север» и «Юг».

Батальоны из Дании, Польши и Нигерии дислоцировались в секторе «Север» (северная часть Краины). В некогда прекрасной здравнице общегославского значения, местечке Топуско, располагался штаб сектора. В 1994 г. в секторе несли службу 4 045 миротворцев, включая 3 607 военных, 67 наблюдателей и 170 полицейских⁹.

К сектору «Юг» относилась южная часть Краины, где были развёрнуты батальоны из Франции, Чехословакии, Кении и Иордании. Штаб сектора располагался в столице непризнанной Республики – городе Книн. Всего в секторе «Юг» в 1994 г. было размещено 3 898 военных, 84 наблюдателя и 140 полицейских¹⁰.

Сектор «Запад» был самым небольшим образованием в Миссии. В относительно крупном городке Даруваре расположился штаб миротворцев. В секторе

⁹ Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.

¹⁰ Там же.

разместились канадский батальон пехоты, военные из Аргентины, Непала и Иордании, всего 2 786 военных, 30 наблюдателей, 198 полицейских¹¹. Служба миротворцев в секторе не была лёгкой, т.к. здесь хорваты стремились установить свою власть в первую очередь. Дарувар печально известен по антисербским гонениям ещё в 1991 г., которые продолжились и позже¹².

Сектор «Восток» охватывал Восточную Славонию и Бараню, граничил с Сербией, был растянут на много километров вдоль восточной границы Хорватии. В этом секторе службу несли два батальона – из России и Бельгии. Уже 15 мая 1992 г. сектор был полностью укомплектован и приступил к выполнению своих обязанностей. По сравнению с другими секторами «Восток» был самым малочисленным. В 1994 г. здесь служили всего 1 860 человек¹³. Штаб сектора располагался в городе Эрдут.

Нам важно обратить внимание на то, какие задачи ставились перед секторами СООНО в Хорватии по прибытии на место дислокации. Главное, что должны были сделать миротворцы, это определить линии разграничения, разъединив хорватскую и сербскую стороны, установить пропускные пункты на главных дорогах, ведущих в районы, охраняемые ООН, поставить их под контроль «голубых касок». Важно было остановить проход военных формирований через эти пропускные пункты, следить за нарушениями договора о прекращении огня, за использованием тяжёлого оружия, в частности, артиллерии и танков. Пожалуй, самой сложной задачей стала демилитаризация охраняемых СООНО районов, ведь стороны должны были вывезти из них всё тяжёлое вооружение на расстояние 30 км и сдать его под контроль миротворческих сил. С задачей вывода Югославской народной армии из всех секторов «голубые каски» справились достаточно легко, т.к. Белград чётко выполнял все договорённости. А вот отвод от линии фронта подразделений Хорватской армии оказался делом куда более сложным, ведь Загреб уже тогда разрабатывал операции по полному разгрому сербских военизированных формирований и интеграции сербских земель. Миротворцы, охраняя покой мирных жителей, должны были предотвращать их массовое изгнание из своих домов, пресекать доставку оружия и боеприпасов через охраняемую ими линию. Военные наблюдатели должны докладывать о процессе демилитаризации указанных районов, возникновении напряжённости, враждебности между сторонами. Если же на их территории возникнут столкновения, то «голубые каски» не должны открывать огонь, а просто встать между враждующими сторонами.

И следует отметить, что Миссии ООН в Хорватии во многом удалось достичь хорошего результата. Об определённых успехах в осуществлении задач СООНО в Хорватии Генеральный секретарь ООН говорил уже в июле 1992 г.¹⁴

¹¹ Документ ООН. S/23844.

¹² Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994.

¹³ Там же.

¹⁴ Документ ООН. S/24353. С. 9.

В условиях продолжавшихся боевых действий офицеры и солдаты разных стран, проявляя упорство и мужество, размещали свои батальоны часто в местах для того не приспособленных. Они создавали зоны разведения сторон среди минных полей, строили наблюдательные вышки и контрольно-пропускные пункты на условной границе при полном отсутствии соответствующей инфраструктуры.

С изменением политической и военной ситуации в регионе перед миротворцами были поставлены новые задачи. Дело в том, что в 1994 г. руководство страны начало готовить военные операции против РСК. Это вело к усилению военной активности как хорватской армии, так и защитников РСК. Поэтому миротворцам поставили новые задачи – контролировать вывод хорватской армии и сербских сил территориальной обороны из «защищённых зон», осуществлять надзор за возвращением хорватской полиции в сербские районы. Была сделана попытка создать с сербских районах подразделения местной полиции на пропорциональной основе, соответствующей демографической структуре, которая существовала в этих районах до 1991 г. Новой важной задачей миротворцев было наблюдение за хранением складированной тяжёлой техники подразделений ЮНА.

До весны 1995 г. РСК находилась как бы под защитой «голубых касок», несмотря на разрабатывавшиеся Загребом планы по интеграции этих территорий. Отметим, что сербы сдавали своё тяжёлое вооружение под контроль миротворцев, а хорваты – нет. Они отводили его от границы, но где складировали и как охраняли, миротворцам не было известно.

Появление «голубых касок», которых разместили вдоль линии противостояния между сербскими и хорватскими военными формированиями, способствовало не только окончанию военных действий, но и стабилизации политического и экономического развития сербской Республики. «Голубые каски» помогали сербам и хорватам налаживать хозяйственную жизнь, делились бензином, продуктами, лекарствами. И это была серьёзная помощь. Так, летом 1994 г. миротворцы сектора «Юг» передали индивидуальным хозяйствам 300 тыс. л топлива, а сектор «Запад» поделился 36 тыс. л с крестьянами и 25 тыс. л с предприятиями. Без постоянной угрозы нападения хорватской армии сербы почувствовали себя увереннее и занялись строительством собственного государства. В Краине постепенно создавались и укреплялись органы власти. Был учреждён пост президента, сформированы правительство, министерства, заработало Управление внутренних дел. Были разработаны государственные символы РСК – герб, флаг и гимн. Ничто не мешало начать работу по формированию органов власти на местах. Создание политических партий способствовало развитию многопартийной системы и проведению 12 декабря 1993 г. первых альтернативных выборов президента и членов парламента. Скупщину первого созыва составляли 84 посланника от шести политических партий. Функционировали монетарная и банковская системы, которые, правда, зависели от Белграда. Правительство рас-

считывало к ноябрю завершить интеграцию Краины с Югославией¹⁵. В 1994 г. правительство начало выдавать первую зарплату.

Укрепление РСК, невозможность осуществить реинтеграцию этих территорий вызывало тревогу у официальных хорватских властей. Несмотря на то, что Загреб постоянно настаивал на скорейшем воссоединении этих территорий с Хорватией, он понимал, что преодолеть «миротворческий кордон» и установленные границы невозможно. Руководство страны активно действовало по многим направлениям, чтобы изменить сложившуюся схему размещения «голубых касок». Правительство Хорватии очень энергично писало письма Генеральному секретарю, обращалось в Совет Безопасности и просило изменить содержание мандата СООНО. В средствах массовой информации в 1993 г. и 1994 г. поднималась волна протеста против продления мандата «голубым каскам». В штабе и во всех батальонах миротворцам постоянно напоминали о тяжёлой судьбе хорватских беженцев, о «сербском агрессоре», об оккупированных территориях. Все сотрудники штаба, посетители и горожане постоянно видели около штаба СООНО горящие свечи, скорбные фигуры митингующих женщин в чёрном и «стену жалости» из кирпичей, на каждом из которых было высечено имя погибшего или пропавшего на войне хорвата. Использовало руководство и беженцев. Их задачей было не дать забыть миротворцам, что они находятся в Хорватии временно, что их мандат истекает и не будет продлён. Они блокировали дороги, ведущие в сектора, устраивали многодневные пикеты, не пропускали в сектора машины с продовольствием и горючим.

Хорватия готовилась к вооружённым акциям против РСК основательно: разрабатывала планы операции, наращивала вооружение, создавала специальные подразделения, угрожала вторжением на охраняемую миротворцами территорию. Загребу было важно узнать реакцию миротворцев и мировой общественности на небольшие военные операции. Когда в январе 1993 г. хорватские военные, используя артиллерию, начали наступление на территорию РСК в районе моста у Масленицы, погибли и двое миротворцев. В сообщениях с места событий отмечались большие разрушения и говорилось о гибели мирного населения. Однако осуждения действий хорватской армии не последовало. Б. Бутрос-Гали в своём докладе отмечал, что «первоначальный успех СООНО по размещению тяжёлого оружия сербских сил территориальной обороны в хранилищах с системой “двойного замка” был сведён на нет после наступления хорватской армии 22 января 1993 г. в южном секторе и прилегающих “розовых зонах”»¹⁶. Этот эпизод показал неспособность миротворцев встать на защиту местного сербского населения от военных акций хорватской армии. Пришлось сербским силам территориальной обороны взломать ряд хранилищ и изъять из них своё оружие, включая тяжёлое. Хорватские власти не обратили внимания на резолюцию 802 Совета Безопасности от 25 января, осудившую действия хорватских вооружённых сил,

¹⁵ Микелић Б. Ми немамо резервну варијанту // Аргумент. Београд, 1994. 17 јун. С. 3.

¹⁶ Документ ООН. S/25264.

и продолжили наступательные действия, теперь в районе аэродрома Земуник, а 29 января заняли Перучскую плотину. В штаб СООНО приходили сообщения о перестрелках и в других городах – Госпиче, Бенковаце, Оброваце и др. Эти события свидетельствовали о том, что миротворческие батальоны смогли развести враждующие стороны, но не имели мандата вступать в бой с одной из наступающих сторон. Зная это, хорватские солдаты просто не замечали расступавшиеся перед ними «голубые каски».

Уже в сентябре того же года в районе анклава Медак специальные подразделения хорватской полиции захватили три сербские деревни на охраняемой миротворцами территории. Как вспоминал один из русских миротворцев М.М. Ермолаев¹⁷, военнослужащие канадского и французского батальонов СООНО пытались восстановить контроль в этом районе и предотвратить возможные «этнические чистки» в сербских деревнях. Но хорватские солдаты встретили миротворцев огнём. Завязался нешуточный бой почти на сутки. Потери убитыми и ранеными понесли и миротворцы, и хорваты. По оценкам канадских военных, это была крупнейшая битва Канадской армии за всю послевоенную историю Канады. Когда канадцам удалось прорваться в сербские районы, то они стали свидетелями массовых убийств мирного населения. Военные миротворческих батальонов собрали информацию о зверствах хорватов в сербских деревнях, отправили её в штаб СООНО и ООН, однако она не стала достоянием мировой общественности.

Продолжая осуществлять практику «выдавливания» миротворцев из страны, в конце 1993 г. Хорватия поставила Совету Безопасности ультиматум: или помочь Хорватии «реинтегрировать» оккупированные сербами земли, или вывести из страны «голубые каски», которые якобы защищают сербского агрессора. Хорватское правительство уже не скрывало своих планов воссоединить охраняемые ООН зоны с Хорватией силой оружия. Поскольку реакции на требования Загреба не последовало, хорватская армия начала серьёзно спланированную операцию по захвату Западной Славонии и Книнской Краины силами своей армии. Предполагая провести военные операции против непослушных сербов в мае и августе 1995 г., хорватские военные понимали, что самым главным препятствием на пути осуществления их планов станет расположенный в Восточной Славонии Русский батальон.

Русские миротворцы (Русбат-1) очень ответственно подходили к своей миссии в регионе. Они первыми вошли в зону своей ответственности, первым развернули 66 контрольно-пропускных пунктов (КПП) по линии разграничения между противоборствующими сторонами. Некоторые батальоны в других секторах этого не сделали и до окончания Миссии. В длину зона ответственности Русбата-1 составляла 100 км, а в ширину – 50 км, в то время как у Бельгийского батальона, размещавшегося на севере сектора, эти параметры были в два раза

¹⁷ Воспоминания М.М. Ермолаева записаны Е.Ю. Гуськовой 16 января 1998 г.

меньше. Хотя численность Бельгийского батальона (700 чел.) была не намного меньше российского (858 чел.), бельгийцы установили на продолжении той же линии разграничения только девять КПП.

Ситуация в секторе была сложной: в ходе боевых действий была разрушена почти вся местная инфраструктура, большое количество населения покинуло свои дома, оставшиеся жили в страхе за жизнь, им не хватало элементарных предметов первой необходимости. Российские солдаты отличались огромной работоспособностью, выносливостью, батальон характеризовала высокая ответственность и дисциплина. Когда в Сараеве в феврале 1994 г. разразился кризис, 400 российских миротворцев из Хорватии были переброшены в БиГ. Там был сформирован Русбат-2. В сентябре 1994 г. в Миссии служили 1 405 россиян, из них 39 – в гражданской полиции и 17 – в качестве военных наблюдателей¹⁸.

При всей готовности работать в полную силу и ответственном отношении к возложенным обязанностям, российские миротворцы были перегружены, сил явно не хватало. График дежурств был очень плотным: шесть часов на наблюдательной вышке, шесть – в резерве. Следует учесть, что нашим солдатам и офицерам приходилось работать в районе сплошных минных полей. Российские миротворцы стойко исполняли свой долг, находясь между двух огней. Они прекрасно понимали, что в случае хорватского наступления они первыми попадут под огонь хорватской артиллерии. Устав Миссии запрещал миротворцам применять оружие даже в подобной ситуации. В 1994 г., работая в Штабе миротворческих сил, я внимательно следила за этим вопросом. Зная о готовящихся операциях хорватских военных, я сначала спросила хорватов, что будет с русскими солдатами в случае наступления? Генерал Дечак, прекрасно разбираясь в ситуации, развёл руками: «Война есть война...». На тот же вопрос сербские военные ответили: «Не волнуйтесь, у нас всегда наготове автобусы, вывезем ваших солдат в Сербию. Только уж не обижайтесь, оружие оставим себе».

Руководство Хорватии торопилось завершить разработку планов военной операции против непослушных сербов к осени 1994 г. Основной преградой для осуществления этих намерений стал Русский батальон в Восточной Славонии. А именно эту территорию – с плодородными землями, транспортной артерией Дунаем, знаменитыми виноградниками и винными погребами – Загреб хотел вернуть в первую очередь. Кроме того, на повестке дня остро стоял вопрос возвращения хорватских беженцев в Баранью. Руководство Хорватии сначала требовало убрать всех миротворцев из этого района, затем – только россиян. А потом начались многочисленные провокации в зоне ответственности Русского батальона. К сожалению, использовались и «грязные» методы, в том числе очернение Русбата-1.

Т.н. хорватские беженцы при поддержке хорватских властей в конце июля 1994 г. начали блокаду дорог, ведущих к сектору «Восток» со стороны Хорватии.

¹⁸ Fact sheet. New York: UNPROFOR, 1994. С. 2.

Сообщение сектора с другими районами Хорватии было прервано полностью. «Беженцы» не пропускали штабные машин СООНО, грузы с продовольствием и бензином для Русбата, машины с мусором, русских солдат обзывали оккупантами. Эта акция была очень хорошо организована – люди «дежурили» сменами, их привозили на автобусах с загребскими номерами, им регулярно доставляли пищу, баррикады охраняли полицейские. Ясно было, что за всем этим стоят хорошие организаторы, а акция имеет вполне определённые политические цели.

Одновременно в западных СМИ стали появляться статьи с обвинениями русских миротворцев в низком моральном облике, спекуляциях. Ссылаясь на источник в СООНО, журналисты лондонской «Санди Таймс», например, писали о тайных связях русских с сербскими вооружёнными группировками¹⁹. А «Вашингтон пост» уверял читателей, что российские миротворцы помогают сербам добывать оружие и проводить учения²⁰.

В августе 1994 г. в Русбат-1 внезапно, без предупреждения и без мандата нагрянула комиссия из штаба СООНО. В то время командующий сектором генерал-майор А.М. Перелякин отсутствовал, он находился в отпуске. Проверяющих задержали, и лишь через сутки штаб подтвердил их полномочия. В результате скороспелой «проверки» Русбат был обвинён в многочисленных (42) различных нарушениях. Большинство нарушений не были обнаружены на месте, а записывались на основе данных хорватского бюро по связям с СООНО, использовались и слухи. Многие «нарушения» были откровенной дезинформацией. Руководство батальона было уверено, что практически все т.н. «факты» были сфальсифицированы. Последующие события показали, что целью развязанной против Русбата-1 кампании было оставить в этом регионе миротворческие силы, состоящие только из воинских подразделений стран-членов НАТО. Загреб ведь знал, что русские не пропустят хорватских военных в случае наступления на Краину.

Но все попытки хорватских властей убрать русский батальон оказались тщетными, Русбат-1 остался на прежних позициях. Поэтому хорватская армия провела военную операцию против Западной Славонии и Книна, но так не решилась двинуться в сторону Восточной Славонии, где нёс миротворческую службу Русский батальон. Судьбу Восточной Славонии решили по-другому: в ноябре 1995 г. был подписан договор «Основное соглашение о районе Восточной Славонии, Барани и Западного Срема», согласно которому интеграцию этих земель предполагалось осуществить мирным путём.

В итоге мы можем констатировать, что «голубым каскам» в Хорватии, если говорить о поставленных перед ними задачах, удалось лишь разъединить воюющие стороны. Но они не смогли защитить сербское население от нападения Хорватской армии. Этому помешали непоследовательность осуществления миротворческой концепции, уступки одной из сторон конфликта, необъек-

¹⁹ Цит. по: Кривопапов А. Российский батальон в Хорватии пьёт вино и обнимает девочек, утверждает лондонская газета в статье о российском миротворческом подразделении // Известия. 1994. 6 марта. С. 5.

²⁰ Цит. по: Бурбыга Н. Под пулями и международным контролем не повеселишься // Известия. 1994. 6 марта. С. 5.

тивность в подходе к разоружению сторон, демилитаризации и контролю над вооружением.

Миссия СООНО в Боснии и Герцеговине имела совсем другие цели и задачи. Её развёртывали, чтобы помочь доставлять гуманитарную помощь. Необходимо было сначала открыть аэропорт в Сараево под эгидой ООН для доставки гуманитарных грузов. Резолюция 757 от 30 мая 1992 г. требовала, чтобы «все стороны ... немедленно обеспечили необходимые условия для беспрепятственного поступления гуманитарных поставок в Сараево и другие пункты в Боснии и Герцеговине, включая создание зоны безопасности, охватывающей Сараево и его аэропорт...»²¹. В докладе Генерального секретаря ООН в исполнение вышеуказанной резолюции отмечалось, что все члены Президиума БиГ согласились открыть аэропорт, поэтому СООНО предлагается полностью взять на себя оперативную ответственность за обеспечение функционирования и безопасности аэродрома Сараево. «СООНО будут обеспечивать непосредственную безопасность аэропорта и его сооружений, управлять работой аэропорта (с использованием, насколько это возможно, его нынешних гражданских служащих), осуществлять контроль за его объектами и организацией, содействовать разгрузке гуманитарных грузов и обеспечивать безопасное передвижение гуманитарной помощи и связанного с ней персонала. Кроме того, СООНО будет контролировать вывод зенитных систем за пределы района досягаемости аэропорта и окрестностей, а также следить за сосредоточением артиллерийских, миномётных и ракетных систем класса “земля – земля” в конкретных районах, которые будут согласованы ими»²². Как вспоминал командующий СООНО генерал Л. Маккензи, перед Силами по защите в БиГ вначале была поставлена только одна задача: «открыть сараевский аэродром Бутмир для приёма гуманитарной помощи, продуктов питания и медикаментов»²³.

Сараево и аэропорт становились «зоной безопасности» под контролем СООНО. Аэропорт начал работать 29 июня 1992 г., приняв первый самолёт с гуманитарной помощью. В дальнейшем деятельность «голубых касок» в БиГ расширялась и на другие районы БиГ, увеличивалась их численность. В Сараево откомандировали Французский, Канадский, Египетский и Украинский батальоны. Обслуживающий персонал прилетел из Норвегии и Нидерландов²⁴.

Доставка гуманитарных грузов в районы Боснии и Герцеговины наземным или воздушным транспортом из аэропорта Сараево была для миротворцев первое время главной задачей в БиГ. Кроме того, они конвоировали автоколонны, сопровождали передвижение отдельных машин или групп миротворцев. Однако эффективность доставки гуманитарной помощи ослаблялась из-за военной ситуации на местах. Продолжались обстрелы аэропорта, блокада дорог могла

²¹ Документ ООН. S/RES/757(1992).

²² Документ ООН. S/24075.

²³ Станишић С. Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // Политика. Београд, 1993. 27 апр. С. 21.

²⁴ Документ ООН. S/24263.

задержать транспорт на несколько недель, часто мешали продвижению колонн военные действия в том или ином районе (например, в Мостаре). Отсутствие безопасности для колонн с гуманитарной помощью поставило перед ООН задачу пересмотреть мандат Миротворческой миссии.

Было принято решение и в БиГ создать зоны безопасности, разместив там батальоны «голубых касок». Босния и Герцеговина была разбита на три сектора — «Сараево», «Юго-Запад» с центром в Горни-Вакуфе, «Юго-Восток» с центром в Тузле.

В апреле 1993 г. началось размещение «голубых касок» по всей территории БиГ, якобы с целью разъединения воюющих сторон. Напомним, что в БиГ воюющими считались три стороны – сербы, хорваты и мусульмане (термин обозначал национальную принадлежность, начиная с переписи населения 1961 г.). Однако размещались они, в отличие от Хорватии, «пятнами»: безопасные или защищённые зоны создавались в городах с большинством мусульманского населения – Сараево, Бихаче, Горажде, Тузле, Жепе, Сребренице. Получалось, что миротворцы не разъединяли конфликтующие стороны, а охраняли отдельные города и их население. Сербы настойчиво просили, чтобы миротворцы защитили и сербские города, которые постоянно подвергались нападениям мусульманских или хорватских войск. Но такой вариант миротворческой деятельности даже не рассматривался. Когда зоны были созданы, военных наблюдателей СООНО обязали наблюдать не только за гуманитарной ситуацией, но и за выводом всех сербских военных из этих городов. Сербские подразделения должны были быть отведены на безопасное для населения городов расстояние. Кроме того, миротворцы должны были вести наблюдение за прекращением огня, сдерживать нападения на обозначенные районы, отвечать за доставку гуманитарных грузов.

Уже эти небольшие примеры показывают, что многие акции СООНО в той или иной степени защищали только одну сторону конфликта. Мы не описываем в данной статье подробно, но именно в БиГ стал складываться устойчивый стереотип о вине только сербской стороны за углубление и расширение кризиса на территории бывшей Югославии. И именно здесь, под прикрытием ООН, НАТО выступила инструментом наказания главного виновника. Кроме того, имели место случаи доставки оружия мусульманам т.н. гуманитарными конвоями или самолётами СООНО, например, Пятой мусульманской армии, изолированно стоявшей в районе Бихача. При этом документы Совета Безопасности или внутренние документы Миссии не требовали, чтобы мусульманская армия выводила свои военные или полувойсковые подразделения из безопасных районов. Есть примеры, когда мусульмане использовали эти зоны для дислокации своих войск, отдыха и переоснащения. Именно из таких «баз» мусульманские войска делали вылазки на сёла с большинством сербского населения, устраивая резню и погромы.

Об этом открыто говорил руководитель Миссии Ясуши Акаши на пресс-конференции 3 ноября 1995 г. Он подчёркивал, что «безопасные районы» в Бос-

нии и Герцеговине использовались мусульманским правительством для подготовки и переоснащения армии, что, по сути, провоцировало сербов²⁵. Так, в Сребренице находилась армия Насера Орича, на протяжении нескольких лет уничтожавшая окрестные сербские сёла. Я. Акаши, доподлинно владевший ситуацией в подчинённом ему регионе, открыто говорил, что в таких городах, как Бихач, Сараево и Тузла располагались командные центры мусульман, и именно оттуда они руководили военными операциями²⁶. Поэтому с приходом «голубых касок» война в БиГ продолжилась, разрастаясь.

Как показал опыт «голубых касок» в БиГ, защита отдельных городов или населённых пунктов не смогла остановить военные действия, а лишь способствовала усилению одной стороны конфликта. Более эффективным оказался опыт миротворчества в Хорватии, где на протяжении нескольких лет разъединение воюющих сторон принесло мир и возможность мирному населению избежать многочисленных жертв. Недостатком деятельности миротворцев в Хорватии являлось то, что они не смогли противостоять военным наступательным операциям хорватской армии на сербские районы, расступаясь перед ней и отдавая местное население на расправу хорватским военным.

Сегодня много говорят о необходимости введения миротворческих международных сил на Украину. Учитывая опыт Балкан, при обсуждении этой международной акции не следует забывать, какую политическую задачу ставят международные организации перед «голубыми касками». Ни в коем случае нельзя допустить разоружения только военных формирований ДНР и ЛНР, что может привести к их поражению, по аналогии с разгромом сербских подразделений в Хорватии. Миротворческие батальоны должны быть размещены лишь на границе этих территорий с Украиной, а не в глубине. И в них обязательно должны присутствовать российские солдаты, что станет гарантией невозобновления украинскими войсками военных действий. Если же речь идёт о разоружении сторон, о выводе тяжёлой боевой техники, то участвовать в этом должны как украинская армия, так и ополченцы ДНР и ЛНР. Контроль должны осуществлять миротворцы, имеющие доступ к местам складирования этой техники.

Список литературы:

1. Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. Балканский узел. М.: Звонница-МГ, 2005. 432 с.
2. Гуськова Е.Ю. Вооружённый конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть I, II // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94; 2017. № 1. С. 82–99.
3. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
4. Деятельность Организации Объединённых Наций по поддержанию мира. М.: Права человека, 1997. 92 с.
5. Радуловић С. Судбина Крајине. Београд: Дан Граф, 1996. 189 с.

²⁵ Ясуши Акаши: Боснийские сербы были спровоцированы мусульманским правительством // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». М., 1995. 8 нояб. С. 7–10.

²⁶ Там же.

6. Hartman R. Časni mešetari. Novi Sad: Prometej, 1999. 255 s.
7. Magaš B., Žanić I. Rat u Hrvatskoj i Hercegovini 1991–1995. Zagreb–Sarajevo: Dani, 1999. 400 s.
8. Oven D. Balkanska odiseja. Beograd, 1996. 410 s.
9. Schultz K. Building Peace from the Ground Up. About People and the UN in a War Zone in Croatia Lund, Sweden: TFF, 1994. 94 p.
10. The United Nations and the situation in the former Yugoslavia. New York: United Nations, 1995, revision 4. 241 p.

Об авторе:

Елена Юрьевна Гуськова – д.и.н., руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, иностранный член Сербской академии наук и искусств и Академии наук и искусств Республики Сербской, член Сената Республики Сербской. 119334 Москва, Ленинский пр., 32-А, кор. В. E-mail: jelenaguskova@gmail.com.

BALKAN'S EXPERIENCE IN PEACEKEEPING

E.Y. Guskova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-72-88

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to one of the variants of the settlement in the Balkans – the activities of the peacekeeping forces in Croatia and Bosnia and Herzegovina (BiH). The issue is considered from the point of view of the universality of the method of the «Blue Helmets» deployment in the conflict territories, depending on the internal situation in the region. Today, the experience of the «Blue Helmets» in the territory of the former Yugoslavia is again becoming relevant regarding the active discussion on the issue of the introduction of international peacekeeping mission in Ukraine. It should be emphasized that the Yugoslav version of peacekeeping is not as unambiguous as it sometimes seems to be. The variants of the Blue Helmets' missions were different in Croatia and BiH. Which of them were more successful in terms of preventing further hostilities? As the experience of the Blue Helmets in BiH has shown, the protection of only certain cities could not suspend hostilities and contributed to the strengthening of only one side of the conflict. More effective was the experience of peacekeeping in Croatia, where for several years the disengagement of the belligerents brought peace and the opportunity for the civilian population to avoid numerous victims. The drawback of the peacekeepers' activities in Croatia was that they could not withstand the military offensive operations of the Croatian army in the Serbian region, in fact parting before it.

Key words: UN, Yugoslavia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, «Blue Helmets», peacemaking, crisis management.

References

1. Vasileva N.V., Gavrilov V.A., Mirkiskin V.A. *Balkanskiy uzel* [The Balkan knot]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
2. Guskova Ye.Yu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoe uregulirovanie: Krizis dialogovoy modeli na Balkanakh v 90-e gody KhKh v. [Armed conflict and po-

- litical settlement: The crisis of the dialogue model in the Balkans in the 90s of the 20th century]. Chast I, II [Part 1, 2]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2016, no. 6, pp. 78–94; 2017, no. 1, pp. 82–99. (In Russian)
3. Guskova Ye.Yu. *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [History of the Yugoslav crisis]. Moscow Russkoe pravo, 2001. 720 p. (In Russian)
 4. *Deyatelnost Organizatsii Obedinennykh Natsiy po podderzhaniyu mira* [United Nations peacekeeping activities]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 1997. 92 p. (In Russian)
 5. Radulovich S. *Sudbina Krajine* [Destiny of the Krajina]. Beograd, Dan Graf Publ., 1996. 189 p. (In Serbian)
 6. Hartman R. *Časni mešetari* [My lord]. Novi Sad, Prometej Publ., 1999. 255 p. (In Serbian)
 7. Magash B., Zanic I. *Rat u Hrvatskoj i Hercegovini* [War in Croatia and Herzegovina] 1991–1995. Zagreb-Sarajevo, Vremena Publ., 1999. 400 p. (In Serbian)
 8. Oven D. *Balkan Odyssey*. Belgrade, 1996. 410 p.
 9. Schultz K. *Building Peace from the Ground Up. About People and the UN in a War Zone in Croatia* Lund. Sweden: TFF, 1994. 94 p.
 10. *The United Nations and the situation in the former Yugoslavia*. New York: United Nations, 1995, revision 4. 241 p.

About the author:

Elena Y. Guskova – Doctor of Historical Sciences, head of the Center for the Study of the Modern Balkan Crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, a foreign member of the Serbian Academy of Sciences and Arts and the Academy of Sciences and Arts of the Republika Srpska, a member of the Senate of the Republika Srpska. 119334 Moscow, Leninsky Prospect, 32-A, Kor. B. E-mail: jelenaguskova@gmail.com.

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В ИТАЛИИ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ИЛИ ИСТОЧНИК ПРОБЛЕМ?

К.Г. Муратшина, К.М. Табаринцева-Романова, Я.И. Мухамадиева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Статья посвящена анализу ситуации, складывающейся в связи с ростом трудовой миграции из Китая в Италию. В начале статьи авторы кратко определяют ключевые понятия мультикультурализма и обозначают особенности политики мультикультурализма в современной Италии. Несмотря на то, что в силу историко-географических особенностей (длительная раздробленность; наличие языковых и национальных меньшинств; активная внутренняя миграция по линии Север – Юг) итальянскому обществу свойственна устойчивая толерантность к представителям других культур и религий, политика мультикультурализма, предлагаемая Европейским союзом, в стране не прижилась. К причинам её отторжения авторы относят рост безработицы, экономический и миграционный кризисы. Начавшийся после 2008 г. миграционный кризис продемонстрировал неуважение новыми иммигрантами основных европейских прав и свобод, а также их пренебрежительное отношение к культуре и традициям европейского населения, что спровоцировало рост недовольства среди итальянских граждан.

В статье приводится краткий обзор истории итало-китайских отношений и подробно анализируются проблемы, связанные с миграцией. Китайские мигранты в Италии составляют значительную социальную группу, живущую обособленно, заявляющую о своих правах и часто принимающую участие в различных видах преступной деятельности. Рассмотрены причины сложившейся ситуации и возможности урегулирования проблемы.

Ключевые слова: Италия, Китай, трудовые мигранты, миграционная политика, социальная напряжённость.

Государства Южной Европы выступают активными участниками европейско-китайского взаимодействия. В последние годы интенсивному развитию взаимоотношений между Европейским союзом и Китайской Народной Республикой способствовали два основных фактора. Первый – это поиск европейскими странами внешних ресурсов для восстановления своей экономики после мирового финансового кризиса 2008 г. Второй – запуск Пекином инициативы «Один пояс, один путь», нацеленной на решение целого ряда задач: увеличение экспорта своих товаров, получение заказов для китайских строительных компаний и производителей оборудования, установление контроля над промышленными активами за рубежом. Расширение связей с Китаем принесло европейским государствам не только быстрый рост инвестиций и серию покупки активов европейских фирм компаниями из КНР, но и проблемы, в числе которых одна из самых серьёзных – рост миграции из Китая.

Тема китайской миграции в Италии изучена в академической среде недостаточно. Имеющиеся публикации носят либо общий, обзорный характер [6], либо узко специализированный с уклоном в сторону антропологии [16; 19], культурологии [10], экономики [9; 11] или урбанистики [13]. В настоящем исследовании ситуация с китайской трудовой миграцией в Италии в условиях общего роста миграционных потоков из Китая изучена комплексно, с анализом сопутствующих проблем и путей их решения.

Особенности мультикультурализма в Италии

Как отмечает В. Брэдли, у понятия «мультикультурализм» не существует единого определения: сама концепция мультикультурализма неоднозначна и неоднородна, существуют различные модели мультикультурализма и уровни его понимания [8]. Мультикультурализм в Европе – это явление, подготовленное историей миграционных процессов в Европе, начиная с XIX в. С течением времени мультикультурализм превратился в «концепцию-зонтик». Многозначность – это одна из причин успеха этой концепции, которая была адаптирована к задачам современных либеральных обществ, и в то же время – это её слабость.

Мультикультурная политика ставит множество институциональных целей: реструктуризация институтов в сторону предоставления услуг всем слоям населения, обеспечение равенства, рост взаимного уважения и толерантности, выделение ресурсов для воспроизведения традиций и идентичности иммигрантов. Таким образом, идея мультикультурализма состоит в сосуществовании представителей различных культур, наделённых равными правами, без принуждения мигрантов к ассимиляции. Начиная с 2007 г. мультикультурализм рассматривается в Европе как кризисная модель управления обществом.

Особенности итальянского мультикультурализма обусловлены историей (позднее объединение государства, наличие регионов со специальными статусами, внутренняя миграция), географическим положением, светской и христиан-

ской традициями государства. Как отмечает Дж. Де Анджелис, только в 80-х гг. прошлого века итальянцы перестали ощущать себя мигрантами и заметили иммигрантов вокруг себя¹. Изначально итальянское население было весьма благожелательно настроено к иммигрантам. Такой настрой можно объяснить тем, что многие итальянцы сами уезжали в другие, более богатые страны в поисках лучшей жизни. Так, по данным Istat, 16,9% итальянцев эмигрировали в Германию к 2015 г.² Однако спустя десять лет эйфория прошла: итальянское общество стало относиться к «новичкам» с опаской. Это объясняется как субъективными причинами (трудности межэтнического сосуществования, обострение социальных предрассудков), так и объективными (рост безработицы и нарастание в стране экономического кризиса). Субъективные причины имеют личностный характер, присущий самим участникам мультикультурализма: меньшинства, группы и т.п., а вторая группа – объективные причины – не связаны с межэтническими отношениями и не зависят от них.

Миграционный приток последних лет встревожил не только итальянцев, но и представителей исторических этнических и языковых меньшинств. О крахе политики мультикультурализма свидетельствуют принятые законы о мигрантах и инциденты 2007, 2013 и 2016 гг. (подробнее см. ниже).

Исторический контекст

Активное развитие экономического сотрудничества между Итальянской Республикой и КНР началось с 1970 г., когда были официально установлены дипломатические отношения между странами³. Так, с 1979 по 2003 г. были реализованы совместные проекты на сумму около 4 млрд долл. Например, в 1985 г. китайская сторона заключила договор с компанией Fiat о производстве в КНР сельскохозяйственной техники, а позже Iveco и Нанкинская автомобильная корпорация создали совместное предприятие по производству лёгких грузовиков Navesco. В 2004 г. стороны присвоили своим отношениям статус стратегического партнёрства⁴. Между двумя государствами действует ряд соглашений в экономической и культурной сферах [17].

Китайская миграция в Италию началась задолго до создания КНР и установления ею дипотношений с Итальянской Республикой. Первый её период относится к окончанию Первой мировой войны, когда в Китае шла гражданская война. Тогда группы китайцев поселились на севере Италии, в промышленном

¹ Il multiculturalismo in Italia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multiculturalismo.org/in-italia.html> (дата обращения: 02.05.2018).

² L'emigrazione degli italiani: dai picchi del dopoguerra ai nuovi flussi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/emigrazione-degli-italiani-dai-picchi-del-dopoguerra-ai-nuovi-flussi/> (дата обращения: 02.05.2018).

³ Cina // Il Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: http://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/asia/rapporti_bilaterali_asia_orientale/cina.html/ (дата обращения: 02.04.2017).

⁴ China, Italy to establish strategic partnership // China Daily, 05.09.2004. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-05/09/content_329031.htm/ (дата обращения: 03.02.2017).

Милане [7]. Следующая волна миграции пришлась на 1950–1970-е гг., после образования КНР и отъезда из материкового Китая большого количества эмигрантов в разные страны и регионы мира. В Италии мигранты из Китая чаще всего устраивались работать на предприятия текстильной промышленности. Через некоторое время они начали открывать и собственные фирмы⁵. В итоге к началу XXI в. китайская диаспора была одной из самых многочисленных иммигрантских общин в Италии. С 2000 по 2013 гг. её численность утроилась⁶. Данные о количестве китайских мигрантов в Италии сильно разнятся, и конкретные цифры можно отыскать в основном по недавним периодам. В 2000 г. на территории страны их насчитывалось 48 тыс.⁷, тогда как в 2006 г. эта цифра возросла в четыре раза, и количество мигрантов из КНР составило 209 тыс.⁸. К 2013 г. произошёл незначительный спад до 202 тыс.⁹.

Таким образом, проблема миграции уже несколько десятилетий назад заняла значимое место в повестке дня отношений двух стран. В 1987 г. Италия и КНР подписали примечательное соглашение о содействии и взаимной защите инвестиций. В документе, помимо прочего, упомянуто, что деятельность китайских мигрантов находится под контролем договаривающихся сторон¹⁰. Наличие такой оговорки в межправительственном документе может свидетельствовать о том, что китайская трудовая миграция уже тогда стала значимым явлением, воздействие которого на развитие двусторонних отношений неоднозначно оценивалось сторонами. Кроме того, в 1986 г. был издан Закон № 943, который позволил нелегальным мигрантам получить вид на жительство, если они были уже трудоустроены¹¹. Благодаря данному закону уже в 1990 г. 19 237 китайцев смогли получить вид на жительство¹².

Специальный документ по миграционной политике и регулированию въезда и пребывания в Италии граждан стран, не входящих в Европейский союз, декрет-закон № 489 был принят 18 ноября 1995 г.¹³. Для сезонных мигрантов из этих стран был установлен предельный срок пребывания: шесть месяцев. Италия предоставляла таким мигрантам страхование по инвалидности, старости,

⁵ Chinese migration to Europe: challenges and opportunities. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://website-pace.net/documents/10643/1264407/Rapport-Mariani-Migrationschinoises-EN.pdf/eedbb5e1-4932-48ca-bf22-09637e85ff1f> (дата обращения: 15.05.2017).

⁶ Ibid.

⁷ Europe Attracts More Migrants from China // Migration Police Institute. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/europe-attracts-more-migrants-china> (дата обращения: 21.02.2017).

⁸ The numbers of Chinese immigration in Italy and in Veneto // Veneto Lavoro [Электронный ресурс]. URL: https://www.venetolavoro.it/documents/10180/1736717/2011_12_ConvCinesi_cor.pdf (дата обращения: 19.05.2017).

⁹ Caneva E. The integration of migrants in Italy: an overview of policy instruments and actors. INTERACT Research Report 2014/05 [Электронный ресурс]. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32019/INTERACT-RR-2014_05.pdf (дата обращения: 19.05.2017).

¹⁰ Accordo tra il governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese [Электронный ресурс]. URL: http://www.fiscooggi.it/files/immagini_articoli/fnmold/cina-it.pdf/ (дата обращения: 11.11.2017).

¹¹ Legge 30 dicembre 1986, № 943 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1987/01/12/086U0943/sg> (дата обращения: 11.09.2017).

¹² Gao Y. Chinese migrants and forced labour in Europe // Cornell University [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=forcedlabor> (дата обращения: 11.09.2017).

¹³ Decreto-Legge 18 novembre 1995, n. 489 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.immigrazione.biz/legge.php?id=51/> (дата обращения: 11.10.2017).

на случай потери кормильца, от болезней, несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. В случае пребывания на территории Италии более года трудовой мигрант имел право подать запрос на воссоединение с родственниками¹⁴. Одновременно в законе был определён срок уголовного наказания (от 2 до 6 лет) и штраф (от 10 до 50 млн лир) за незаконное использование иностранной рабочей силы.

В конце первого десятилетия XXI в. итальянскую экономику серьёзно затронул мировой финансовый кризис. Отсюда – надежды на внешнюю помощь, на китайские инвестиции, рост слияний и поглощений, продаж акций компаниям из КНР [14]. Что касается миграционного вопроса, то он в последние годы в целом обострился, и Италия акцентировала внимание на нём в период своего председательства в ЕС [4], но ужесточение контроля на границах и инициативы диалога со странами происхождения мигрантов в основном касались иммиграции из стран Африки и Ближнего Востока. Справедливости ради отметим, что именно оттуда исходили и основные вызовы безопасности [5].

Новый документ (декрет № 142), регулирующий миграционную политику страны, был принят 18 декабря 2015 г.¹⁵. Он смягчил правила приёма граждан из стран, не входящих в Европейский союз, и лиц без гражданства. Теперь заявители, не имеющие средств к существованию, получили возможность доступа к сети Sprar¹⁶. Лица, нуждающиеся в международной защите, получили право устроиться на работу по истечении 60 дней со дня подачи прошения о международной защите (ранее этот период составлял шесть месяцев). С трёх до шести месяцев увеличился срок действия разрешения на пребывание на территории страны. Декрет был принят в порядке имплементации директивы ЕС 2013/33, устанавливающей правила приёма просителей международной защиты¹⁷, а также директивы ЕС 2013/32, устанавливающей общие процедуры предоставления и лишения международной защиты¹⁸.

В связи с многократным возрастанием за четыре предшествующих года обращений с просьбой о предоставлении убежища в 2017 г. был принят декрет Миннити-Орландо (по фамилиям министра внутренних дел М. Миннити и министра юстиции А. Орландо), исполнение которого должно было ускорить процедуру рассмотрения прошений. Декрет предусматривал также расширение сети центров по репатриации. Планировалось, что новые центры будут находиться вдали

¹⁴ Речь о тех трудовых мигрантах, которые не являлись сезонными.

¹⁵ Decreto Legislativo 18 agosto 2015 n. 142. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meltingpot.org/Decreto-legislativo-n-142-del-18-agosto-2015.html#.WpFZnGZeOi4/> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁶ Sistema di protezione per richiedenti asilo e rifugiati - Система защиты беженцев и лиц, ищущих убежище при Министерстве внутренних дел Италии.

¹⁷ Directive 2013/33/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 laying down standards for the reception of applicants for international protection (recast). 29.06.2013. L 180/96. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013L0033/> (дата обращения: 11.09.2017).

¹⁸ Directive 2013/32/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection (recast) [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A32013L0032/> (дата обращения: 11.09.2017).

от городов, вблизи аэропортов, вместимость их будет небольшая – около 100 чел. Предусматривалась отмена второй апелляционной инстанции для тех, кому отказали в предоставлении убежища в суде первой инстанции. Более того, теперь судья может просмотреть видеозапись интервью соискателя убежища и вынести решение без проведения слушаний. В декрет было внесено множество поправок, в т. ч. о предоставлении права на убежище не одним судьёй, а коллегией судей, об увеличении государственного финансирования новых центров и лагерей для беженцев (в 2017 г. выделили 2,5 млн евро, а в 2018 г. планируется выделить 5 млн евро). Важнейшая и, пожалуй, самая противоречивая поправка – о предоставлении убежища всем несовершеннолетним, прибывшим на территорию Италии¹⁹.

Тем временем число мигрантов из Китая в стране продолжало расти. Можно предположить, что этот рост в первую очередь связан с расширением экономических связей, который пришёлся как раз на последнее десятилетие [12]. По данным Национального института статистики, в 2016 г. в Италии насчитывалось более 271,3 тыс. китайских мигрантов, что составляло 5,4% от общего числа иностранцев²⁰. По данным Евростата, концентрация китайских мигрантов в Италии – одна из самых высоких в ЕС²¹.

Следует, правда, учесть, что в этой стране в целом высоки показатели занятости рабочих-мигрантов в различных сферах [2, с. 42–44]. По мигрантам из Китая интересен и другой факт: хотя они составляют всего 5% от числа занятых иностранных мигрантов, общий уровень их занятости намного выше, чем у всех остальных иностранцев – 67,8%. Такую картину можно объяснить типичной замкнутостью китайских общин, традиционной взаимопомощью китайцев и тем, что при выборе сотрудников для своих фирм они отдают предпочтение соотечественникам. Среди занятых мигрантов из Китая 36% работают в торговле, 28% – в промышленности, 27% – в сфере общественного питания. Большая часть проживает в Ломбардии (около 62 тыс. человек), Тоскане (46 тыс.) и Венето (почти 33 тыс.)²².

Последствия для экономики и общества

Наплыв мигрантов из Китая, живущих крупными общинами, которые в итальянской прессе называют «чайнатаун», не проходит без последствий. Можно

¹⁹ Il decreto Minniti-Orlando sull'immigrazione è legge // Internazionale, 12.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internazionale.it/notizie/annalisa-camilli/2017/04/12/decreto-minniti-orlando-legge/> (дата обращения: 29.12.2017).

²⁰ Popolazione residente in Italia proveniente dalla Repubblica Popolare Cinese al 1° gennaio 2016. Dati ISTAT [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/repubblica-popolare-cinese/> (дата обращения: 21.10.2017).

²¹ Main countries of citizenship and birth of the foreign-born population // Eurostat. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/a/a0/Main_countries_of_citizenship_and_birth_of_the_foreign_foreign-born_population%2C_1_January_2016_%28%2B9%29_%28in_absolute_numbers_and_as_a_percentage_of_the_total_foreign_foreign-born_population%29.png (дата обращения: 21.05.2017).

²² Cinesi in Italia: 271 mila regolari, 65 mila imprenditori, 6 miliardi di Pil // Redattore Sociale. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redattore sociale.it/Notiziario/Articolo/511626/Cinesi-in-Italia-271-mila-regolari-65-mila-imprenditori-6-miliardi-di-Pil/> (дата обращения: 21.12.2017).

выделить разовые эксцессы и долгосрочные риски. К первым относятся события 2007 г., 2013 г. и 2016 г.

11 апреля 2007 г. в Милане инспектор дорожного движения выписал торговке-китайке штраф на 40 евро за парковку автомобиля в неполюженном месте. Началась драка (стороны расходятся в показаниях, кто был её зачинщиком), торговка была арестована. Китайская община незамедлительно устроила акцию протеста. На улице Николини, размахивая флагами КНР, собрались около сотни китайцев. Были разбиты и перевёрнуты две полицейские машины, повреждены припаркованные рядом автомобили. К середине дня столкновения прекратились, зато община организовала шествие с плакатами «Насилие и жестокое обращение с китайской общиной». Сотни китайцев с плакатами «Призываем к защите гражданских прав», «Прекратите насилие над китайской общиной», «Долой расизм» заняли городской квартал. В результате столкновений были ранены пятеро протестующих, а также, согласно официальному заявлению вице-мэра Милана, 14 полицейских. Китайский консул заявил, что данная акция «не могла быть преднамеренной» и выразил надежду на спокойствие сторон, но вместе с тем и на то, что права его соотечественников будут соблюдаться. Мэр Милана Л. Моратти проявила выдержку и заявила на пресс-конференции, что «подобные бесконтрольные мероприятия и анклав в городе неприемлемы, и администрация будет оставаться при своей точке зрения»²³.

1 декабря 2013 г. в городке Прато неподалёку от Флоренции случился пожар на китайской швейной фабрике. Погибли семеро рабочих, двое получили тяжёлые травмы. В ходе расследования трагического происшествия вскрылось множество фактов: нарушение правил строительства и эксплуатации зданий, санитарных норм (мигранты жили и работали в одних и тех же помещениях), связи с организованной преступностью, найм нелегалов, трудившихся в почти рабских условиях. Однако мэр Прато фактически признал бессилие местных органов власти в противостоянии с такими нелегальными цехами²⁴.

Очередной конфликт имел место 29 июня 2016 г. Во Флоренции одна из китайских фабрик отказалась пустить на свою территорию санитарных инспекторов. Начались столкновения, были вызваны отряды полиции. В итоге на городской площади собрались около 300 китайцев, которые стали забрасывать полицейских камнями²⁵. В событиях участвовали прибывшие на место представители китайской мафии (!). Позже к протестующим обратились сотрудники консульства КНР, но не смогли прекратить волнения, и полиция была вынуждена применить

²³ Milano, rivolta a Chinatown. Scontri, feriti e auto distrutte // La Repubblica, 12.04.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repubblica.it/2007/04/sezioni/cronaca/milano-rivolta-cinesi/milano-rivolta-cinesi/milano-rivolta-cinesi.html/> (дата обращения: 21.10.2017).

²⁴ Italy Prato fire kills seven in Chinese-owned factory // BBC, 02.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-25180500> (дата обращения: 01.02.2018).

²⁵ Firenze, scontri tra 300 cinesi e forze dell'ordine: «Volevano impedire un controllo della Asl» // Il Fatto Quotidiano, 29.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2016/06/29/firenze-scontri-tra-300-cinesi-e-forze-dellordine-volevano-impedire-un-controllo-della-asl/2871029/> (дата обращения: 01.02.2018).

силу. Точное число пострадавших с обеих сторон неизвестно. На этот инцидент последовала реакция Министерства иностранных дел Китая, представитель которого призвал итальянские власти к «цивилизованному правоприменению и честному расследованию»²⁶.

Итак, все описанные инциденты обнажали серьёзные проблемы (нелегальная миграция, нарушения техники безопасности на предприятиях китайского бизнеса, социальная напряжённость и даже агрессия со стороны мигрантов) и были сигналом для итальянского общества. Для понимания причин этих негативных явлений обратимся вначале ко второй условной группе последствий китайской миграции в Италию – долгосрочным рискам. Их список был сформулирован и представлен экспертами Комитета по миграции Парламентской ассамблеи Совета Европы в резолюции 2013 г., посвящённой проблеме китайской миграции в ЕС: нарушения закона (как самими мигрантами, так и по отношению к мигрантам), нелегальная миграция и «изоляция китайских общин во многих европейских городах». Эксперты ПАСЕ отмечали стремление мигрантов перевести за собой в Европу родственников и друзей, используя легальные и нелегальные каналы²⁷.

Любой из этих пунктов можно отнести к Италии. Кроме того, есть ещё один фактор, проигнорированный экспертами ПАСЕ: многие представители китайской диаспоры в Европе, от студентов и торговцев до врачей и владельцев ночных клубов, работают на китайскую разведку. Основной целью этой крупнейшей разведывательной сети является промышленный шпионаж [1, с. 90–100].

Из перечисленных в резолюции рисков стоит подробнее остановиться на двух: замкнутости общин и криминальном факторе. Первый знаком любому крупному европейскому, российскому или американскому городу, но настоящему взрывоопасным он может стать при недостаточном контроле со стороны органов правопорядка, несвоевременной реакции на правонарушения и даже просто при проявлении агрессивных черт в поведении диаспоры. В Италии есть территории с максимальной для Евросоюза концентрацией китайских мигрантов. Помимо уже упоминавшегося Милана (диаспора свыше 13 000 человек, и коренные жители сетуют, что уже не узнают целые улицы и кварталы города²⁸), к ним относятся некоторые населённые пункты в северной части страны. Например, в местечке Бардже самой распространённой фамилией является «Ху». Многочисленные мигранты работают там каменотесами. А начиналось всё с двух прибывших в 1990-е гг. китайских семей и с убеждения итальянских бизнесменов, что высокая производительность труда мигрантов принесёт их

²⁶ В Италии прошли столкновения между полицией и китайской диаспорой // Южный Китай, 02.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.south-insight.com/node/218312/> (дата обращения: 28.10.2017).

²⁷ Chinese migration to Europe: challenges and opportunities. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://website-pace.net/documents/10643/1264407/Rapport-Mariani-Migrationschinoises-EN.pdf/eedbb5e1-4932-48ca-bf22-09637e85ff1f> (дата обращения: 15.05.2017).

²⁸ Chinese immigrants – many illegal – are flooding into Italy // Deutsche Welle, 27.02.2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2RSzKngmBRw> (дата обращения: 18.02.2018).

компаниям большие прибыли. Хотя крупных конфликтов здесь не возникало, мигранты держатся изолированно. Их дети школьного возраста почти не знают итальянского языка и даже те, кто родились в Италии и говорят по-итальянски, предпочитают проводить время в своей среде. Только итальянцы прилагают усилия для того, чтобы встроить китайцев в своё общество²⁹. Возникает вопрос: кому это больше нужно и для чего? Пока, похоже, это нужно самим итальянцам. Трудно объяснить такую ситуацию чем-либо, кроме желания нажиться на дешёвом наёмном труде.

Что касается криминального фактора, как известно, в Италии распространена такая форма организованной преступности, как мафия. По признанию Национального управления Итальянской Республики по борьбе с мафией и терроризмом, в стране теперь активно действует и китайская мафия, сосредоточенная прежде всего в Риме, Неаполе, Флоренции, Милане и Падуе³⁰. Итальянские исследователи выделяют несколько характеристик китайских группировок: высокая мобильность, постоянное присутствие харизматичного лидера, иерархическая структура и внутреннее разделение обязанностей, владение разными видами оружия, возрастание роли женщин. Высокая динамичность мафиозных группировок отмечается на севере Италии. Здесь отмечаются совершение поджогов для устрашения, рост числа финансовых преступлений (отмывание денег, уклонение от уплаты налогов, использование фальшивых счетов-фактур), распространение проституции, получение контроля над игорным бизнесом [15].

Китайские мигранты совершают самые разные виды преступлений. С 2004 г. по 2010 г. за умышленное причинение вреда здоровью были осуждены 1357 китайцев, за подделку известных брендов товаров – 1069 [7]. С огромным количеством подделок всемирно известных брендов сталкивались все, кто посещал Италию и другие страны Южной Европы. Но нарушения интеллектуальной собственности происходят не только в сфере высокой моды. Как рассказали одному из авторов данного исследования сотрудники крупной российской компании, импортирующей из Италии мебель, на мебельных выставках в этой стране приходится следить за любыми посетителями из Китая, чтобы не дать им сфотографировать новейшие дизайнерские образцы для последующего воспроизведения на китайских фабриках и выпуска под своими брендами.

Наибольшее количество преступлений за указанный период относятся к организации нелегальной эмиграции: осуждены 5329 правонарушителей³¹. Кроме того, 873 человека были осуждены за участие в нелегальном игорном бизнесе и 441 – за наркотрафик³².

²⁹ Saudelli G., Civillini M. Chinese migration brings social change to Italy's Alps // Deutsche Welle, 05.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/en/chinese-migration-brings-social-change-to-italys-alps/a-42456247> (дата обращения: 18.02.2018).

³⁰ La quinta mafia italiana: criminalità cinese tra droga, prostituzione e usura // Agenzia Nazionale del Turismo. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enit.it/it/studi.html/> (дата обращения: 11.12.2017).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

Итальянские органы правопорядка, как видим, реагируют на серьёзные инциденты сразу же, но проблемы продолжают. Используется и такая своеобразная практика: в Риме, Флоренции и Неаполе дважды (с 25 апреля по 7 мая 2016 г. и с 5 по 24 июня 2017 г.) по договорённости властей Италии и КНР применялось совместное патрулирование с прибывшими из КНР отрядами полиции³³. В 2016 г. такая акция не помогла предотвратить июньские события. Такая практика вызывает вопросы о суверенитете страны, которая не может собственными силами обеспечить охрану порядка.

Что же предлагают законодатели ПАСЕ? В упомянутой выше резолюции предложено усилить сотрудничество с КНР для сбора информации о мигрантах и расследования преступлений и одновременно выдвинуты парадоксальные инициативы: обеспечить больше возможностей для китайских мигрантов легально трудоустроиться в Европе и получить гражданство страны пребывания либо долгосрочный вид на жительство; создавать китайские школы в регионах с проживанием большого количества этнических китайцев; создавать положительный имидж китайской миграции в Европу, сосредотачивая внимание на возможностях, которые приносит это явление; искать случаи удачной интеграции китайцев в общества европейских стран и рассказывать о них; развивать диалог между китайскими общинами, обществами принимающих стран и другими иммигрантскими общинами; обеспечивать представление интересов китайских общин на местном уровне и способствовать сохранению связей китайских мигрантов с их страной происхождения для поддержки проектов, касающихся новых коммуникативных технологий в использовании китайского языка³⁴.

Подобное перечисление позволяет предположить: либо в европейских государствах пока произошло недостаточно инцидентов с китайскими мигрантами и был причинён серьёзный ущерб экономике и обществу, либо настолько силен лоббизм промышленников. Те же эксперты ПАСЕ называют цифру: в текстильной промышленности Италии лишь один из десяти рабочих-китайцев имеет вид на жительство. Кроме того, действуют и чисто китайские фирмы (с которыми европейские компании могут работать на основе аутсорсинга), ввозятся дешёвые материалы из Китая. Всё это направлено на снижение себестоимости производства в конкурентной борьбе³⁵.

Подведём итог. В результате векового волнообразного периода китайской трудовой миграции в Италии сформировалась крупная диаспора, живущая по своим законам, не желающая интегрироваться в принимающее общество, но достаточно долго не вполне адекватно оцениваемая итальянскими властями. До

³³ Arrivano i poliziotti cinesi a Roma, Firenze, Napoli e Milano // Adnkronos, 05.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.adnkronos.com/fatti/cronaca/2017/06/05/arrivano-poliziotti-cinesi-roma-firenze-napoli-milano_qZVHIH-gy2tUDXBiK8SoV3M.html/ (дата обращения: 01.02.2018).

³⁴ Chinese migration to Europe: challenges and opportunities. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://website-pace.net/documents/10643/1264407/Rapport-Mariani-Migrationschinoises-EN.pdf/eedbb5e1-4932-48ca-bf22-09637e85ff1f> (дата обращения: 15.05.2017).

³⁵ Ibid.

начала крупных инцидентов итальянское общество надеялось (ещё с 1950-х гг.) как можно больше заработать на дешёвом труде эмигрантов из Китая, а также, по мере возможности, включить прибывших китайцев в местную среду. Однако, даже если такая задача и была частично решена, потери оказались куда больше – как имиджевые, так и нарушения прав интеллектуальной собственности, а также рост нелегальной миграции и, что самое главное, рост преступности.

Большое количество правонарушений фиксируется в самых разных областях, резко выросло влияние китайской мафии. Инциденты между мигрантами из Китая и полицией сопровождаются жёсткими комментариями китайского МИДа, предъявлением различных требований и агрессивными кампаниями в интернете. Проблема поднималась на уровне ПАСЕ, а в самой Италии в последние годы, в условиях наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока, принята серия законов, регулирующих миграцию. Однако ситуация практически не улучшается, да и меры по её урегулированию, предлагаемые законодателями, экспертами и местным населением, выглядят по меньшей мере наивно и, скорее всего, объясняются влиянием промышленного лобби, возможно, заинтересованного в сохранении притока мигрантов как дешёвой рабочей силы.

Что значит сложившаяся ситуация в контексте европейской безопасности? Это пример того, насколько опасно строить миграционную политику, питая надежды на выгоду от дешёвой рабочей силы. На такой ошибке стоит поучиться европейским странам, надеющимся на подключение к китайскому проекту «Один пояс, один путь» с получением инвестиций и помощи в строительстве инфраструктуры и других объектов – Венгрии, Греции, Сербии и другим. Главный, наверное, вывод – это необходимость рассматривать любые экономические инициативы и перспективы сотрудничества с другими государствами в первую очередь с позиций безопасности, *human security*, а уже потом – подсчёта прибылей.

Пример китайской диаспоры в Италии лишний раз подтверждает справедливость критического отношения к политике мультикультурализма, которые высказывались скептиками на протяжении десятилетий. Даже в толерантной к мигрантам Италии мультикультурализм привёл к формированию замкнутых сообществ с комплексом сопутствующих проблем: от бытовых до дипломатических. Более рациональной представляется политика межкультурного диалога, включая требование уважения к принимающему государству, нежели практика последнего столетия, спровоцировавшая ситуацию, выход из которой пока не просматривается.

Список литературы:

1. Глазунов О. Н. Китайская разведка. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2008. 256 с.
2. Говорова Н. В. Мигранты на рынке труда Европейского союза // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 41–46. DOI: 10.15211/soveurope420154146

3. Маслова Е. А. Италия: образование и экономическое развитие // Современная Европа. 2014. № 4 (60). С. 61–69. DOI: 10.15211/soveurope420146169
4. Михайленко В. И., Табаринцева-Романова К. М. Итоги председательства Италии в ЕС: второй семестр 2014 г. // Современная Европа. 2015. № 5 (65). С. 28–40. DOI: 10.15211/soveurope520151420
5. Потемкина О. Ю. «Европейская повестка дня по миграции» – новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 14–20. DOI: 10.15211/soveurope420152840
6. Asian Migrants and European Labour Markets. Ed. by E. Spaan, F. Hillmann and T. van Naerssen. N.Y.: Routledge Publ., 2005. 360 p.
7. Vecucci S. La criminalità cinese in Italia [Электронный ресурс] // Quaderni di sociologia. 2011. Pp. 43–65. URL: <http://journals.openedition.org/qds/610/> / (дата обращения: 21.12.2017).
8. Bradley W. Is There a Post-Multiculturalism? Shiga: Afrasian Research Centre, 2009. 32 p.
9. Chen C. Made in Italy (by the Chinese): migration and the rebirth of textiles and apparel // Journal of Modern Italian Studies. 2015. Vol. 20, No. 1. Pp. 111–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1354571X.2014.973160>
10. Chung H., Luciano B. The dis/locat/ing migrant as an agent of transposition: Borensztein's Un cuento chino and Segre's Io sono Li // Studies in European Cinema. 2014. Vol. 11, No. 3, Pp. 191–211. DOI: 10.1080/17411548.2014.972671
11. Dei Ottati G. A transnational fast fashion industrial district: an analysis of the Chinese businesses in Prato // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. Pp. 1247–1274. DOI:10.1093/cje/beu015
12. Godement F. et al. China and the Mediterranean: Open for business? [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 21.06.2017. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/china_and_the_mediterranean_open_for_business (дата обращения: 21.10.2017).
13. Hatziprokopiou P., Montagna N. Contested Chinatown: Chinese migrants' incorporation and the urban space in London and Milan // Ethnicities. 2012. Vol. 12(6). Pp. 706–729. DOI: 10.1177/1468796811434909
14. Hellström J. China's Acquisitions in Europe. European Perceptions of Chinese Investments and Their Strategic Implications. Swedish Defense Research Academy Report. – December 2016. – № FOI-R--4384--SE. – 60 p.
15. Mazzenzana S., Motta S., Nicolini R. Quarto rapporto sulle aree settentrionali, per la presidenza della commissione parlamentare di inchiesta sul fenomeno mafioso // Osservatorio sulla criminalità organizzata [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cross.unimi.it/wp-content/uploads/Quarto-Rapporto-sulle-aree-settentrionali.pdf/> (дата обращения: 09.02.2018).
16. Mleczek A. Identity Formation as a Contemporary Adaptation Strategy // European Education. 2010. Vol. 42, No. 4. Pp. 25–48. DOI 10.2753/EUE1056-4934420402
17. Sanfilippo M. Chinese Investments in Italy: Facing Risks and Grasping Opportunities [Электронный ресурс] // Istituto Affari Internazionali. № 19. December 2014. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1419.pdf/> (дата обращения: 21.12.2017).
18. Taggart S. Italian Relations with China 1978–1992: The Long Carnival Decade – Burgeoning Trade and Diplomatic Kudos [Электронный ресурс] // Cahiers de la Mediterranee. No. 88. 2014. URL: <https://cdlm.revues.org/7512/> (дата обращения: 06.01.2018).
19. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK // Ethnic and Racial Studies. 2014. Vol. 37, No. 8. Pp. 1391–1408. DOI: 10.1080/01419870.2012.715660

Об авторах:

Ксения Геннадьевна Муратшина – к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова – к.ф.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: kmromanova@mail.ru.

Яна Ильмаровна Мухамадиева – студентка 4 курса департамента международных отношений Уральского федерального университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: yanarichs@yandex.ru.

Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза Erasmus+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

CHINESE MIGRANTS IN ITALY: POSITIVE INTEGRATION EXPERIENCE OR A CHALLENGING FACTOR?

K.G. Muratshina, K.M. Tabarintseva-Romanova, Ya.I. Mukhamadiyeva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-89-103

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin

This paper analyses the situation, caused by the growing labour migration from China to Italy. In the beginning of the paper, the authors give a short outline of multiculturalism policy and its specific features in Italy. In spite of sustainable ethno-religious tolerance of Italian society (conditioned by the historical and geographical factors, such as longterm fragmentation of Italian state, the presence of a large number of ethnic minorities in a rather small area, intensive North-South internal migration), the multiculturalism policy, imposed by the European Union, has not been accustomed in this country. The reasons for it were the growth of unemployment rate, economic crisis, migration crisis, that started after 2008. The latter showed the disrespect, demonstrated by migrants to basic human rights and freedoms, and contempt to European culture and traditions, which induced the increasing discontent among Italian citizens.

Then, the paper provides an overview on Italian-Chinese relations and a detailed analysis of problems, related to Chinese migration in Italy. Chinese migrants form a considerable diaspora in this country, living in isolated, almost self-governed communities, claiming for their rights and participating in a variety of criminal activities. The authors define the reasons for the formation of this trend and analyse the way, how the problem is being dealt with.

Key words: Italy, China, labour migrants, migration policy, social tensions.

References

1. Glazunov O. N. *Kitaiskaia razvedka* [Chinese intelligence]. Moscow, Algoritm – EKSMO Publ., 2008. 256 p. (in Russian).
2. Govorova N. V. Migranty na rynke truda Evropeiskogo soiuza [Migrants in the labour market of the European Union]. *Sovremennaia Evropa – Modern Europe*, 2015, no. 4 (64), pp. 41–46. DOI: 10.15211/soveurope420154146 (in Russian).
3. Maslova E. A. Italija: obrazovanie i jekonomicheskoe razvitie [Italy: education and economic development]. *Sovremennaia Evropa – Modern Europe*, 2014, no. 4 (60), pp. 61–69. DOI: 10.15211/soveurope420146169 (in Russian).

4. Mikhailenko V. I., Tabarintseva-Romanova K. M. Itogi predsedatel'stva Italii v ES: vtoroi semestr 2014 [Results of the Italian presidency of the EU: the second semester of 2014]. *Sovremennaia Evropa – Modern Europe*, 2015, no. 5 (65), pp. 28-40 (in Russian).
5. Potemkina O. Iu. «Evropeiskaia povestka dnia po migratsii» – novyi povорот v immigratsionnoi politike ES? [“European agenda on migration” – a new turn in the EU immigration policy?]. *Sovremennaia Evropa – Modern Europe*, 2015, no. 4 (64), pp. 28-40 (in Russian).
6. Asian Migrants and European Labour Markets. Ed. by Spaan E., Hillmann F. and Naerssen van T. New York, Routledge Publ., 2005. 360 p.
7. Becucci S. La criminalità cinese in Italia. *Quaderni di sociologia*. 2011. pp. 43–65. Available at: <http://journals.openedition.org/qds/610/> (accessed: 11.12.2017).
8. Bradley W. Is There a Post-Multiculturalism? Shiga, Afrasian Research Centre, 2009. 32 p.
9. Chen C. Made in Italy (by the Chinese): migration and the rebirth of textiles and apparel. *Journal of Modern Italian Studies*. 2015. vol. 20, no. 1. pp. 111–126. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1354571X.2014.973160>
10. Chung H., Luciano B. The dis/locating migrant as an agent of transposition: Borensztein's Un cuento chino and Segre's Io sono Li. *Studies in European Cinema*. 2014. vol. 11, no. 3, pp. 191-211. DOI: 10.1080/17411548.2014.972671
11. Dei Ottati G. A transnational fast fashion industrial district: an analysis of the Chinese businesses in Prato. *Cambridge Journal of Economics*. 2014. vol. 38. pp. 1247–1274. DOI:10.1093/cje/beu015
12. Godeman F. et al. China and the Mediterranean: Open for business? *European Council on Foreign Relations*, 21.06.2017. Available at: http://www.ecfr.eu/publications/summary/china_and_the_mediterranean_open_for_business (accessed: 14.10.2017).
13. Hatziprokopioiu P., Montagna N. Contested Chinatown: Chinese migrants' incorporation and the urban space in London and Milan. *Ethnicities*. 2012. vol. 12(6). pp. 706–729. DOI: 10.1177/1468796811434909
14. Hellström J. China's Acquisitions in Europe. European Perceptions of Chinese Investments and Their Strategic Implications. Swedish Defense Research Academy Report. December 2016. № FOI-R-4384--SE. 60 p.
15. L'emigrazione degli italiani: dai picchi del dopoguerra ai nuovi flussi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/lemigrazione-degli-italiani-dai-picchi-del-dopoguerra-ai-nuovi-flussi/> (/дата обращения: 02.05.2018).
16. Mazzenzana S., Motta S., Nicolini R. Quarto rapporto sulle aree settentrionali, per la presidenza della commissione parlamentare di inchiesta sul fenomeno mafioso // *Osservatorio sulla criminalità organizzata*. Available at: <http://www.cross.unimi.it/wp-content/uploads/Quarto-Rapporto-sulle-aree-settentrionali.pdf/> (accessed: 09.02.2018).
17. Mleczko A. Identity Formation as a Contemporary Adaptation Strategy. *European Education*. 2010. vol. 42, no. 4. pp. 25–48. DOI 10.2753/EUE1056-4934420402
18. Sanfilippo M. Chinese Investments in Italy: Facing Risks and Grasping Opportunities. *Istituto Affari Internazionali*, 2014. no. 19. 31 p. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1419.pdf> (accessed: 21.12.2017).
19. Taggart S. Italian Relations with China 1978–1992: The Long Carnival Decade – Burgeoning Trade and Diplomatic Kudos, *Cahiers de la Méditerranée*. 2014. No. 88. Available at: <https://cdlm.revues.org/7512/> (accessed: 06.01.2018).
20. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK. *Ethnic and Racial Studies*. 2014. vol. 37, no. 8. pp. 1391–1408, DOI: 10.1080/01419870.2012.715660.

About the authors:

Ksenia G. Muratshina – PhD, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. 620000, Yekaterinburg, Lenina ave, 51. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova – PhD, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. 620000, Yekaterinburg, Lenina ave, 51. E-mail: kmromanova@mail.ru.

Yana I. Mukhamadiyeva – 4th year student at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. 620000, Yekaterinburg, Lenina ave, 51. E-mail: yanarichs@yandex.ru.

This work is supported by the European Union program Erasmus +, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-EN-EPPJMO-CHAIR.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ФРАНЦИЯ В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Н.В. Шмелёва

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В связи с наплывом беженцев в Европу вопрос об иммиграции приобретает во Франции и во всей Европе всё большую остроту. И если раньше при решении иммиграционных вопросов во главу угла ставились экономические потребности страны, то теперь правительство должно исходить также и из соображений безопасности, поскольку основным негативным последствием проводимой до последнего времени миграционной политики является именно возрастающая угроза безопасности граждан. Главный вызов, стоящий перед руководителями страны – как обеспечить безопасность и социальную сплочённость своих граждан, соблюдая при этом права человека, уважая республиканские ценности. Решать проблему в существующем правовом поле оказывается всё сложнее.

В статье кратко анализируются институционально-политические ограничители деятельности правительства, а также иммиграционная политика Франции, проводимая начиная с прихода на президентский пост в 1995 г. Жака Ширака по наши дни. Автор, исходя из принципов историзма и используя системный подход, показывает, что в области иммиграции велась, в той мере, в какой это было возможно, активная политика. Однако результат оказался плачевным. Вывод: те ограничения, которые существуют в западных демократиях, в том числе и во Франции, не позволяют решительно справиться с вызовом иммиграции, навести должный порядок в собственном доме и обеспечить населению спокойное безопасное существование. В стране постепенно приходит понимание того, что, действуя в рамках существующей парадигмы, невозможно преодолеть миграционный кризис.

Руководству Франции, как и других европейских стран, приходится сделать непростой выбор, поскольку радикальное изменение иммиграционной политики рискует подорвать республиканские ценности страны, в то время как продолжение прежнего курса ставит под вопрос возможность обеспечения безопасности граждан и сохранение национальной идентичности, равно как и республиканской модели социального государства. Последние действия в этой сфере президента Эмманюэля Макрона показывают, что императив обеспечения безопасности своих граждан начинает рассматриваться как главный приоритет в миграционной политике.

Ключевые слова: Франция, иммиграция, безопасность, права человека, беженцы, интеграция, ассимиляция, ЕС, ислам, терроризм.

УДК 325.1

Поступила в редакцию 30.05.2016 г.

Принята к публикации 01.06.2018 г.

«Те, кто готовы пойти на ущемление свободы ради безопасности, не получают, да и не достойны, ни того, ни другого»

Бенджамин Франклин¹

Европа, вынужденная принимать сегодня большое количество иммигрантов, прежде всего, беженцев, столкнулась с рядом серьёзных вызовов. Приток беженцев, череда терактов, прогремевших по многим европейским странам и самым болезненным образом затронувших Францию, нарастающая социальная напряжённость постепенно выявляют потребность в проведении более жёсткой политики по отношению к иммигрантам, порой ставящей под вопрос основополагающие республиканские ценности страны, но единственно возможной с точки зрения обеспечения безопасности граждан. Таким образом, один из важнейших вопросов, встающих перед странами ЕС и, в частности, перед Францией – это противоречие между соблюдением прав человека и обеспечением национальной безопасности.

Соотношение и сопряжение этих двух понятий изучается давно и по всему миру. В России этим вопросом занимаются такие видные юристы, как, например, А.А. Тер-Акопов, анализирующий нормы, регламентирующие обеспечение безопасности граждан, Н.В. Варламова, указывающая, что главным критерием допустимости ограничения прав человека является тест на пропорциональность, то есть «соразмерность предусмотренных позитивным правом (...) ограничений прав человека преследуемым при этом легитимным целям» [1, с. 448]. Собственно, таков общий подход, свойственный юридическому сообществу. «Право на безопасность – это тоже право человека, и без безопасности невозможно гарантировать другие права человека», – считает, например, бывший председатель Европейского суда по правам человека Жан-Поль Коста, указывая, что для обеспечения безопасности допустимо, как считается, нарушение некоторых других прав человека, однако при трёх условиях: «если это нарушение предусмотрено законом, делается для достижения легитимной цели и если оно пропорционально поставленной цели»².

Однако подходы к решению конкретных, практических задач по проведению сбалансированной иммиграционной политики разнятся и не находят единодушной поддержки общества.

Голоса против или за ужесточение курса в данной сфере раздавались во многих западных странах уже давно, даже тогда, когда вопросы безопасности не стояли так остро, как в последнее время в связи с многочисленными терактами.

Так, канадский политолог Пол Мэй, анализируя идеологическое обоснование ограничительной иммиграционной политики, звучащее в ходе парламентских

¹ Franklin Benjamin. Pennsylvania Assembly: Reply to the Governor. URL: <http://franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp?vol=6&page=238a> (дата обращения: 23.04.2015).

² Costa J-P., Human rights and security: an inherent tension? Conference on Smuggling of Migrants, Monday 6th March, 2017: Council of Europe, Strasbourg. URL: <https://www.coe.int/en/web/cdpc/conferences/conference-on-smuggling-of-migrants#%7B%22%5C%28173754%5C%3A%5B1%5D%7D> (дата обращения: 20.05.2017).

дебатов по поводу иммиграционной политики во Франции и Канаде, считает неверным расхожее мнение о том, что в силу приверженности неолиберальным идеям правые силы выступают скорее за политику большей открытости иммиграции. Напротив, они за внедрение больших ограничений при приёме иммигрантов. Главным их аргументом является тот факт, что «недостаточно чёткий отбор иммигрантов, допускаемых в страну, ведёт к снижению конкурентоспособности экономики Франции»³. Экономически выгодно привлекать в страну лишь высококвалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, однако их слишком мало среди иммигрантов, приезжающих по линии воссоединения семей и беженцев. Далее автор приходит к выводу о том, что правые силы, исходя из экономических предпосылок, начинают занимать расистские позиции, не желая допуска в страну чернокожих иммигрантов, поскольку они в основном представлены малоквалифицированной рабочей силой.

Левые силы Франции, традиционно получающие в ходе выборов поддержку мусульман, правозащитные организации, значительная часть либерально настроенной интеллигенции стремятся не допустить ущемления прав человека в стране, гордящейся верностью своим республиканским ценностям. Так, политический деятель, член партии «зелёных», бывший министр по вопросам строительства и равенства территорий Сесиль Дюфло обратилась к французам: «Во имя идеи Франции защитим мигрантов! (...) В области предоставления убежища мигрантам... мы должны оставаться верными нашим обязательствам, нашему гуманизму, нашим ценностям», – пишет она⁴.

Аналитик Матье Тардис подвергает критике миграционную политику страны, полагая, что «...кризис, связанный с массовым притоком беженцев, развенчивает миф о Франции, как о “земле приюта”» [3, с. 83].

Французская исследовательница Хлоэ Перонне, рассматривая европейское и французское законодательство, касающееся вопросов иммиграции, отмечает, что оно исходит из необходимости отдавать приоритет вопросам безопасности в ущерб правам и основным свободам нелегальных иммигрантов, подлежащих депортации. «Нежелательные и не подлежащие возвращению (в силу законодательных и технических трудностей) иммигранты при необходимости противостоять произволу властей не имеют возможности пользоваться теми правами, которыми обычно наделены граждане», – утверждает автор [11, с. 57]. Примерно с таких же позиций выступают и политологи и правоведы Дэвид Джеймс Кантор, Сара Сингер из Великобритании и Йорис Ван Вейк и Маартен П. Болхиа из Нидерландов. Они рассматривают ситуацию с нелегальными и не подлежащими выдворению иммигрантами в Великобритании, Франции и Нидерландах и указывают на их недопустимо бесправное положение. «Иностранцы часто оказываются в двусмысленном и даже опасном состоянии затяжной юридической

³ May P, Ideological justifications for restrictive immigration policies: An analysis of parliamentary discourses on immigration in France and Canada (2006–2013), P.287 URL: www.palgrave.com/journals (дата обращения: 12.08.2016).

⁴ Duffot C. Au nom d'une certaine idée de la France, protégeons les migrants // Le Monde 10.06.2015.

«неопределённости», не имея чёткого иммиграционного статуса и сопутствующего доступа к основным правам в принимающем государстве», – считают эти исследователи [8, с. 1].

А левый французский еженедельник *Politis* в статье «Чрезвычайное положение ведёт к произволу»⁵ приводит многочисленные примеры нарушения прав иммигрантов при их задержании и проведении обысков в их квартирах.

Таковы позиции противников ужесточения иммиграционной политики.

Некоторые исследователи, не обозначая чётко своё отношение к данному вопросу, выражают обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации, намечая возможные пути развития.

Французский историк Жак Ле Гофф, размышляя по поводу «права силы» и «силы права» в новом контексте обеспечения безопасности граждан перед лицом терактов, говорит о поисках «сбалансированного подхода с учётом безопасности и свободы»⁶, считая, что «всё, в конечном счёте, зависит от республиканского такта (...), который поможет найти правильный компромисс между этими двумя императивами, иначе (...) можно потерять демократию, стремясь её защитить»⁷.

Французский политолог Гийом Ру, рассматривая причины различного уровня ксенофобии, нетерпимости к иммигрантам в странах Европы, указывает на необходимость учитывать характеристики суциума, социального капитала, который, по мнению автора, «способствует развитию терпимости (...) по отношению (в том числе и) к этническим меньшинствам» [12].

Бывший главный редактор журнала *Esprit* Марк-Оливье Падис говорит о вызове, с которым столкнулись сегодня демократические государства: как противостоять «новой угрозе (терроризма), не жертвуя правовыми принципами»⁸.

Некоторые эксперты предлагают нестандартные решения проблемы. Так, специалист по конституционному праву Брюс Акерман пишет, что если и дальше правительства будут реагировать на теракты, принимая всё более жёсткие меры, ограничивающие в то же время основные свободы, то «всё будет развиваться по нарастающей спирали: после каждой успешной террористической атаки политики будут придумывать новый пакет репрессивных законов, чтобы успокоить нас, обещая бóльшую безопасность. Но затем через несколько лет другим террористическим группам удастся нанести новый удар. Эта новая катастрофа, в свою очередь, создаст спрос на большее количество репрессивных мер, и так всё и будет продолжаться» [7], то есть всё дальше государство будет отходить от правовых норм демократии. Автор указывает, что «ни одна страна сегодня не об-

⁵ L'urgence laisse place à l'arbitraire // *Politis*, 03.12.2015.

⁶ Le Goff J., Sécurité et liberté: sœurs ennemies? // *Esprit*, 02.2016. URL: <http://www.esprit.presse.fr/actualites/jacques-le-goff/securite-et-liberte-soeurs-ennemies-411> (дата обращения: 21.03.2017)

⁷ Ibid.

⁸ Padis M-O., Sécurité et terrorisme: un défi pour la démocratie, // *Esprit*, 08.2006. URL: <https://www.cairn.info/revue-esprit-2006-8-page-67.htm> (дата обращения: 14.09.2015).

ладает достаточным потенциалом для того, чтобы противостоять террористам и в то же время сохранять основные свободы» [7]. Брюс Акерман предлагает разработать «чрезвычайную конституцию», которая позволила бы правительству принимать чрезвычайные меры для предотвращения терактов в краткосрочной перспективе, запрещая постоянные или долгосрочные действия, ущемляющие права человека.

Постоянно растёт и число недовольных расширенным толкованием понятия «права человека», что приводит к излишнему, с их точки зрения, либерализму по отношению к тем, от кого может исходить угроза безопасности граждан. В частности, с такой позиции выступает французский историк и философ Марсель Гоше: «Расширенное толкование прав человека привело к последствиям, которые не входили в наши намерения. Слишком много поставлено сегодня на карту» [10, с. 330]. Философ Андре Конт-Спонвиль полагает, что «народ имеет право защищать свою идентичность, свою безопасность и свой комфорт от того, что он считает – обоснованно или нет – угрозой извне» [9, с. 38]. С его точки зрения, проводить политику, исходя лишь из норм морали, наивно, ибо «если бы все люди были добродетельны (...), то не было бы надобности ни в (государственных) границах, ни в полиции, ни даже в самих государствах». Сейчас, говорит философ, «мы от этого далеки», поэтому нужен прагматичный подход, обеспечивающий защиту французской идентичности, национальных интересов [9, с. 38]. Известный французский историк и правовед Жан-Луи Аруель полагает, что западные страны делают из прав человека не просто идеологию, но новую религию, и что «в современной трактовке права человека уничтожают наши основные свободы – особенно свободу выражения мнения и имеют разрушительные последствия для западных государств»⁹. А философ тунисского происхождения Мезри Хаддат считает, что упор на необходимость соблюдения прав человека пагубным образом сказывается на борьбе против радикальных течений в исламе, подчёркивая, что «путь исламистскому фундаментализму открыла идеология прав человека, имеющая уже столь длинную историю, (...) а также существование “потерянных для республики территорий”, которые теперь захвачены правонарушителями и наркоторговцами, ставшими джихадистами»¹⁰.

Подходы к решению этой сложной задачи, как видно, бывают диаметрально противоположными, и правительство при проведении иммиграционной политики вынуждено учитывать существующие в обществе настроения.

До какой степени Франция и другие европейские страны готовы пожертвовать своими демократическими достижениями ради безопасности и социально-экономической стабильности в стране? Известный российский учёный С.М. Фёдоров считает, что вряд ли Франция пойдёт на радикальные шаги: «Можно предположить, что масштабные перемены не грозят французской модели ин-

⁹ Harouel J.-L., *Les Droits de l'homme contre le peuple*, P, Desclée de Brouwer, 2016, Цит. по <http://lesobservateurs.ch/2016/07/24/lideologie-des-droits-de-lhomme-une-utopie/> (дата обращения: 25.06.2017).

¹⁰ *Mezri H. La sécurité est le premier des droits de l'homme!* // *Le Figaro* 27.07.2016.

теграции иммигрантов», – пишет он [5, с. 66]. Но помимо угрозы безопасности в таком случае, предупреждает историк О.Н. Четверикова, существует исламская угроза европейской идентичности, что может привести к утере и самих республиканских ценностей. Духовному и религиозному наследию Европы брошен вызов, усугубляемый распространением экстремистских мусульманских течений в Европе. «Превращённая в догму европейская политкорректность привела к забвению (...) собственных гуманистических основ», – пишет автор [6, с. 68].

Однако меры, предпринимаемые руководством страны в последнее время, показывают, что Франция постепенно приходит к пониманию необходимости проводить более жёсткую миграционную политику, тем более, что после волны терактов, захлестнувших Францию и унёсших жизни 239 человек с января 2015 г.¹¹, такой курс поддерживается основной массой населения.

Для понимания изменения подходов правительства к решению миграционной проблемы во Франции, страны с богатыми демократическими традициями и с не менее богатым опытом приёма иммигрантов, необходимо проанализировать сложившуюся ситуацию и её истоки. Исследование базируется на принципе историзма, поскольку проблема иммиграции анализируется в развитии, в меняющемся историческом и политическом контексте со второй половины 90-х гг. XX в. до наших дней. Оно основывается также на системном подходе, рассматривающим вопрос с учётом процессов глобализации, в рамках республиканской модели развития «социального государства».

Сложности, возникшие в связи с миграционным кризисом

На данный момент главная проблема – это трудно контролируемый приток мигрантов. Хотя принять и разместить у себя тех беженцев, которых Европа предлагает Франции, страна, с учётом её экономических возможностей, способна. Но проблемы, возникающие с потоком иммигрантов, носят не экономический характер. Они угрожают социальному благополучию и социальной сплоченности французского общества, но главное, безопасности граждан.

Итак, речь идёт о всё увеличивающемся недовольстве коренных жителей Европы прибывающими и уже живущими там иммигрантами, которые иногда не могут, а порой и не хотят приложить усилия, для того, чтобы «в чужом монастыре» жить не по своему уставу, а следовать правилам и традициям, укоренившимся в странах приёма. Раздражение подогревает ощущение несправедливости, когда иммигранты, не проработавшие долгий срок и, соответственно, не делавшие никаких социальных отчислений, пользуются не меньшими, а порой и большими социальными благами, чем коренные французы. Число лиц, получающих пособия, предназначенные способствовать интеграции малоимущих слоёв населения в жизнь французского общества, с начала XXI в. постоянно росло примерно

¹¹ Principaux attentats en Europe depuis 2015 //Le point, 17.08.2017.

на 6% в год¹². И иммигранты первого или второго поколения составляли более 80% этой категории людей¹³.

Иммигрантам порой выгоднее жить на это пособие, не работая. Предоставив нужные справки, они могут добиться снижения квартплаты, льгот по медицинскому обслуживанию, освобождения от выплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Им также полагаются талоны на бесплатное питание. И в целом в таких случаях их реальные доходы часто оказываются выше, чем минимальная заработная плата.

Напомним, что во Франции все, даже незаконные иммигранты, имеют право на получение медицинской помощи¹⁴ и на обучение своих детей в средней школе¹⁵. Этот гуманистический подход соответствует республиканским традициям страны, но объясняется также и практическими задачами: нежеланием создавать дополнительных проблем в сфере здравоохранения, стремлением приобщить всех детей, проживающих на территории страны, к республиканским ценностям и помочь им включиться в жизнь страны через образование в школе. Но реализация подобных программ также требует значительных бюджетных средств. Так, в 2015 г. в рамках программы оказания медицинской помощи нелегальным иммигрантам (*Aide Médicale d'Etat (AME)*) было потрачено 600 млн евро!¹⁶ Такая политика не всегда находит понимание у коренных малообеспеченных французов.

Но главное, всё большее опасение вызывает постоянно понижающийся уровень безопасности, прежде всего, из-за угрозы терактов, не столько со стороны экстремистов Ближнего Востока, сколько от тех, кто живет в этих самых европейских странах и пользуется этими самыми социальными благами. Так, журналист и политолог Ги Сорман считает, что нет смысла объявлять войну организации «Исламское государство»*, которая, скрываясь от бомбовых ударов, просто переместится в другой регион или трансформируется в другое террористическое движение. Необходимо же, с точки зрения Г. Сормана, «вести другую войну, долгую, трудную, но ту войну, которая может привести к победе и может гарантировать (...) безопасность. Речь идёт об уничтожении групп джихадистов, которые одновременно являются нашими (то есть французскими) гражданами»¹⁷. По данным журнала «Экономист» во Франции и Великобритании «насчитывается около 400-500 чел., вернувшихся в Европу после участия в военных действиях на

¹² Le Panorama de l'actualité Internet dans le domaine de la Sécurité sociale. Lettre N°246 du 22 avril 2007. URL : <http://www.annuaire-secu.com/html/news246.html> (дата обращения: 23.10.2016).

¹³ L'Immigration, une chance pour la France? // Union nationaliste, 14.08.2009. URL : <http://unionnationaliste.centerblog.net/2-immigration-une-chance-pour-la-france> (дата обращения: 17.09.2016).

¹⁴ Code de l'action sociale et des familles: articles L251-1 à L251-3 Bénéficiaires (article L251-1), prestations (article L251-2) URL:<https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074069> (дата обращения: 16.04.2015).

¹⁵ Code de l'éducation: articles L. 111-1, L. 122-1 et L. 131-1 URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071191> (дата обращения: 16.04.2015)

¹⁶ Le projet de Marine Le Pen. URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/autorite-de-letat/immigration/> (дата обращения: 04.03.2017).

¹⁷ *Sorman G.* Ne nous trompons pas de guerre // *Le Monde* 29.11.2015.

* запрещённая в России.

стороне террористов в Сирии. Они ожесточены, агрессивны, вовлечены в единую хитроумно сплетённую сеть, оказывающую им поддержку. (...) К ним стоит добавить радикально настроенных лиц, никогда не покидавших страны, но поддавшихся постоянной джихадистской пропаганде (...) и готовых стать так называемыми волкам – одиночками и совершать теракты»¹⁸.

Стоит отметить, что в мечетях Франции проповеди читаются на арабском языке. «То, что вы видите, это наша печальная реальность: большая часть из 2 500 имамов Франции не говорят по-французски, или говорят недостаточно хорошо, для того, чтобы читать проповеди на этом языке», – признает имам Тарик Абу Нур¹⁹. Зачастую дело доходит до того, что в мечетях могут призывать к джихаду против «развращённого» Запада.

Помимо терактов вопрос безопасности связывается и с тем фактом, что основное количество правонарушений совершается представителями первого, и ещё чаще второго поколения иммигрантов.

В местах компактного проживания иммигрантов, получивших социальное жильё, образовались «неблагополучные» зоны, где республиканские ценности практически преданы забвению и царят свои законы. «В неблагополучных районах накапливаются всё более серьёзные проблемы: условия окружающей среды ухудшаются, уровень безработицы выше среднего, в семьях часто происходят несчастные случаи», – говорится в докладе Министерства по вопросам занятости, труда и социального сплочения²⁰.

Поскольку во Франции запрещено проводить опросы по поводу этнического происхождения и религиозной принадлежности граждан, точной информации об уровне преступности среди иммигрантов нет. Однако журнал «Экспресс» опубликовал данные своего расследования, объявив, что «73% имён тех, кто фигурировал в делах, проходящих в парижских комиссариатах полиции, имели неевропейское звучание»²¹. Косвенным образом эти данные подтверждают, что во Франции правонарушения и преступления в значительной степени совершаются выходцами из иммигрантской среды.

Максим Тандонне²² в своей книге «Иммиграция: выйти из хаоса» пишет: «В то время как (французская политическая) элита, ослеплённая культом благих намерений, надсаживается от крика, восхваляя достоинства безусловной открытости (для иммиграции), Франция на протяжении вот уже десятков лет теряет постепенно своё единство под влиянием неуправляемой и разрозненной иммиграции» [13].

А иммигранты всё больше выступают в качестве оппозиции государству и обществу, используя демократические институты для укрепления своих комму-

¹⁸ What Paris's night of horror means for Europe. //Economist Nov 14th 2015.

¹⁹ Vaillant G. Des imams en quête du juste prêche// La Croix, le 21/04/2017.

²⁰ Rapport du Ministère de l'emploi du travail et de la cohésion sociale 2003. URL :http://www.cohesionsociale.gouv.fr/pdf/plan_cohesion_sociale_20_programmes.pdf (дата обращения : 14.03.2009).

²¹ Lévi T., Fenech G. La surveillance électronique peut-elle remplacer la prison? // Express 09.02.06.

²² Бывший советник Николая Саркози по интеграции.

нитаристских интересов, что в конечном счёте ведёт к подрыву республиканской идентичности.

Разрулить эту ситуацию руководители страны пытались неоднократно, было предпринято немало шагов, но перечисленные проблемы не только остаются, но и усугубляются. Создаётся ощущение, что власти не владеют ситуацией. Они вынуждены делать то, что им навязывается ходом событий, а не то, что является их сознательным выбором. Это ощущение разделяют многие. Известный французский писатель и путешественник Жан Распай, который ещё в 1972 г. опубликовал нашумевшую книгу «Лагерь святых», где предсказал массовый приток в Европу иммигрантов из стран третьего мира, бьёт тревогу: «Та Франция, которую создавали на протяжении веков наши предки, стоит на пороге исчезновения»²³.

Институционально-политические ограничители деятельности правительства в вопросах иммиграции

В проведении своей иммиграционной политики власти страны не могут не учитывать существующие нормы международного, европейского и национального права, ставящие достаточно жёсткие рамки для борьбы с отрицательными последствиями иммиграции. Невозможно также и действовать, не принимая во внимание общественное мнение страны, реакцию оппозиции и правозащитных организаций.

Ограничения наднационального характера, прежде всего, связаны с членством Франции в ЕС, и с конца 1990-х гг. именно Европейский союз оказывал всё большее влияние на формирование иммиграционной политики стран – членов.

Однако ограничения, серьёзно затрудняющие проведение необходимой, с точки зрения властей, иммиграционной политики, существуют и внутри страны. Правительство действует в определённом правовом поле, и принятие политических решений происходит, как и во всех демократических странах, с учётом существующих юридических норм и традиций.

Во Франции задача следить за соответствием принимаемых решений правовым нормам возложена на органы конституционного контроля: Конституционный совет, призванный рассматривать конституционность актов, представленных парламентом, и Государственный совет, контролирующий акты правительства. За работой префектов, представляющих власть на местах, следят административные суды.

Итак, европейское законодательство и национальные органы конституционного контроля в значительной степени влияют на формирование иммиграционной политики Франции. В последние десятилетия XX в. и начале XXI в. это влияние становилось всё более заметным.

²³ Raspail Jean, Notre civilisation est en train de disparaître. // Valeurs actuelles № 4137, 25.10.2013. URL: <http://www.valeursactuelles.com/societe/jean-raspail-notre-civilisation-est-en-train-de-disparaitre-41638> (дата обращения: 24.09.2016).

Например, Конституционный совет высказался против законов, предусматривающих продление срока допустимого содержания под стражей иммигрантов – нелегалов (в частности, в 1993 г., когда речь шла о принятии закона Паскуа)²⁴. В течение длительного времени этот срок составлял 12 дней, за этот период власти просто не успевали тщательно рассмотреть дела задержанных, и приходилось их отпускать. В 2003 г. максимальный срок задержания был увеличен до 32 дней, однако при этом Конституционным советом оговаривалось, что «не может быть и речи о задержании на более длительное время»²⁵. Отметим, что в некоторых европейских странах этот вопрос решается иначе. В Германии, например, разрешено задержание иностранцев, незаконно находящихся на территории страны, на протяжении полутора лет, а в Великобритании вообще никаких ограничений этого срока нет²⁶.

Что же касается вопросов политического убежища, то 13 августа 1993 г. Конституционный совет, рассматривая «закон Паскуа об иностранцах», заложил основы предоставления права на убежище, указывая, что лица, претендующие на статус политического беженца, «не могут быть высланы из страны, пока не получат со стороны властей окончательный отрицательный ответ»²⁷. Согласно этому постановлению практически все (за небольшим исключением), кто обратился с просьбой об убежище, могли находиться на территории Франции в течение длительного срока (речь шла о нескольких месяцах или даже годах), пока рассматривались их дела. Во многом благодаря этому решению с середины 1990-х гг. количество такой категории иммигрантов резко возросло, что, естественно, усугубило социальную напряжённость в стране.

В 2003 г. Конституционный совет принял ещё один важный акт. Решение парламента об ограничении права нелегальных иммигрантов на вступление в брак было признано неконституционным, а право на бракосочетание, «даже для иностранцев, нелегально находящихся во Франции»²⁸, было провозглашено абсолютным. С этого времени одним из «любимых» способов нелегальных иммигрантов узаконить своё положение в стране стало именно бракосочетание.

Государственный же совет, со своей стороны, ещё в 1978 г. выступил против декрета правительства от 10 ноября 1977 г., который приостанавливал на три

²⁴ Chronique législative de l'histoire de l'immigration // LegaVox URL: <http://www.legavox.fr/blog/etrangers-sans-droit/chronique-legislative-histoire-immigration-710.htm> (дата обращения 15.04.2016).

²⁵ Conseil Constitutionnel. Décision n° 2003-484 DC du 20 novembre 2003. Loi relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/2003/2003-484-dc/observations-du-gouvernement.86510.html> (дата обращения 08.08.2009).

²⁶ La polémique sur la directive retour // Actualité Européenne URL: <http://www.eurogersinfo.com/actu3308.htm> (дата обращения: 12.03.2016).

²⁷ Chronique législative de l'histoire de l'immigration // LegaVox URL: <http://www.legavox.fr/blog/etrangers-sans-droit/chronique-legislative-histoire-immigration-710.htm> (дата обращения 16.04.2016).

²⁸ Conseil Constitutionnel. Décision n° 2003-484 DC du 20 novembre 2003. Loi relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/2003/2003-484-dc/observations-du-gouvernement.86510.html> (дата обращения 12.04.2012).

года въезд во Францию иммигрантов в рамках программы воссоединения семей, делая, правда, исключение для тех, кто отказывался от работы в стране, чтобы не усугублять ситуацию в области занятости. Государственный совет аннулировал этот декрет, ссылаясь на преамбулу Конституции 1946 г. и указывая, что иммигранты «имеют право вести нормальную жизнь и вызывать к себе супругов и несовершеннолетних детей»²⁹.

Административные суды осуществляют подобного же рода контроль, но уже за деятельностью префектов на местах. Именно префекты практически занимаются иммигрантами, решая все те проблемы управления, которые не подлежат ведению высших инстанций. Ежедневно административные суды, ссылаясь на восьмую статью Европейской конвенции по правам человека (право на уважение частной и семейной жизни), отменяли решения префектов, намеревавшихся выслать из страны нелегальных иммигрантов, если последним удавалось доказать, что у них есть «семейные связи» во Франции. И в этом случае им выдавались документы, легализующие их положение в стране.

Правительства же таких стран, как Великобритания и Германия, считают, что незаконные иммигранты могут устраивать свою семейную жизнь, вступая в брак в том числе и с законными иммигрантами, но всё это – по возвращении к себе на родину. (Тем, для кого возвращение в свою страну связано с опасностью, делается исключение).

Столь расширительное толкование Европейской конвенции прав человека ставило достаточно жёсткие рамки для французского правительства при проведении иммиграционной политики. «Изменение политики во имя прав человека привело к тому, что государство оказывалось бессильным в управлении миграционными потоками. Государство, обязанное обеспечивать реализацию прав своим гражданам, стало заложником иностранных граждан, требующих исполнения своих прав на французской земле. (...) Такое новое обязательство государства не явилось предметом демократических дебатов и демократического выбора французских граждан. Возможные последствия ратификации парламентом Европейской конвенции прав человека не были в полной мере выявлены и обсуждены в момент ратификации», – говорит доктор политических наук Катрин Витол де Венден³⁰.

Возможные пути урегулирования кризиса

Как представители различных партий, так и независимые аналитики страны постоянно пытались обозначить пути выхода из сложившейся ситуации. Практически все эти предложения сводятся к одному призыву: проводить более

²⁹ Conseil d'Etat statue au contentieux N° 10097 10677 10679. URL: http://www.lexinter.net/JPTXT2/arret_gisti.htm (дата обращения: 09.01.2012).

³⁰ Витол де Венден К. Французский взгляд на мигрантов в Европе // Демография.ру, 16.10.2006. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=592. (дата обращения: 03.05.2015).

жёсткую политику по отношению к иммигрантам. Однако претворить в жизнь подобные предложения оказывается сложно, т.к. все они противоречат устоявшимся нормам, как юридическим, так и моральным. Если говорить конкретнее, то речь идёт о том, чтобы:

1. Ограничить приток мигрантов, принимая только тех, кто нужен с точки зрения экономической целесообразности, избавляясь от балласта, то есть социально неблагонадёжных элементов и лиц, живущих за счёт социальных подачек. Такое требование кажется логичным не только представителям крайне правой партии «Национальный фронт»³¹, но и многим политикам умеренных взглядов. Так, Николя Саркози заявлял: «В конце концов, Франция должна решать, кто имеет право проживать на её территории, а кто – нет, это – минимальные требования»³².

Однако Франция ратифицировала Женевскую конвенцию от 28 июля 1951 г., согласно которой каждый человек, «преследуемый в своей стране за политические, религиозные убеждения или за свою принадлежность к той или иной социальной группе, имеет право на убежище и может претендовать на статус беженца»³³. А в Европейской конвенции по правам человека от 1950 г. указывается, что «каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни»³⁴, и именно этим документом руководствуется правительство, предоставляя иммигрантам право на воссоединение семей.

Так что Франция обязана принимать беженцев и семьи работающих иммигрантов и обеспечивать их социальным пакетом. Да, имеется возможность ограничивать приток людей, приезжающих на заработки. Но если страна и испытывает в той или иной степени потребность в иностранцах, то это именно в работающих иммигрантах определённых профессий. В докладе Центра стратегического анализа в стране говорилось о том, что нехватка квалифицированных работников ощущается в таких сферах, как строительство, машиностроение, гостиничный и ресторанный сектор, медицина³⁵. Чаще всего требовались работники средней квалификации. Однако большая часть иммигрантов, обосновавшихся во Франции по линии воссоединения семей, не имеют требуемых навыков. В начале XXI в. среди иностранцев в возрасте от 25 до 64 лет, живущих в стране, доля тех, кто не получил законченного среднего образования, достигала 64%! Этот показатель во Франции заметно выше, чем во многих других европейских странах. Так в Швейцарии, Великобритании или Дании он достигает 31%, а в Норвегии – 18%³⁶.

³¹ Le projet de Marine Le Pen. URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/autorite-de-letat/immigration/> (дата обращения: 04.03.2017).

³² Lettre de Nicolas Sarkozy à Patrick Weil. //Le Monde, 13.07.05.

³³ Женевская конвенция о статусе беженцев 1951 года. Международные акты о правах человека.// Сборник документов. 2-е изд., доп.- М.: Норма-Инфра, 2002.

³⁴ Convention européenne des droits de l'homme. URL: http://lexinter.net/UE/convention_europeenne_des_droits_de_l'homme.htm (дата обращения: 11.07.2016).

³⁵ Rapport du Centre d'analyse stratégique, février 2006. URL: <http://www.strategie.gouv.fr/IMG/pdf/RapportChassard.pdf> (дата обращения: 17.10.2015).

³⁶ SOPEMI/OCDE, tableaux 1-12 du rapport 2004.

2. Обеспечить безопасность на всей территории страны, решив проблему «неблагополучных» зон, высылая из страны нелегалов и иммигрантов, преступивших закон. Но высылая иммигрантов, которые уже получили наказание за совершённые преступления, значит пойти на «двойное наказание», что противоречит нормам закона. В связи с ноябрьскими терактами 2015 г. в Париже в стране активно дебатировался вопрос о лишении французского гражданства террористов, имеющих двойное гражданство и получивших французское гражданство менее, чем 10 лет тому назад. Однако в связи с давлением противников такого ужесточения решение о внесении подобных изменений в Конституцию принято не было.

3. Предотвратить «социальные» взрывы, устранить недовольство коренных французов, отказавшись ставить знак равенства между иммигрантами и коренными жителями в плане предоставления социального пакета. Но это означало бы отказаться от принципов равенства и братства.

4. Поставить под контроль религиозную деятельность мусульманских общин и их лидеров, запрещая малейшие намеки на призывы к применению силы. Очевидно, это противоречит принципу светскости, предполагающему невмешательство государства в дела религии.

5. Допустить более решительную деятельность сил правопорядка с целью предотвращения новых терактов. В ноябре 2015 г. с введением чрезвычайного положения после терактов в Париже правовое поле предоставляло для этого больше возможностей, в частности, для проведения обысков, но такой режим – временное явление, он не может обеспечивать безопасность на постоянной основе.

6. Более решительно содействовать интеграции законных иммигрантов в жизнь французского общества, обязывая их принимать те нормы и обычаи в поведении, работе, одежде, которые приняты среди коренных жителей. Форсировать же такой процесс можно только «из-под палки», установив жёсткие границы допустимого образа жизни и карая тех, кто уклоняется от указанных норм, тем самым ущемляя права человека.

Иммиграционная политика французского правительства в течение последних десятилетий

Ошибочно полагать, что иммиграционная политика Франции была недостаточно активной, особенно в тот период, когда этим вопросом занимался Н. Саркози (сначала в качестве министра внутренних дел, потом на посту президента).

Так, в 1995–2011 гг. был принят ряд основополагающих законов с целью упорядочить ситуацию и предотвратить злоупотребления со стороны тех, кто законного права обосноваться во Франции не имел. Законы были направлены на борьбу с нелегальными иммигрантами, в них

предусматривались меры по наведению порядка в неблагополучных кварталах и по обеспечению лучшей интеграции иммигрантов в жизнь французского общества³⁷.

Уже тогда отдельные шаги французского правительства вызывали резкую критику за то, что они ставили под угрозу республиканские ценности. Во время дискуссий при принятии закона, запрещающего ношение заметных религиозных символов (негласно речь шла, прежде всего, о мусульманских платках) в государственных школах социалисты во главе с их лидером Лионелем Жоспеном выступали против этого акта, говоря, что «принцип светскости предполагает терпимое отношение ко всем религиям и нейтралитет, а школа призвана принимать (детей), а не исключать (тех, кто носит мусульманские платки)»³⁸.

11 октября 2010 г. был принят так называемый закон о парандже, запрещающий ношение в общественных местах одежды, полностью закрывающей лицо. Он вызвал неоднозначную реакцию. Левые силы, находящиеся тогда в оппозиции, а также правозащитные организации считали, что закон нарушает права человека, посягая на свободу вероисповедания и на право одеваться по своему усмотрению. «Вы (принятием этого закона) подливаете масло в огонь, нагнетая напряжённость в обществе, исходя из своих предвыборных интересов», – заявлял депутат от партии «зелёных» Франсуа де Рюжи³⁹.

Аналогичное отношение наблюдалось и к решению правительства о депортации нелегальных иммигрантов, а затем и к его решению об отправке на родину цыган, прибывающих во Францию из Румынии и Болгарии. Реакция общества на такие действия была бурной. Представители интеллигенции, деятели искусства и левые силы проводили массовые кампании солидарности, нелегальных иммигрантов прятали, а их детей усыновляли; звучали призывы гражданского неповиновения властям⁴⁰.

Получается, что уже тогда власти балансировали на грани допустимого в вопросе соблюдения прав человека. Вероятно, был сделан максимум того, что вообще возможно было сделать в рамках существующего правового поля.

³⁷ Закон от 11.05.1998 «О пребывании иностранцев во Франции и о праве на убежище», закон от 1.08.2003 «Об ориентации и планирования городов и городского обновления», закон от 26.11.2003 «Об управлении процессами иммиграции, о пребывании иностранцев во Франции и о национальности», закон от 10.12.2003 «О праве на убежище», закон от 15.03.2004 «О запрете на ношение заметных религиозных символов в гос. школах, закон о мусульманском платке, закон от 18.01.2005 «О программировании социального сплочения», закон от 31.03.2006 «О равенстве шансов», закон от 24.07.2006 «Об иммиграции и интеграции», закон об избирательной иммиграции, закон от 20.11.2007 «Об управлении процессом иммиграции, интеграции и предоставлении убежища», закон от 11.10.2010 запрещающий в общественных местах ношение одежды, полностью скрывающей лицо, закон от 16.06.2011 об иммиграции, интеграции и национальности (гражданстве).

³⁸ Plateau Lionel Jospin. Galaxie Ina 17.10.1989. URL: <http://www.ina.fr/economie-et-societe/vie-sociale/video/CAB89043936/plateau-lionel-jospin.fr.html>. (дата обращения: 19.12.2009).

³⁹ Les députés votent l'interdiction du port du voile integral // L'Express, 13.07.2010.

⁴⁰ Débat sans fin autour du voile islamique // France culture, 15.04.2016. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/pixel/debat-sans-fin-autour-du-voile-islamique> (дата обращения: 20.05.2016).

Причины неудач и новые попытки выправить положение

Почему же тогда сам Н. Саркози и пришедшие ему на смену социалисты говорили о провале этой иммиграционной политики? В чем основная причина беспомощности властей перед лицом этого кризиса? Возможно, в том, что проведение политики, отвечающей национальным интересам, но в то же время соответствующей духу республиканских демократических традиций, оказывается всё более проблематичным.

Но демократические традиции Франции (и других европейских стран), уважение прав человека и основных свобод – это не сиюминутный популистский лозунг, к которому можно обращаться, когда обстановка тому благоприятствует, и забывать, когда это выгодно. Это фундамент, это основополагающие принципы республики, за которые на протяжении всей своей истории страна заплатила немалую цену, которыми она по праву гордится и от которых не может отказаться, ибо это значило бы отказаться от своей собственной сути.

Однако если признать, что в области иммиграции велась, в той мере в какой это было возможно, активная политика, а результат оказался плачевным, то напрашивается вывод: те ограничения, которые существуют в западных демократиях, в том числе и во Франции, не позволяют адекватно ответить на вызов иммиграции, навести должный порядок в собственном доме и обеспечить населению спокойное безопасное существование. Действуя в рамках существующей парадигмы, правительство не в состоянии справиться с миграционными проблемами.

Судя по всему, руководство страны осознаёт сложность ситуации. После терактов 13 ноября 2015 г. президент – социалист Франсуа Олланд ввёл чрезвычайное положение, которое было продлено сначала до февраля, затем до 26 мая, потом до июля 2016 г., потом, с некоторыми ограничениями, режим чрезвычайного положения был продлен до 15 июля 2017 г., а вновь избранный президент Эмманюэль Макрон добился его продления до 1 ноября 2017 года⁴¹.

А введение чрезвычайного положения – это в глазах европейцев очень серьёзный шаг, вызывающий большую обеспокоенность. Вот как прокомментировал это решение итальянский философ Джорджо Агамбен: «чрезвычайное положение – это именно тот механизм, с помощью которого в Европе устанавливались тоталитарные режимы. Решение о введении чрезвычайного положения вписывается сегодня в процесс, который влияет на перерождение западных демократий в то, что отныне следует называть не правовым государством, а государством безопасности (*Etat de sécurité*)»⁴². Комиссар Совета Европы по правам человека Нильс Муйжниекс считает, что намерение французского правительства обратиться к парламенту с призывом продлить чрезвычайное положение в стра-

⁴¹ Le Parlement adopte la sixième et dernière prorogation de l'état d'urgence // Le Monde 06.07.2017.

⁴² Agamben G. De l'Etat de droit à l'Etat de sécurité //Le Monde 23.12.2015.

не, «даёт основание предположить, что во Франции наступает трудный период с точки зрения прав человека. (...) Это чрезвычайное положение (...) значительно сократило осуществление основных свобод и ослабило некоторые гарантии правового государства»⁴³.

Перспективы развития ситуации

Таким образом, политический курс, проводимый в защиту национальных интересов, не всегда может соответствовать провозглашённым демократическим принципам. Реальная политика и соблюдение прав человека не всегда совместимы. В таком случае выбор представляется достаточно сложным.

Сумеют ли европейские лидеры удержаться у власти, проводя политику лавирования между Сциллой ущемления прав человека и Харибдой утери контроля над ситуацией и превращения их стран и всего континента во взрывоопасную и плохо управляемую территорию, где царят хаос и произвол? Или же граждане, раздражённые половинчатыми решениями своих правительств, отдадут предпочтение радикальным и националистическим партиям?

Исход первого тура региональных выборов во Франции в декабре 2015 г., когда в шести из 13 регионов победу одержала ультраправая партия «Национальный фронт»⁴⁴, а также результаты последних президентских выборов 2017 г. показали вероятность в перспективе и такого сценария. Выборы президента состоялись весной 2017 г. (23 апреля – первый тур, 7 мая – второй тур). Во второй тур прошли не лидеры главных системных партий (республиканцы – умеренные правые и социалисты – левые), придерживающиеся умеренных взглядов по поводу путей решения иммиграционной проблемы, а Марин Ле Пен от «Национального фронта» и победивший во втором туре Эмманюэль Макрон, лидер недавно созданного движения «Вперёд» (которое потом оформилось в партию «Вперёд, Республика!»), заявляющий, что он не относится ни к правому, ни к левому крылу политического спектра и провозглашающий необходимость разрыва с традиционной политикой. Для республиканцев, считавших, что победа им обеспечена, такой исход – «моральное и историческое поражение», как это охарактеризовала член партии, в прошлом министр юстиции Рашида Дати⁴⁵. Французы, таким образом, голосовали против той политики, в том числе иммиграционной, которую традиционные партии проводили на протяжении последних десятилетий.

Выборы показали, что программу Марин Ле Пен, получившей во втором туре 33,9% голосов, (против 66,1%, поданных за Э.Макрона), поддержали более 10 млн избирателей! (10 638 475 голосов)⁴⁶. Одним из главных положений

⁴³ Muiznieks N. Luttons contre le terrorisme dans le respect du droit // Le Monde 03.02.2016.

⁴⁴ Elections régionales: les résultats du premier tour, région par région // Le Monde 06.12.2015.

⁴⁵ Rachida Dati: «une défaite morale, historique de la droite» // Paris Normandie 23.04.2017.

⁴⁶ Résultats de l'élection présidentielle 2017. Site du Ministère de l'intérieur URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (дата обращения: 10.05.2017).

программы было ужесточение иммиграционной политики (сокращение ежегодной иммиграции с 200 тыс. до 10 тыс. чел. в год, лишение нелегальных мигрантов возможности узаконить своё пребывание во Франции, систематическая высылка всех нелегалов, отмена семейных социальных пособий для иностранцев и др.)⁴⁷.

Такое количество голосов, поданных за лидера НФ – это неслыханный результат, показывающий впечатляющий рост сторонников радикальных мер. Крайне правые силы во Франции, таким образом, сильны и пользуются всё большей популярностью.

Что же касается курса вновь избранного президента, то изначально создавалось впечатление, что, отдав предпочтение Э. Макрону, французы на самом деле сделали выбор в пользу преемственности политической линии в стране. Так, обозреватель Теофиль Симон отмечал: «Программа Эмманюэля Макрона в том, что касается иммиграционной политики, близка программе Франсуа Олланда в 2012 г.»⁴⁸.

Как считает профессор Е.О. Обичкина, «это кандидат, у которого парадоксальным образом предвыборная кампания началась с того, что французы потребовали разрыва с прошлым правлением. А в результате Макрон (...) будет продолжать практически тот же курс»⁴⁹.

Действительно, новый президент Франции незадолго до выборов заявлял: «Иммиграция не должна волновать французов, (...) это шанс с точки зрения экономической, культурной, социальной»⁵⁰. В его предвыборной программе предусматривались меры по обеспечению интеграции иммигрантов, при этом делался упор на лучшее обучение иммигрантов французскому языку и более подробное ознакомление их с республиканскими ценностями⁵¹. (Сами по себе эти меры были введены ещё при президенте Н. Саркози). Но никаких радикальных шагов, направленных на урегулирование иммиграционного кризиса, не предвиделось. Как и Франсуа Олланд, Э. Макрон заручился поддержкой мусульманского электората и в своей иммиграционной политике вынужден учитывать интересы этой категории граждан.

Однако очевидно, что президент не может игнорировать рост популярности более решительных мер для решения миграционного кризиса. Достаточно сказать, что 69% французов поддержали введение, а затем продление режима чрезвычайного положения в стране!⁵² Говоря о необходимости дать приют бе-

⁴⁷ Election présidentielle. Le programme de Marine Le Pen //Le Monde 25.03.2017.

⁴⁸ *Théophile Simon* Que dit vraiment Macron sur l'immigration? Le Nouvel Observateur, 27.04.2017.

⁴⁹ *Обичкина Е.О.* Мнение: на выборах во Франции произошло невиданное в этой стране событие. РИА новости 24.04.2017. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170424/1492945273.html (дата обращения: 12.05.2017).

⁵⁰ Migrants, politique migratoire et intégration: le constat d'Emmanuel Macron //Réforme 01.05.2017 URL: <https://www.reforme.net/actualite/politique/migrants-politiques-migratoires-et-integration-le-constat-demmanuel-macron/> (дата обращения: 10.05.2017).

⁵¹ Le programme d'Emmanuel Macron concernant l'asile et l'immigration En Marche ! URL: <https://en-marche.fr/emmanuel-macron/le-programme/immigration-et-asile>. (дата обращения: 15.05.2017).

⁵² «J'ai encore trop peur»: une majorité de Français soutiennent l'état d'urgence //Le Monde 26.01.2016.

женцам (Франция уже обязалась принять 10 000 человек к 2019 г.)⁵³, президент в то же время выступает за неуклонную борьбу с нелегальными иммигрантами, говоря, что те, кто «не будет подвергаться опасности (у себя на родине), должны вернуться в свои страны», напоминая высказывание Мишеля Рокара, в прошлом премьер-министра-социалиста, заявившего, что Франция «не может принять всю нищету мира»⁵⁴.

Понимая, что существуют реальные риски новых терактов, Эммануэль Макрон добился принятия закона «Об усилении внутренней безопасности и борьбе с терроризмом», вступившего в силу 1 ноября 2017 г. (после отмены режима чрезвычайного положения) и существенно расширявшего полномочия правоохранительных органов в борьбе с терроризмом. Иными словами, некоторые меры, допустимые ранее только в чрезвычайных ситуациях, отныне разрешены в повседневной жизни. Речь идёт о возможности ограничения места жительства и передвижения для «неблагонадёжных» граждан, установлении за ними электронной слежки, предполагается усиление контроля на улицах, упрощение процедуры обыска жилья и задержания подозреваемых лиц, возможность закрытия религиозных учреждений, пропагандирующих идеи насилия и терроризма (отныне в обоих случаях достаточно решения административных, а не судебных органов, как это было раньше)⁵⁵.

Такие меры вызывают озабоченность по поводу дальнейшего ограничения прав человека и основных свобод во Франции. В связи с предполагаемым закреплением в Конституции норм, до этого допустимых лишь в период чрезвычайного положения, к обществу обратилось около 500 учёных и университетских работников, предупреждая, что «речь идёт о мерах, серьезнейшим образом нарушающих (основные) свободы граждан. В соответствии с новым законом эти меры могут быть приняты по решению министром внутренних дел или префектом, причём не в случае неизбежной опасности, а (...) в любое время и в любом месте»⁵⁶.

Принятие этого закона означает по сути, что чрезвычайное положение в какой-то степени становится нормой, то есть Франция делает шаг на пути к постепенному отказу от расширенного толкования прав человека. Вопросы безопасности, таким образом, ставятся французским руководством во главу угла при проведении иммиграционной политики.

Еще одним шагом в том же направлении можно считать закон об иммиграции, который, по мнению Эмманюэля Макрона, обозначает коренную перестройку всей миграционной политики Франции. 22 апреля 2018 г. Национальное собрание Франции приняло в первом чтении этот законопроект «За управле-

⁵³ Immigration: «Il faut retourner dans son pays», explique Macron // Le Point 22.11.2017.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Loi n° 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme.

https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=18479F6FB24DF26BB9A1616005138D45.tplgfr39s_3?cidTexte=JORFTEXT000035932811&categorieLien=id (дата обращения: 11.12.2017).

⁵⁶ Banalisation de l'état d'urgence: une menace pour l'Etat de droit // Libération, 12.07.2017.

мую иммиграцию, эффективное право на убежище и успешную интеграцию»⁵⁷. Вкратце основные положения закона таковы: ускорение рассмотрения просьб о предоставлении политического убежища; обязательное выдворение из страны иммигрантов, нарушивших закон; продление (с 45 до 90 дней) срока допустимого задержания нелегальных иммигрантов, что даст больше возможности доказать необходимость их высылки из страны; облегчение процедуры их депортации, а также перепись и проверка тех, кто живет в переполненных центрах по приему беженцев. Дело в том, что просить об убежище могут все, в том числе и нелегалы, затягивающие таким образом выяснение их истинного положения и депортацию. И проверка позволит понять, кто действительно имеет право просить об убежище, а кто пользуется ситуацией и живёт в этих центрах только для того, чтобы любыми путями остаться в стране.

Проект закона был встречен бурей критики и возмущения. Правые партии критикуют недостаточно жёсткую позицию инициатора этого законопроекта Э. Макрона, который в одно и то же время хочет удовлетворить требования противоположных лагерей. Его политику так и называют «в одно и то же время». Так, идя навстречу левым силам, закон предусматривает возможность в рамках программы воссоединения семей приезда к несовершеннолетним иммигрантам братьев и сестер. С точки зрения правых партий, такое положение вызовет новый приток иммигрантов вместо того, чтобы ограничить его.

Но прежде всего закон критикуется левыми силами, протестующими против ужесточения условий предоставления убежища и негуманного отношения к нелегальным иммигрантам. Ведь выявленные в результате переписи нелегалы окажутся выброшенными из этих центров для беженцев на улицу, что, разумеется, противоречит существующим моральным и правовым нормам. Историк и политолог Патрик Вейл заявил даже, что «никакое правительство со времен Второй мировой войны не посмело зайти так далеко (в своём негуманном подходе)»⁵⁸, добавив: «У нас существуют принципы, возможно, берущие своё начало в христианских традициях. У ребёнка не требуют документов, чтобы дать ему возможность учиться в школе, у больного, находящегося рядом с больницей, не требуют документов, чтобы обеспечить ему медицинский уход, у человека, не имеющего жилья, не требуют документов, чтобы поселить его в приюте для тех, кто в этом срочно нуждается. Если новый законопроект идёт вразрез с этими принципами, это означает опасный откат назад»⁵⁹.

Итак, откат назад, или просто движение в другом направлении, но вывод очевиден. Проблема иммиграции для Франции за последние годы настолько обострилась, что потребовала от французского правительства коренного изменения

⁵⁷ Immigration maîtrisée, droit d'asile effectif et intégration réussie projet de loi. Site de l'Assemblée Nationale URL: http://www.assemblee-nationale.fr/15/dossiers/immigration_maitrisee_droit_asile_effectif.asp (дата обращения: 14.08.2017).

⁵⁸ Weil P. Immigration: «Aucun gouvernement depuis la Seconde Guerre mondiale n'avait osé aller jusque-là» // L'Europe 1. 27.12.2017 URL: <http://www.europe1.fr/politique/immigration-aucun-gouvernement-depuis-la-seconde-guerre-mondiale-navait-ose-aller-jusque-la-3531317> (дата обращения: 10.01.2018).

⁵⁹ Ibid.

политики в этой области. Меры, предпринятые в последнее время, несмотря на сопротивление сторонников бережного подхода к основным свободам и правам человека в их расширенном толковании, показывают, что императив обеспечения безопасности своих граждан начинает рассматриваться как приоритет по отношению к уважению прав и потребностей иммигрантов.

Список литературы:

1. Варламова Н.В. Тест на пропорциональность как универсальная процедура проверки обоснованности ограничений прав человека // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире. Сборник докладов, М.: Проспект, 2017. 512 с.
2. Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX-XXI веков: кризис идентичности. М.: МГИМО, 2003. 139 с.
3. Тардис М. Роль Франции в урегулировании миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. № 4. С. 83-93. DOI: 10.15211/soveurope420168393
4. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: социальные и правовые основы. М.: Норма, 2005. 272 с.
5. Фёдоров С.М. Франция. Трудные поиски обновления «республиканской модели» интеграции иммигрантов // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. Доклады Института Европы № 315 / под ред. Кондратьевой Н.Б., Потемкиной О. Ю. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 54-68.
6. Четверикова О.Н. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1. С. 54-87; №2. С. 10-46.
7. Ackerman, B. Before the Next Attack: Preserving Civil Liberties in an Age of Terrorism. London, New Haven: Yale University Press, 2006. 240 p.
8. Cantor D J, van Wijk J, Singer S, Bolhuis M.P., The Emperor's New Clothing: National Responses to "Undesirable and Unreturnable" Aliens under Asylum and Immigration Law // Refugee Survey Quarterly. 2017. Vol. 36. Iss. 1. Pp 1-8.
9. Comte-Sponville A. Le goût de vivre. Paris, Albin Michel Publ., 2016. 416 p.
10. Gauchet M. La Démocratie contre elle-même. P.: Gallimard, 2002. 385 p.
11. Peyronnet C. Undesirable and Unreturnable Migrants under French Law: Between Legal Uncertainty and Legal Limbo // Refugee Survey Quarterly. 2017. Vol. 36. Iss. 1. Pp. 35-60. DOI: 10.1093/rsq/hdw026
12. Roux G. Xénophobie, "cultures politiques" et théories de la menace. Une comparaison européenne // Revue française de science politique. 2008. No. 1. Vol. 58. Pp. 69-95.
13. Tandonnet Maxime, Immigration. Sortir du chaos. P.: Flammarion, 2006. 213 p.

Об авторе:

Надежда Викторовна Шмелёва – к.и.н., доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: Chmeleva@inbox.ru.

HUMAN RIGHTS AND NATIONAL SECURITY: FRANCE IN SEARCH OF THE RESOLUTION OF THE MIGRATION CRISIS

N.V. Shmeleva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-104-125

Moscow State Institute of International Relations (University)

Given the influx of refugees into Europe, the migration problem is growing increasingly urgent in France and in the EU in general. Besides, if earlier the economic needs of the country were put at the center of solving immigration issues, now the government should also proceed from security considerations, since the main negative consequence of the migration policy conducted until recently is the growing threat to the security of citizens. The major challenge the French authorities are facing is maintaining security and social cohesion, with at the same time human rights observed and republican values respected. Addressing the migration challenge on the existing legal basis is getting more and more problematic.

The article briefly analyzes the institutional and political constraints on the activities of the government, as well as the immigration policy of France, conducted since the arrival of Jacques Chirac, in 1995, to the presidency, to nowadays. The author, proceeding from the principles of historicism and using a systemic approach, shows that there had been an effective immigration policy to the extent that it was possible. However, the result was deplorable. Conclusion: the restrictions existing in France and other Western democracies do not allow to address the immigration challenge, to maintain order on their territories, while their populations feel increasingly insecure. The French leaders begin to understand that acting within the existing paradigm, it is not possible to overcome the migration crisis.

So the governments of France, as well as other European countries, have to make a difficult choice, as a radical change in immigration policy may contravene the country's republican values, while the continuation of the previous course risks weakening the ability to ensure the safety of citizens and preserve the national identity, as well as the republican model of a social welfare state.

Recent actions in this area by President Emmanuel Macron show that the imperative of ensuring the security of its citizens is beginning to be seen as the main priority in the migration policy.

Key words: France, immigration, security, human rights, refugees, integration, assimilation, EU, Islam, terrorism.

References

1. Varlamova N.V. Test na proporsionálnost kak universalnaya protsedura proverki obosnovannosti ogranicheniy prav cheloveka [Proportionality test as a universal procedure for verifying the validity of human rights restrictions]. *Obespechenie prav i svobod cheloveka v sovremennom mire* [Ensuring human rights and freedoms in the modern world]. Sbornik dokladov [Book of reports]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 512 p. (In Russian).
2. Obichkina Ye.O. *Frantsiya na rubezhe XX-XXI vekov: krizis identichnosti* [France at the turn of the twentieth and twenty-first centuries: the crisis of identity]. Moscow, MGIMO Publ., 2003. 139 p. (In Russian).
3. Tardis M. Rol Frantsii v uregulirovani migratsionnogo krizisa [The role of France in resolving the migration crisis]. *Sovremennaya Yevropa*, 2016, no. 4, pp. 83-93. DOI: 10.15211/soveurope420168393 (in Russian).
4. Ter-Akopov A.A. *Bezopasnost cheloveka: sotsialnye i pravovye osnovy* [Human security: social and legal basis]. Moscow, Norma Publ., 2005. 272 p. (In Russian).
5. Fedorov S.M. Frantsiya. Trudnye poiski obnovleniya "respublikanskoy modeli" integratsii immigrantov [France, difficult searches of updating the "republican model" of integration of immigrants]. *Migratsionnye problemy v Yevrope i puti*

ikh resheniya. Doklady Instituta Yevropy № 315 [Migratory problems in Europe and their solutions. Reports of Institute of Europe No. 315]. Ed. by Kondrateva N.B., Potemkina O. Yu. M.: In-t Yevropy RAN, 2015. Pp. 54-68. (In Russian).

6. Chetverikova O.N. Islam v sovremen-

noy Yevrope: strategiya «dobrovolnogo getto» protiv politiki integratsii [Islam in modern Europe: the strategy of the “voluntary ghetto” against the integration policy]. *Rossiia XXI*, 2005, no. 1, pp. 54-87; no. 2, pp. 10-46. (In Russian).

About the author:

Nadezda V. Shmeleva, Ph.D. in French history, professor in Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs. Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454. E-mail: Chmeleva@inbox.ru.

REGIONAL ANTI-MONEY LAUNDERING COOPERATION IN THE AFRICAN UNION

H.D. Gambarov

Baku State University

The major purpose of the paper is to discuss the problems relating to, and review the basic principles of, mechanism of anti-money laundering cooperation in the African Union. The latter is considered through the prism of efficiency in terms of institutional interaction among member states, and of the extent to which the potential of such interaction is fulfilled.

Such approach, in turn, calls for: identification of forms in which the states in the region of concern cooperate on the subject-matter; assessment of the extent to which such forms are efficient and are comparable with those of the Council of Europe and the United Nations, and; definition of the perspectives for African Union's anti-money-laundering cooperation mechanism improvement.

The paper includes the results of comparative analysis of various international conventions and local acts and regulations, and considers the compliance of regional "soft law" and institutional cooperation framework with the accepted anti-money-laundering standards, where it particularly discusses the characteristics of African Peer-Review Mechanism and the Centre for the Study and Research on Terrorism as essential elements for African Union member states' cooperation.

The author emphasizes several discrepancies, and concludes that, despite the existence of sufficiently developed regulatory framework in the region, its commitment to anti-money-laundering, and creation of the applicable monitoring mechanism, the African Union fails so far to achieve high efficiency implementing the proposed measures.

Key words: the African Union, regional cooperation, counteraction of criminality, financial criminality, corruption, money laundering.

УДК 339.92

Поступила в редакцию 05.02.2018 г.

Принята к публикации 08.06.2018 г.

Introduction

The 55 states of the African Union – home for approximately 1.1 bln people who contribute to cumulative 4 bln U.S. dollars of GDP – concentrate their effort, among others, on the issues related to combating money laundering, which are stemming from the agenda on fighting regional terrorism and corruption, as they have become intermixed with terrorist groups' activities and sources for their financing¹. This situation adversely affects security and stability in the region. However, as distinct from other regional unions and associations such as Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), the African Union has a status of multilateral institution, and therefore possesses the right to not only disseminate recommendations, but also to develop practical measures, instrumental in supporting cooperation on combating money laundering among its member states.

In the early 2000s, the member states of the African Union established African Peer-Review Mechanism (APRM) – a special monitoring mechanism designed to ensure adherence of the states to standards of good governance². The article deals with aspects of the African Union's experience in its utilization, and aims to consider money-laundering problem as a case study of testing APRM's effectiveness and efficiency.

Theoretical background

The links between terrorism and transnational organized crime have become much clearer, with terrorist groups increasingly exploiting the pre-existing informal trade routes, as well as the black and illicit markets, to generate resources. The lucrative drug market supports a number of terrorist groups, fuels the traffic in arms and money laundering, generates violence and corruption, and, as a result, poses a serious threat to international peace and security³.

Money laundering and combating it remains an increasingly topical contemporary international problem that has its roots in economic, legal and political spheres. Analysis of the existing literature reveals the fact that the peculiarities (specific features) of interaction between the member states of the African Union on the issues related to combating money laundering are by far not the center of researchers' focus, and, moreover, is frequently beyond the scope of research. Particularly, several attempts to give insights into the nature and features of the measures taken in the framework of the African Union to combating money laundering have been undertaken in a number of recent

¹ [Zuma N.D. Report of the Chairperson of the Commission on Terrorism and Violent Extremism in Africa PSC/AHG/2(CDLV). Kenya, Nairobi, Peace and Security Council, 455th Meeting at the Level of Heads of State and Government, September 02, 2014. Available at: <https://au.int/en/speeches/20140902-0> (accessed 20 April 2018).

² Declaration on Democracy, Political, Economic and Corporate Governance. AHG/235 (XXXVIII). South Africa, Midrand, African Union and NEPAD Secretariat, June 18, 2002. Available at: http://aprm-au.org/admin/pdfFiles/aprm_dpec.pdf (accessed 20 April 2018).

³ Zuma N.D. Report of the Chairperson of the Commission on Terrorism and Violent Extremism in Africa PSC/AHG/2(CDLV). Kenya, Nairobi, Peace and Security Council, 455th Meeting at the Level of Heads of State and Government, September 02, 2014. Available at: <https://au.int/en/speeches/20140902-0> (accessed 20 April 2018).

studies⁴ [2; 5; 12; 13; 15; 16]. Yet the effectiveness in the use of institutional capacity of the African Union in this context has not been comprehensively characterized, and the clear outcome of corresponding regional efforts remains either unknown (at country level) or poorly understood (at regional level). In this situation, it is expedient to define the forms of cooperation of the member states on combating money-laundering in the framework of the African Union, to assess the effectiveness of their use in terms of the objectives set for such cooperation, and to conduct a comparative analysis of the approach employed by the Council of Europe and the United Nations. That may reveal the potential for further improvement of the member states' institutional and contractual cooperation, and, ultimately, provide grounds for development of relevant advisable recommendations.

The present article is a continuation of the author's research in the sphere of international cooperation in combating criminal offence in the financial sphere [9-11].

Study

Primarily, the international context of money laundering problem emerged as a focus area for the African Union's member states, when it came to raising the effectiveness of anti-terrorist activities, and the African Union *"has created a broad regulatory framework for terrorism in the region, including a number of provisions on laundering of «dirty» money and financing of terrorism"* [3, p. 58]. Yet nowadays it is widely argued that Africa loses around 50 bln U.S. dollars annually due to illicit financial outflows, originating from the governments' and multinational companies' engagement in fraudulent schemes allowing for avoidance of tax payments and money laundering, hence impeding crucial development projects⁵. As it might be quoted: *"Blocking illicit outflows in the form of over-pricing, transfer pricing or money laundering or through other innovative methods, is critical to retain financial resources in the country and in the continent"*⁶.

The Organization of African Unity Convention on Prevention and Combating of Terrorism earlier laid the foundation of this framework July 1, 1999, which was signed and ratified by 50 (as of May 4, 2016) African states. In the aforementioned Convention, however, a reference to a range of problems related to money laundering issues was made only in the enacting clause. These provisions were subsequently concretized in the Action Plan of high-level intergovernmental meeting of the African Union for the Prevention and Combating of Terrorism in Africa, adopted in September 2002. The

⁴ Bokosi F., Chikumbu T. Tackling Illicit Financial Flows from and within Africa. African Civil Society Circle, 2015. 5 p. Available at: <http://www.francophonie.org/IMG/pdf/afrodad.pdf> (accessed 20 April 2018)

⁵ Anderson M. Africa Losing Billions from Fraud and Tax Avoidance. The Guardian, 2015. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2015/feb/02/africa-tax-avoidance-money-laundering-illicit-financial-flows> (accessed 19 April 2018).

⁶ Welcoming Remarks by H.E. Dr. Anthony Mothae Maruping, Commissioner for Economic Affairs on the Occasion of the High Level Event on Aid as Catalyst for Domestic Resource Mobilization in Africa. Ethiopia, Addis Ababa, July 24, 2013. Available at: <https://au.int/en/speeches/20130724-1> (accessed 20 April 2018).

latter defined a clear set of steps, which were deemed necessary in order to improve the effectiveness of combating money laundering (para. 10, 13, 1), namely⁷:

1. To take account of the close relationship between terrorism and related crimes, such as drug trafficking, illegal distribution and trade in arms, corruption, money-laundering, all of which are constituted as transnational organized criminality;
2. To build capacity and train the necessary personnel, and make international technical assistance available in case of need;
3. To cooperate with global financial institutions for the development of a comprehensive methodology for combating money-laundering and a methodology for evaluation process;
4. To prohibit anonymous bank accounts, as well as accounts for frontmen, and find the ultimate beneficiaries;
5. To establish adequate financial intelligence authorities;
6. To establish the African Center for Research and Study on Terrorism (ACRST) in order to centralize information, study and analyze terrorism and terrorist groups, as well as to develop relevant training programs;
7. To develop a necessary model regulatory framework able to incorporate best practices and ready for implementation of both global and regional standards on anti-money-laundering.

Measures to combat money laundering in the context of anti-terrorist activities of the African Union did not lead to the necessary intensification of the efforts of member states to implement them: Africa remained sluggish, which probably explains, why the African Union Convention on Preventing and Combating Corruption (AUCPCC) of July 11, 2003 (signed by 48 states as of March 11, 2018)⁸, has a separate attention to the laundering of the financial results of corruption acts⁹. The following goals are set before AUCPCC:

1. Support and promote the development of Africa by each participating state through mechanisms that require the prevention, detection, prosecution and elimination of corruption and related crimes in the public and private sectors;
2. Development, support and regulation of cooperation between participating states towards ensuring the effectiveness of measures and actions for the prevention, detection, prosecution and elimination of corruption and related crimes in Africa;
3. Coordination and harmonization of the policies and legislation of the participating states with a view to preventing, detecting, prosecuting and eliminating corruption and related crimes on the continent;

⁷ Plan of Action of the African Union High-level Inter-Governmental Meeting on the Prevention and Combating of Terrorism in Africa Mtg/HLIG/Conv.Terror/Plan.(I). Algeria, Algiers, African Union, 11-14 September 2002. Available at: https://www.issafrica.org/af/RegOrg/unity_to_union/pdfs/oau/keydocs/PoAfinal.pdf (accessed 20 April 2018).

⁸ African Union Convention on Preventing and Combatting Corruption. Mozambique, Maputo, 2nd Ordinary Session of the Assembly of the Union, July 11, 2003. 28 p. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-preventing-and-combating-corruption> (accessed 20 April 2018).

⁹ Welcoming Remarks by H.E. Dr. Anthony Mothae Maruping, Commissioner for Economic Affairs on the Occasion of the High Level Event on Aid as Catalyst for Domestic Resource Mobilization in Africa. Ethiopia, Addis Ababa, July 24, 2013. Available at: <https://au.int/en/speeches/20130724-1> (accessed 20 April 2018).

4. Supporting socio-economic development by removing obstacles to economic, social and cultural rights, as well as civil and political rights;

5. Establishment of necessary conditions for the formation of transparency and accountability in the management of public relations (public affairs).

In the relevant African Union Treaty, money laundering is perceived as a result of corruption actions, as stated in its Art. 6. Its provisions imposed on member states the obligation to take necessary legislative and other measures for criminalization of the following acts:

1. Conversion, transfer or disposal of property, if it is known that such property is the result of corruption or related crimes, conceal illegal origin of such property, or provide assistance to any person involved in the commission of a relevant crime, by evasion from legal the consequences of his deed;

2. Concealment of the true nature, source, location, placement, movement or ownership of or rights in property that results from corruption or related crimes;

3. Acquisition, possession or use of property if it is known at the time of mastering that such property is the result of corruption or related crimes.

The content of the “connected crimes” concept is explained in para. 1, art. 4 of the Treaty¹⁰. Peculiarities of the approach used with regard to money laundering, in comparison with the United Nations Convention against corruption of October 2003, include: firstly, that criminalization of acts by disposal of property only if the corrupt acts are known that such property is the result of corruption or related crimes, in order to conceal or hide the illegal origin of such property or to provide assistance to any person, involved in the commission of the relevant crime, by evasion from legal consequences of the deed (on the contrary, experts of the United Nations suggest criminalization of simple use of property, if it is known that it was received by criminal means); secondly, absence of separate mention of counseling criminals as a criminal act, since only criminalization is participation as a “*principal, co-director, agent, instigator, an accomplice or concealer, or in any other form in the commission or attempt to commit, in cooperation or in collusion*” any of the conventional acts¹¹.

The African Model Anti-Terrorist Law (AMATL) was introduced at the 17th Session of the Assembly of the African Union in Malabo (June 30 - July 1, 2011)¹², and its further adoption was highly positively received by the expert community. Yet the assessment of the activities of the African Union in the context of the fight against terrorism remains very cautious. To confirm that, the opinion expressed, du Plessis [4] could be referred to: it is noted that the adoption of the AMATL was aimed chiefly at providing assistance to member states in their effort to secure compliance with the re-

¹⁰ African Union Convention on Preventing and Combatting Corruption. Mozambique, Maputo, 2nd Ordinary Session of the Assembly of the Union, July 11, 2003. 28 p. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-preventing-and-combating-corruption> (accessed 20 April 2018).

¹¹ Ibid. Sub-para. (i), para. 1, p. 4

¹² The African Model Anti-Terrorism Law: Final Draft as Endorsed by the 17th Ordinary Session of the Assembly of the Union. Equatorial Guinea, Malabo, Assembly of the Union, June 30 - July 1, 2011. Available at: <http://caert.org.dz/official-documents/african-model-law-en.pdf> (accessed 20 April 2018).

quirements of the regional Convention on the Prevention and Combating of Terrorism of July 1, 1999, as well as other international legal instruments in the relevant sphere of cooperation, including those developed within or under the auspices of the United Nations. As argued by du Plessis in [4, p. 56]: *“Without aiming at imposing formally binding requirements on states, such a model law, forms a «blue book» for the effective implementation by states of regional and international legal instruments, providing guidance and a model that reflects African perspectives and mechanisms aimed at improving international cooperation on terrorism. Innovative aspects of the model law <...> were the provision of a new «African arrest warrant» and the development of a «black list» of terrorist organizations in Africa. Despite noted positive tendencies and efforts on the part of the African Union to strengthen criminal justice regimes <...> the legal framework of the African Union is subject to a number of weakening factors”*. The positive role of AMATL is also recognized in the study by Ewi [6, p. 163]: *“The Model Law is ready to use technical assistance or support for African States in support of the relevance of their legislation and provides guidance on the effective implementation of international and regional instruments on combating terrorism”*.

However, the approach used in it assumes a number of differences, if compared to the Convention on Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of Proceeds of Crime and on Financing Terrorism, issued by the Council of Europe as of May 16, 2005 (CETS No. 198)¹³, which states the following:

1. *“Involvement of persons, if they should have been to assume that the property is an income received by a criminal way”*

According to para. (a), item XXV, art. 4 of the corresponding model law, it is assumed that, persons who are the case of money laundering, should have been assumed that, the property is the income received by criminal way.

Para. 3, Art. 9 of the Warsaw Convention states that criminalization of the relevant acts is a possible, but not a mandatory option. In addition, the developers of the Warsaw Convention also assume as an option to prosecute, if they suspected that the property turns out to be an income received in a criminal way. The last option was not taken into account by the developers of AMATL.

2. *“The obligation to declare when crossing the state borders of not only cash and bearer securities, but also electronic money”*

According to Para. 3, Art. 13 of the Warsaw Convention, *“each Party accepts legislative and other necessary measures to identify a significant physical movement across the border of cash and corresponding securities to the bearer”*. Developers of AMATL, in turn, not only borrowed this provision, but also expanded it through inclusion of the obligation to declare cross-border transfers effected electronically (p. 25).

Also, AMATL contains and applies a more specific interpretation of the “property” concept. Thus, while the Convention on Laundering in its Para. (b), Art. 1 indicates that

¹³ Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism (CETS No. 198). Council of Europe, May 16, 2005. Available at: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/198> (accessed 20 April 2018).

“property of any kind, real or immaterial, movable or immovable, and legal acts or documents giving the right to property or a share in this property”, the developers of AMATL use a more specific interpretation of the same concept. Those are “assets of any kind, they are tangible or intangible, movable or immovable, place of purchase, and legal documents or tools in any form, including electronic or digital, evidence of the right to or participation in such assets, including, among others, other things, bank loans, traveler’s checks, money transfers, shares, securities, debt securities, payment orders (drafts) and letters of credit”¹⁴.

As noted by Fox in [8], AMATL was aimed at creation and development of a set of provisions and principles for Africa as a continent that would ensure proper coordination of efforts of the member states of the African Union. At the same time, it should also be recognized that *“the lack of agreement on the implementation of many of the deferred measures until their entry into force in 2014 and the continuation of disputes in most states about them. <...> Only one of the three member states adopted the legal provisions of the African Union on combating terrorism, that does not only make the arrest, extradition and harassment possible, but also contributes to the lack of coordination and ineffectiveness of their efforts”* [8, pp. 76-77]. There is considerable confidence in supporting the burden of financing measures to counter radical groups through foreign aid, with the unwillingness of African states to adequately finance remedial measures, *“which can be seen as reflecting the unconvincing arguments of the African Union in prioritizing the task of combating terrorism from the point of view of the view of most member states”* [8, p. 77].

It deserves special attention that, for many African states the challenge to development is not necessarily the institutionalization of new policy measures or the adoption of new laws and regulatory steps, but rather the implementation gap, as the set of previously developed and manifested measures mostly remains non-operational [28, p. 226]. Among other contemporary incentives, that prompted the establishment of the African Peer Review Mechanism (APRM) in 2003, as a part of a New Partnership for Africa’s Development (NEPAD) adopted October, 2001, allowing for (or at least aiming at) a holistic regional monitoring, and further possible replication among member states, of best available practices in a particular area of activities.

Para. 71 of NEPAD contains a strong political commitment of African leaders to ensure that a set of standards, including the standard of good governance, is maintained¹⁵. In turn, APRM became a reflection to this commitment, and facilitates implementation of the relevant standards, being a unique mechanism in terms of the breadth of its action [15, p. 84; 14, p. 243]. Reliant upon this mechanism, it proves possible to assess the effectiveness of the member states’ work in four key areas: democracy and political governance; economic management; corporate governance, and; socio-economic development. Within economic management area, the separately mentioned activity

¹⁴ Ibid., item XXXII p. 4

¹⁵ The New Partnership for Africa’s Development (NEPAD). Nigeria, Abuja, October 2001. 59 p. Available at: <http://www.nepad.org/resource/new-partnership-africas-development> (accessed 20 April 2018).

is the fight against corruption and money laundering¹⁶. Yet it is worth mentioning that participation in APRM is voluntary, and the mechanism's geographical coverage is limited to 33 African states (among them, 17 have undergone a monitoring process as of 2013)¹⁷, which leastwise limits the pace of regional governance improvement.

The monitoring process itself is undertaken in 5 stages, of which 3 should not exceed the period of 6 months (calculated from the beginning of the 1st stage and until the end of the 3rd), namely:

1. Preparation and Self-Assessment (a study is conducted on the monitoring group information on the political, economic and corporate governance in the country on the basis of data, provided by the Secretariat of the African Monitoring Mechanism, national, regional, subregional institutions; these documents are then used to prepare for the Country Review Visit):

2. Country Review Visit (direct visit to the territory of the state of monitoring a group to collect the necessary information from government representatives, politicians, parliamentarians, active members of civil society);

3. Preparation of the final country assessment (preparation (drafting) of the report by the monitoring group, with involvement of the state in consultation mode);

4. The Peer Review (consideration, discussion and approval of the report by the heads of APRM states and governments; possible identification of corrective action to be taken, and, should that be deemed necessary (should the country under review be willing to improve the situation in a certain area), application of peer pressure and provision of possible assistance);

5. Presentation of the report to the public and African Institutions (providing the report with key regional and subregional structures, such as the Pan African Parliament, the African Human Rights and Peoples, regional economic communities, and other groups; further, the report is made publicly available).

Results

Primarily, the international context of money laundering problem emerged as a focus area for the African Union's member states, when it came to raising the effectiveness of anti-terrorist activities

Yet nowadays it is widely argued that Africa loses around 50 bln U.S. dollars per year, which is caused by illicit financial outflows originating from the governments' and multinational companies' engagement in fraudulent schemes allowing for avoidance of tax payments and money laundering. These might have otherwise been invested in a number of important regional development projects.

¹⁶ Objectives, Standard, Criteria and Indicators for the African Peer Review Mechanism NEPAD/HSGIC-03-2003/APRM/Guideline/OSCI. NEPAD, 2003. P. 16. Available at: http://aprm-au.org/admin/pdfFiles/aprm_osci.pdf (accessed 20 April 2018).

¹⁷ NEPAD Strategic Plan 2014-2017. South Africa, Johannesburg, New Partnership for Africa's Development, 2014. Pp. 8-9 Available at: <http://www.nepad.org/download/file/fid/2828> (accessed 20 April 2018).

The conducted analysis proves the fact that the regulatory framework for combating money laundering in the African Union is sufficiently developed, yet it remains lacking practical implementation and coherence in approach with relevant international standards. In order to consolidate the efforts of African states, to embed the provisions and principles incorporated in regional laws, acts and regulations (AUCPCC, AMATL, as well as various other conventions and regulations), and pool a piecewise effort towards development of a common agenda aimed at transforming the continent and ensuring its better future, a unique peer review mechanism – APRM – has been implemented in 2003 based on the foundations of NEPAD (2001).

Despite the fact that APRM itself proves to be of progressive nature, its effectiveness remains far from perfect – mostly due to the presence of shortcomings, such as: purely advisory nature of the findings contained in the reports; voluntary participation in the monitoring process, and; lack of subsequent monitoring of the implementation of the recommendations [15, pp. 85-86]. Even more might be found in relevant study of Adejumobi and Olukoshi, [1, pp. 225-235]; in particular, it is argued that the monitoring mechanism: does not imply evaluation of existing informal institutions; is too broad scope; needs significant human and financial resources to comply with the recommendations of the monitoring group with the limited capabilities of the African states; suffers the lack of unity in the approach to ensuring the proper functioning of the African monitoring system at national levels among participating States; is broadly characterized by insufficient level of dissemination of information on activities of the African monitoring mechanism that threads the avoidance of misinformation, and is facilitative of the formation of inflated expectations.

Discussion

The African monitoring mechanism is not the only example of institutional cooperation among African issues of combating money laundering. A significant role in support to the appropriate level of cooperation in the relevant field belongs to ACRST. Among other things, special attention is paid to the implementation of measures to anti-money laundering, in particular to the adoption of the necessary legislation for the seizure and confiscation of property received by criminal means, and the introduction of a financial monitoring system¹⁸. Besides, in addition, the activities of ACRST are also aimed at improving the skills of staff in terms of law enforcement. For example, with the involvement of its experts, issues of combating money laundering were discussed during the National Training Course on Combating Terrorism in Mauritania (Nouakchott, 8-19 June 2014)¹⁹ and multiple other regional events.

¹⁸ Evaluation Mission of ASCRT to Mozambique, Botswana, Zambia. African Centre for Study and Research on Terrorism, 2012. Available at: <http://caert.org.dz/?p=520> (accessed 20 April 2018).

¹⁹ National Training Course on the Fight Against Terrorism for Mauritania. African Centre for Study and Research on Terrorism, 2014. Available at: <http://caert.org.dz/?p=1139> (accessed 20 April 2018).

Admittedly, despite all the efforts of the African Union to combat money laundering, the regional progress remains insignificant. The main underlying reason for this is the lack of necessary political will, limited opportunities for the implementation of necessary measures, and, ultimately, non-compliance of activities of the member states²⁰.

Conclusion

In general, it might be admitted that the regulatory framework for combating money laundering in the African Union seems sufficiently developed – both in anti-terrorist and corruption fighting contexts. At the same time, it is not necessary to ascertain the achievement of sufficient effectiveness of the fight against money laundering in the framework of the African Union as a whole. For example, Sharif points out that “<...> the public (non-profit) sector is still largely unaware of its susceptibility to the forms of its use by terrorist and extremist groups. Public organizations are often small, informal and not properly regulated. Terrorist and extremist groups <...> *take advantage of such shortcomings for the illegal transfer of large sums of money under the guise of carrying out public activities*”²¹. Another important area is believed to be strengthening of the institutional capacity of financial intelligence agencies, which is a key factor in the strategy of the African Union to combat terrorism and extremism.

Another direction to improve international legal cooperation in combating money laundering in the African Union is the need to expand such cooperation by implementing international legal instruments aimed at countering other types of transnational crimes. According to Ford [7, p. 77], this is due to the existing relationship between the various types of crime, in particular terrorism, drug trafficking, illicit trade in arms, trafficking in human beings and money laundering.

Despite the existence of sufficiently developed regulatory regime to fight against money laundering, and a well-established African monitoring mechanism, the African Union, so far, failed to achieve high efficiency in its internal work towards robust practical implementation of the proposed measures. This negatively affects the overall results of its anti-money-laundering effort, as per constrained by the lack of achievement of regional cooperation potential among the African Union’ member states.

References:

1. Adejumobi S., Olukoshi A. (eds.) *The African Union and New Strategies for Development in Africa*. Amherst, New York, Cambria Press, 2008. 483 p.

²⁰ Bokosi, F., Chikumbu, T. Tackling Illicit Financial Flows from and within Africa. African Civil Society Circle, 2015. P. 3. Available at: <http://www.francophonie.org/IMG/pdf/afrodad.pdf> (accessed 20 April 2018).

²¹ Statement by Dr. Tarek A. Sharif, Head, Defence and Security Division, Peace and Security Department, on Legal Instruments on Combating Financing of Terrorism through Money Laundering and Financial Crimes. Ethiopia, Addis Ababa, African Union Workshop on Legal Instruments on Combating Financing of Terrorism Through Money Laundering and Financial Crimes, November 28-29, 2016. Available at: <http://www.peaceau.org/uploads/statement-financing-of-terrorism-final.pdf> (accessed 20 April 2018).

2. Chabal P. The Quest for Good Government and Development in Africa: is NEPAD the Answer? *International Affairs*. 2002, vol. 78 (3), pp. 447-462.
3. Desta T.A., Cocayne J. (eds.) *Baseline Study on Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism in the IGAD Subregion*. New York and Addis Ababa, Center for Global Counterterrorism Cooperation, 2012. 73 p.
4. du Plessis A. A snapshot of international criminal justice cooperation against terrorism since 9/11. In van den Herik L., Schrijver N. *Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. pp. 29-67.
5. Edozie R.K. Promoting African 'Owned and Operated' Development: a Reflection on the New Partnership for African Development (NEPAD). *African and Asian Studies*. 2004, vol. 3 (2). pp. 141-169.
6. Ewi M. The Role of Regional Organizations in Promoting Cooperation on Counter-Terrorism Matters: the European and the African Institutions in a Comparative Perspective. In van den Herik L., Schrijver N. *Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. pp. 128-180.
7. Ford J. *African Counter-Terrorism Legal Frameworks: a decade after 2001*. South Africa, Pretoria, Institute for Security Studies, 2011. 177 p.
8. Fox T. War Without End? Terrorism, Policy and Conflict Management in Africa. In Mawere M., Marongwe N. *Violence, Politics and Conflict Management in Africa*. Cameroon, Mankon, Langaa Research & Publishing CIG, 2016. pp. 53-88.
9. Gambarov H. Features of Norms of Soft Law in the Area of International Cooperation on Countering Financial Criminality. *Comparative-Analytic Law*. 2015, no. 5. pp. 325-329. (in Russian).
10. Gambarov H. International and legal basis of counteracting financial crimes in the context of realization (on the example of FATF). *Law*. 2015, no. 3, pp. 159-170. (in Russian).
11. Gambarov H. The Origin of International Legal Cooperation in the Fight Against Crime in the Financial Sphere. *Scientific Bulletin of National University of State Tax Service of Ukraine*. 2013, no. 4(63), pp. 228-234. (in Russian).
12. Hope K.R. Toward Good Governance and Sustainable Development: The African Peer Review Mechanism. *An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2005, vol. 18, no. 2, pp. 283-311.
13. Juma M.K. Africa's Governance Audit: the African Peer Review Mechanism. *New Economy*. 2004, pp. 178-180.
14. Kajee A. NEPAD's APRM: a Progress Report, Practical Limitations and Challenges. *SA Yearbook of International Affairs 2003/2004*. South Africa, Johannesburg, SAIIA, 2004. pp. 243-258.
15. Makinda S., Wafula Okumu F., Micker D. *The African Union: Addressing the Challenges of Peace, Security and Governance*. London, New York, Routledge, 2016. 236 p.
16. Melber H. African Development: the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) – Old Wine in New Bottles? *Forum for Development Studies*. 2002, vol. 29. pp. 186-209.
17. Udombana N. Fighting Corruption Seriously? Africa's Anti-Corruption Convention. *Singapore Journal of International and Comparative Law*. 2003, no. 7. pp. 447-488.

About author:

Gambarov Heydar Damir – PhD in International Law, associate professor at Baku State University, AZ-1148, Z.Khalilov str. 23, Baku, Azerbaijan. E-mail: gambarovheydar@gmail.com.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ОТМЫВАНИЯ «ГРЯЗНЫХ» ДЕНЕГ В РАМКАХ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Г.Д. Гамбаров
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-126-138

Бакинский государственный университет

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем, связанных с функционированием механизма сотрудничества государств-членов Африканского союза по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также раскрытию базовых принципов такого сотрудничества. Автором дана оценка результативности институционального взаимодействия государств-членов Союза, а также степени использования потенциала сотрудничества стран.

Данный подход автора реализован посредством определения используемых в рамках Африканского союза форм сотрудничества государств-членов по вопросам противодействия отмыванию «грязных» денег, проведения сравнительной характеристики подходов к данной проблеме со стороны стран Союза, со стороны Совета Европы и ООН, а также определения перспектив дальнейшего усовершенствования такого сотрудничества.

В статье содержится сравнительный анализ и сопоставление международных конвенций и принятых на международном уровне стандартов с практикой регулирования вопросов, связанных с противодействием отмыванию «грязных» денег, на региональном и национальном уровнях стран Африканского союза. Особое внимание уделено функционированию Африканского механизма коллегиального обзора и Центра исследования и изучения проблем терроризма, являющихся важными платформами для взаимодействия стран-членов Африканского союза.

Автор выявляет ряд разногласий и противоречий в рамках исследования и приходит к выводу, что, несмотря на достаточно развитое регулирование вопросов, связанных с противодействием отмыванию «грязных» денег, на региональном уровне, приверженность стран цели прекращения мошенничества в финансово-экономической сфере, а также работу соответствующего регионального механизма мониторинга, к настоящему времени страны Африканского союза еще не достигли высоких результатов в своей борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: Африканский союз, региональное сотрудничество, противодействие преступности, финансовая преступность, коррупция, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем.

Список литературы:

1. Adejumbi S., Olukoshi A. (eds.) *The African Union and New Strategies for Development in Africa*. Amherst, New York, Cambria Press, 2008. 483 p.
2. Chabal P. *The Quest for Good Government and Development in Africa: is NEPAD the Answer?* // *International Affairs*. 2002, vol. 78 (3), pp. 447-462.

3. Desta T.A., Cocayne J. (eds.) *Baseline Study on Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism in the IGAD Subregion*. New York and Addis Ababa, Center for Global Counterterrorism Cooperation, 2012. 73 p.
4. du Plessis A. A snapshot of international criminal justice cooperation against terrorism since 9/11 // van den Herik L., Schrijver N. *Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. pp. 29-67.
5. Edozie R.K. Promoting African 'Owned and Operated' Development: a Reflection on the New Partnership for African Development (NEPAD) // *African and Asian Studies*. 2004, vol. 3 (2). pp. 141-169.
6. Ewi M. The Role of Regional Organizations in Promoting Cooperation on Counter-Terrorism Matters: the European and the African Institutions in a Comparative Perspective // van den Herik L., Schrijver N. *Counter-Terrorism Strategies in a Fragmented International Legal Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. pp. 128-180.
7. Ford J. *African Counter-Terrorism Legal Frameworks: a decade after 2001*. South Africa, Pretoria, Institute for Security Studies, 2011. 177 p.
8. Fox T. War Without End? Terrorism, Policy and Conflict Management in Africa. In Mawere M., Marongwe N. *Violence, Politics and Conflict Management in Africa*. Cameroon, Mankon, Langaa Research & Publishing CIG, 2016. pp. 53-88.
9. Гамбаров Г.Д. Особенности использования норм «мягкого» права в сфере международного сотрудничества по вопросам борьбы с финансовой преступностью // *Порівняльно-аналітичне право*. 2015. № 5. С. 325-329.
10. Гамбаров Г.Д. Международно-правовые основы борьбы с финансовой преступностью в контексте их реализации (на примере ФАТФ) // *Юридична наука*. 2015. № 3. С. 159-170.
11. Гамбаров Г.Д. Международно-правовое сотрудничество в вопросах борьбы с финансовой преступностью // *Научный вестник Налоговой службы Украины*. 2013. № 4(63). С. 228-234.
12. Hope K.R. Toward Good Governance and Sustainable Development: The African Peer Review Mechanism // *An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2005, vol. 18, no. 2, pp. 283-311.
13. Juma M.K. Africa's Governance Audit: the African Peer Review Mechanism // *New Economy*. 2004, pp. 178-180.
14. Kajee A. NEPAD's APRM: a Progress Report, Practical Limitations and Challenges. *SA Yearbook of International Affairs 2003/2004*. South Africa, Johannesburg, SAIIA, 2004. pp. 243-258.
15. Makinda S., Wafula Okumu F., Micker D. *The African Union: Addressing the Challenges of Peace, Security and Governance*. London, New York, Routledge, 2016. 236 p.
16. Melber H. African Development: the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) – Old Wine in New Bottles? // *Forum for Development Studies*. 2002, vol. 29. pp. 186-209.
17. Udombana N. Fighting Corruption Seriously? Africa's Anti-Corruption Convention // *Singapore Journal of International and Comparative Law*. 2003, no. 7. pp. 447-488.

Об авторе:

Гамбаров Гейдар Дамир оглы – к.ю.н., доцент кафедры международного права, Бакинский государственный университет, AZ-1148, ул. 3.Халилова 23, Баку, Азербайджан. E-mail: gambarovheydar@gmail.com.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ НОВОЕ ПОНИМАНИЕ СУФИЗМА

Н.Т. Нурулла-Ходжаева

Институт востоковедения РАН

Бездушным был, и вновь ожил,/Я плакал – и теперь смеюсь!/
*Познав любовь счастливым стал,/И счастье вечное во мне!*¹
Руми

Я поверю лишь Богу, который знает, как танцевать
Ницше

В рассмотрении такого многослойного явления как ислам (как и любой другой религии) исследователь обнаруживает себя на перекрёстке конкурирующих представлений: ортодоксальных, реформистских. Серия «приглашений» на деколонизацию от суфиев позволяет представить ислам не как пугающую сеть муджахеддинов, а, скорее, как нормальное и реальное «сообщество дискурса». Сама тема деколонизации подразумевает общее колониальное наследие и колониальную современность Востока и Запада. Поэтому к раскрытию темы привлечены не только Руми, Ницше, но и философы Хорасана, композиторы Таджикистана, и современные западные философы по данной теме.

Предлагаемая статья фокусируется на возможности не только проникнуться платоновским проектом по связи между онтологией и эпистемологией, скорее, эта вероятность творческого осознания суфизма во благо «меня-тебя», общины и общества общин. Такое видение подразумевает необходимость множества комбинаций знаний и опыта и учёт их постоянного движения. Дефицит «множественности» в сегодняшнем мире толкает нас к тому, что очень скоро мы привыкнем к гаджетам, которые будут «домысливать» за нас, и «слушать» друг Друга за нас. Простота такой картины в том, что такое видение общества и истории – это не вина сегодняшней «глухоты», а, скорее, признание, что нам всем (и, разумеется, не только мусульманам) необходимо «вернуться» к способности «вслушиваться» друг в Друга. В таком контексте представлена значимость искусства слушать (на араб. «*sama*»), в которой закладывается двойная мистика: слушать можно как ушами, так и сердцем. На этой основе выдвигается проект интеллектуальной общины, члены которой могли «вслушиваться» друг в Друга, сохраняя актуальность диалога. В серии «приглашений» речь не идёт о стремлении отгородиться от европоцентристской западной теории международных отношений. Здесь звучит предложение задуматься о создании постзападного проекта, или иначе проекта по органическому единству человека и мира как на Западе, так и на Востоке.

Ключевые слова: деколонизация, Руми, Ибн Сина, Ницше, ислам, суфизм, Центральная Азия, Ближний Восток, *sama*, теория международных отношений.

УДК 281, 397

Поступила в редакцию 12.03.2018 г.

Принята к публикации 20.06.2018 г.

¹ На языке оригинала (на таджикском-персидском): *Мурда будам зинда шудам,/Гиря будам ханда шудам./Давлати ишк омаду ман,/Давлати поянда шудам*

Приведённые к статье эпиграфы логично подводят к **вопросу**: какое отношение к деколонизации имеют Джалаладдин Руми (пусть и великий суфий-поэт, но 1207-1273 гг.), и Ницше с его «танцами»? Предполагаемый **ответ**: поэзия Руми выводит за пределы предписанных формальных истин линейного характера, т.к. обладает качеством универсального послания надежды. А Ницше был из тех философов Европы, которые, развивая свой радикальный атеизм, ближе всех подошли к такого рода трактовкам. Его Заратустра верил, что «теперь я легок, теперь я летаю, теперь я вижу себя под собой, теперь Бог танцует во мне» [11]. По словам М. Икбала (1877-1938 гг.), Ницше стал тем, кто засвидетельствовал отрезок: *La-Ilah*², до того, как достичь *Illa Allah*³ [45, с. 108]. Руми и Ницше (сам того не ведая) доказали, что «суфизм не состоит из практики и наук, он – нравственность» [17, с. 29], и прозрение деколонизации или же иного универсального видения культуры мира приходит само по себе.

В данной статье очередной раунд восточного инакомыслия [14]. Оно предполагает менее традиционное отношение к теме деколонизации и к исламской философии в целом. Хотя «раунд» не первый, однако подход остаётся тот же: я, как автор, буду стремиться не гиперболизировать «шум» по колониализму, и не пытаться развернуть очередной нативистский (незападный) дискурс. Хотим мы того или нет, тема деколониализма подразумевает наше общее колониальное наследие (и колониальную современность). И поэтому в моих диалогах-размышлениях участвуют не только Руми, Ницше, но и философы Хорасана, композиторы Таджикистана, а также современные исследователи по суфизму и деколонизации.

Надеюсь, что «инакомыслие» заставило вас, как минимум, удивиться. Однако ради собственного спокойствия позвольте напомнить о существовании двух вариантов рамок: статейных и собственного знания. Перед вами начальные и весьма субъективные размышления, и возможным оправданием может стать то, что данная статья – это продолжение обсуждения сложной темы, которая остаётся во многом частью нашей с вами политико-культурной реальности.

Структура работы, после краткого Введения, состоит из серии «приглашений»:

- «Приглашение» к *ijtihād*
- «Приглашение» в «общину», где *sama*
- «Приглашение» на «ракс»
- «Приглашение» к диалогу о теории международных отношений
- Заключение

«Приглашение» к *ijtihād*

В соответствии с последними изысканиями, Руми родился на территории нынешнего Таджикистана [5]. Однако в данном случае география задействована

² لا إله إلا الله [La-Ilah] (араб.) нет Бога.

³ لا إله إلا الله [Illa Allah] (араб.) кроме как Аллаха.

на в меньшей степени, т.к. перед нами *Мавлоно*⁴ Джалаладдин Руми – человек, который доказал, что мы не делимы от мира, мы в него вплетены. Его бессменная поэма «*Маснави Ма'анави*», т.е. «Поэма о скрытом смысле» (её иногда называют «Коран на персидском») не читается как книга. Эта, скорее, карта, следуя которой человек может путешествовать, проходя путь от страданий до исцеления. История начинается с рассказа о том, почему мы дистанцируемся от Бога, от надежды, друг от друга. Продолжая следовать по карте, мы проходим изумительные повороты, встречаем удивительные характеры... И как будто ненароком поэт говорит: это всё мы, и это всё не за пределами нашего мира. Руми заставляет поверить, что: «*Интеллект может довести тебя до рая, однако если ты хочешь узнать существо самого бога тебе нужна пройти к нему через любовь к ближнему*». На такой суфийской платформе Руми кристаллизуется универсальность человеческого стремления к безопасности и любви, и суфизм представлен как интеллектуальный «обмен идеями и культурными перспективами от Европы до арабо-мусульманского мира, и *vice versa*» [40, с. 390].

Живой нетривиальный космополитизм Руми реально применить к процессу деколонизации, а также к дестабилизации европоцентризма и ориентализма. Данные понятия выставлены через призму исследований Эдварда Саида, и, согласно ему, «ориентализм» – это «дискурсивная и текстовая операция» [57], которую проводит Европа/Запад для контроля знаний/власти на Востоке. С присоединением Руми у нас возникает возможность в меньшей степени увлекаться субалтерными делениями и разделяющими нас границами. Более того, такой подход позволит представить ислам не как пугающую сеть муджахеддинов, а, скорее, как нормальное «сообщество дискурса» [60, с. 219], включающего «вербальный, формальный, а также неофициальный, жестовой или ритуальный, а также концептуальный [обмен – Н.Н.]» [60, с. 220]. Описанная картина социокультурного развития была характерна в период Руми, когда существовали «сообщества, в самом широком смысле слова: сообщества конкурирующих производителей, переводчиков и критиков, создателей и потребителей, а также покровителей и других значимых участников, которые становятся субъектами самого дискурса. Только в таких конкретных живущих и дышащих сообществах дискурс становится значимым» [60, с. 221]. Дискурсы оформлялись, развивались, исследовались со стороны исламской философии, которая возникла через проецирование греческого термина «философия» (араб. *falsafa*) на арабский термин *hikmah* (на араб.), т.е. «мудрость» [31, с. 32] (на персидском-таджикском: *hikmat*). С X по XIX в. философско-поэтические обмены фиксировались по многочисленным империям (Аббасидов, Тимуридов, Ильханидов, Османидов, Сафавидов, Моголов), и в них всегда фиксировалась особая философско-поэтическая модальность самовыражения, без верховенства какой-либо одной лингвистической/этнической группы. На этом огромном временном/географическом пространстве

⁴ Мавлоно или Мавлана (или мауляна, или *Mevlânâ/Mawlânâ*) (на араб. *أستاذ* - мастер, учитель, покровитель) – исламский религиозный титул, распространённый в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

многие философы ссылались на Ибн Сина, первым заявившего, о том, что «целью философии является познание истины вещей в той мере, в какой возможно для человека её познание» [2, с. 109].

К пониманию истины философы шли двумя путями: внешний (на араб. *zahir*), ассоциируемый со сводом законов (на араб. *шариат*), и внутренний путь (на араб. *batin*) (или сущность), связанный с суфизмом. Истинное благочестие для суфия всегда было больше, чем соблюдение ритуалов и следование законам с их претензиями на правду. За желание быть выше иерархии таких формальных истин был казнен Мансур аль Халладж (857-922 гг.), когда он заявил: «Я есть Истина!». И его поведение нельзя было назвать исключительным. Разумеется, было множество примеров как наказаний, так и признаний их особого статуса в обществе. Например, знаменитая *фатва* главного консультанта по правовым вопросам Османской империи Сеид Ал Ислам Эбу-с Саида (работавшего в период 1545-1574): «Знание Божественной Истины – это безграничный океан. Шариат, это его берег. Мы – люди берега. Великие мастера суфизма, это те самые ныряльщики которые [знают – Н.Н.], как безграничен океан. Мы не спорим с ними» [31, с. 506].

Однако здесь я размышляю о спорах другого рода: мы не сможем понять, где «океан» и «берег», и есть ли «ныряльщики» из-за постоянного раскачивания дискурсов по предписаниям/границам. Причём такое раскачивание относится как к мусульманам, так и к тем, кто немусульмане. Так высвечиваются вопросы статьи: каким образом от стадии «хорошее – недоброжелательное восприятие», мы «раскачались» до почти универсального доминирующего признания «хорошего – враждебного мышления» по отношению к друг другу и к мусульманам в целом? Может ли деколонизация ослабить линейное «раскачивание»? Как удавалось суфийским орденам (на араб. *тарикка*) представлять единство и разнообразие, оформляя особую взаимозависимость как среди мусульман, так и мусульман-христиан-буддистов? Если вы надеетесь найти ответы на все эти вопросы здесь, то это не так. Однако их стоит задавать чаще и пытаться ответить в силу своих возможностей.

Разумно начать с размышлений Ницше, который ссылался на Нибура, писавшего: «история... показывает, что даже величайшие и гениальнейшие представители нашего человеческого рода не сознают, насколько случайно их глаз принял ту форму, через которую они не только сами смотрят, но и насильственно заставляют смотреть всех других, насильственно – потому, что интенсивность их сознания необыкновенно велика» [12]. Такая «интенсивность» в многочисленных публикациях на Западе по теме «Восток – Запад» особенно сильна. Она позволяет также «перетасовывать карты» с картинками национализма и исламизма, выставляя «суфизм как [очередной Н.Н.] анахронизм» [40, с. 389].

В таком развитии часто скользят такие имена, как Анри Пирен и Бернард Льюис. Совсем недавно в марттовском номере именитого британского журнала *History Today* было сказано, что Анри Пирен смог трансформировать мышления

историков по поводу конца классического мира и начала средневековья⁵. Дело в том, что в своей книге «Империя Карла Великого и Арабский Халифат, конец Античного мира» [18] (1938 г.) Пирен заявил, что «Европа» была создана исламом, точнее народы с разными языками, культурами «объединились» для противостояния надвигающемуся исламу. Он своим отношением к теме представил то, что М. Ходжсон назвал «предварительное обязательство»: т.к., будучи христианином, Пирен считал, что его исследовательская задача – представить ислам, как конкурирующую традицию. В ряду тех, кто страстно увлекся такой идеей конкуренции и разделения Запад – Ислам, был Бернард Льюис. Среди множества его публикаций одна в особенности популярна и переведена на множество языков: «Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм» [10].

Интересно, что оба автора время от времени признавали свою причастность к марксизму (Пирен [52], Льюис [47]). Вряд ли Карл Маркс принял бы их трактовки истории или же проект деколонизации по Фанону. Тот настаивал на изменении силовых отношений колониалист – колонизируемый, ссылаясь на библейский отрывок, что: «Последний должен быть первым, и первый последним» [39, с. 37] (Толкование Евангелия от Матфея, Гл.20: *И, сев, признал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою* [19]). Фанон подчеркивал, что колониализм привёл мир к «духовной дезинтеграции» [39, с. 311], призывал не подражать Западному миру, а наметить новый курс, используя Запад как негативную модель. Деколонизация, по Фанону, заключается в необходимости создания, точнее изобретения нового курса человечества. Такой «сценарий» напоминает то, что мы проходили в недавней истории. И позволю предположить, что на такого рода сторонников раздосадованный Маркс в сердцах однажды сказал: «если они марксисты», то «все, что я знаю, это то, что я не марксист» [48], отвергнув тем самым свою причастность.

Однако такой квазимарксистский опыт заставляет и отечественных исследователей держать «оборону» от темы деколонизации. Для большинства из нас это своего рода двойной капкан: с одной стороны, российская колонизация Центральной Азии, с другой – сегодняшние попытки соединения ислама и насилия на международном уровне.

И здесь возникает резонный вопрос (я бы сказала *алья-Руми*): почему, следуя «настройкам» извне, мы, будучи в самом центре сложных политико-культурных игр, не задумываемся, что такого рода разговоры настойчиво подводят к тому, что реально назвать интеллектуальным тупиком, т.е. местом, где мы сталкиваем две воображаемые полярности: Ислам и Запад. Столкновение подводит всё человечество к серии лжи: членство в общине, основанное на доверии, заменяется разделением на нации, которые блокируют разнообразие этнического/этического характера; создаётся рынок, чья роль заключалась в контрастировании государству, а теперь он, скорее, враждебен культуре.... Происходит пересмотр

⁵ Pirenne H. URL: http://www.conservapedia.com/Henri_Pirenne (дата обращения: 15.02.2018).

понятия «безопасность», то, что упускает профессор психологии Гарварда Стивен Пинкер в книге «Просветление сейчас» (наделавшей много шума на Западе). По его мнению, жизнь человечества становится лучше [51]. Его «безопасность» фальсифицирует карту глобального насилия сегодня, и люди перестают вникать, они не слышат, что говорят те, кто по ту сторону насилия – жертвы. Недавние события на Ближнем Востоке/Центральной Азии: смерть и страдания жителей Афганистана, Сирии, Ирака воспринимаются нами как несправедливость, и тем не менее, гибель людей как будто «не замечается». Одна из вероятных причин в том, что страдания людей опосредованы, они видятся через государственный аппарат «безопасности», и сирийцы находятся по «ту сторону границы», они заперты в государственно-ориентированной территориальной «ловушке» (связанной с картезианским представлением пространства, как статического блока) [14].

Несправедливость, социальное исключение, структурное и физическое насилие распространяются в глобальном масштабе и определяются теми же геополитическими и геоэкономическими стратегиями «элит-юристов». Это о них суфий Акбар (Ибн Араби, 1165-1240) однажды сказал: «Предположим, вы долго натирали свою этическую кожу пока она не засветилась, но за ней нет музыки, и что потом?» [53, с. 137].

Дистанцирование от «жертвы» выставляет ислам из ряда тех, кто обладает необходимым уровнем рациональности и власти; соответственно, маргинализация представителя этой религии как *Другого* оправдана. На такого рода платформе выстраивается/сохраняется доминирование исторической/культурной модели Запада, которая буквально завинчена на себе и границами между «своим» рациональным и «чужим» иррациональным... Или иначе (по В. Миноло) создаётся универсальная парадигма знаний, иерархических отношений между «рациональным человечеством» (Европой) и остальным миром [49, с. 59]. Так многогранность реалий упрощается до минимизации понятия знаний, в результате сосредоточения внимания на непосредственном, доступном и материальном [40, с. 399].

И всё же предполагаю, что «интенсивность» рассмотрения можно убавить, т.к. в основе всего этого лишь то, что так просто назвал Ф. Достоевский – «недоумение» [8, с. 254] (это он о славянофилах и западниках... однако по существу то же разделение). Это можно будет сделать путём понимания, что для историко-философских анализов ислама не может быть стабильного твердого единообразия. Как, например, не может быть увлечение лишь *улемой* (араб.термин *ulama* (/ u:lə, ma: /; арабский: علماء 'Ulamā) особый عالم Ālim, «учёный»), т.е. теми, кого представляют в качестве основных толкователей источников по исламу. В контексте суннитского ислама *улема* виделись как «опекуны, передатчики и переводчики религиозных знаний, исламской доктрины и права» [64]. Понятно, что с учётом разнообразия ролей *улема* сложно относиться к ним как к классу, и предложить однородное описание. Тем не менее, частый гиперболический интерес к источникам (от *улема*) подводит исследователей на Западе к обязательству ви-

деть ислам через обязывающую (предписываемую) «оптику» *улемы*, для которой важен сам процесс следования букве закона. Во многом напоминая тех инсайдеров-правоверных, кто паникует и не способен регистрировать тональность различных нарративных стратегий, циркулирующих в мусульманской литературе на протяжении веков; для них, панацеей от всех бед мусульман остаётся всё тот же *шариат*. Предполагаю, что в рассмотрении такого многослойного явления как ислам (как и любой другой религии) исследователь обнаруживает себя на перекрёстке конкурирующих представлений, ортодоксальных, реформистских..., где *шариат* и *суфизм* признаются как важнейшие компоненты ислама. Поэтому важно стремиться к балансу (на араб. *mizan*), не обедняя Ислам [40, с. 401].

Необходим учёт значимости источников как от *улема*, так и от суфиев, с их этическим и творческим началом. Это допустимо, если мы сможем понять совет Руми: «Коран подобен двусторонней ткани. Кто-то использует одну сторону, кто-то – другую, однако оба правы. Ибо Истинный Всемогущий желает, чтобы оба племени получили от него пользу» [30]. Современному исследователю (и автор не исключение) нужно будет учиться «получать пользу», не просто считывая и фиксируя исторические/этнографические факты по поведению мусульман, христиан, европейцев, таджиков. Нужна и «другая сторона», и «пользу» от неё можно получать двумя путями:

- через «герменевтику экзистенциального понимания» [44, с. 54]. Тексты/концепции не должны пониматься как застывшие идеи внутри текста. Понимание требует практической трансформации, когда исследователь (и затем читатель) учится жить самими идеями, выраженными в тексте.

В таком развороте «истины впитываются в бытие читателя посредством действий» [44, с. 54]. Это можно сделать, так как предложил Ибрахим Мусса, один из видных философов современности. Он писал, что понимание философии ал Газали требует быть одновременно «этнографом и [его – Н.Н.] соплеменником» [50, с. 97]. Подход логично применим ко многим великим мыслителям мира.

- Однако «пользы» будет ещё больше, если мы вновь последуем Руми: «Красота, которую ты видишь во мне, лишь отражение тебя».

Для истинного суфия каждый человек: будь то друг, или же незнакомец, или иначе Другой – это манифестация Бога, т.к. Бог отражается как в человечестве, так и в каждом человеке.

Обе формы «пользы» («герменевтика» и «красота») не отвергают друг друга, образуя «двустороннюю ткань» социофилософского равновесия в изучении ислама. Они позволяют по сути обойти обвинения в представлении темы деколонизации исламской философии, как простой «мимикрии» [33] или как «локальных вариаций» того же «подсознательного» [41] европоцентризма, приобретшего «теоретический» статус в академии; то, в чём обвиняют исследователей из России и Центральной Азии многие западные эксперты. Скорее, такое видение может помочь в проектировании для каждого из нас собственного *ijtihad'a* (т.е. независимого переосмысления). Данный термин так же как и *джихад* име-

ет корень «juhd», что означает «стремится» или «прилагать усилия». И если *джихад* – это бороться с оккупацией, угнетением (внутренним, внешним), то *ijtihad* (это не только правовая концепция коранического толкования мира) – это, скорее, вклад в «плюральность герменевтических стратегий» [44, с. 41], в переосмысление мира, и наслаждение его красотой. Этот процесс проецирует в каждом из нас чувство, схожее с тем, что Фред назвал «океаническое» [28, с. 279], и в таком соединении мира аннулируются границы; всё приобретает смысл большого разнообразного целого. Поэтому Руми говорит: «слушай, капля,/Откажись от себя без сожаления/И в обмен обрети Океан» [22]. И здесь не только возможность проникнуться платоновским проектом по связи между онтологией и эпистемологией, а, скорее, возможность творческого осознания всего, что было и есть, во благо меня-тебя, общины и сообщества общин. Разворачивается перспектива «эпистемологического монизма», где речь не идёт о «множестве слабых зависящих локальных исключений» [58, с. 2]. Суфизм, как пространство, когда «Я – это Ты» или иначе наше с вами космополитическое место встречи (Восток и Запад) предлагает картину универсального, без возможных исключений.

Приглашение в «общину», где «sama»...

Отсутствие иерархии в суфизме (в нём нет специальных медиальных институтов/посредников между верующим и Богом) позволяло/стимулировало постоянный поиск личного, субъективного вкуса (на араб. *dhawq*) к божественному. Эффектным примером такого поведения был следующий разговор суфия: Абу Язид сказал Богу-Истине: «Если бы люди знали о Тебе/Столько, сколько я знаю, то они не поклонялись бы Тебе!»/ Бог-Истина возразил: «О! Абу Язид, если бы они знали о тебе, столько сколько знаю я, они забросали бы тебя камнями!» [35, с. 26].

Такой «тет-а-тет» с Богом позволяет задуматься, а насколько важен такого рода обмен? Понятно, что исследовательский «тон», выход за рамки ограниченный в таких разговорах беспокоил тех, кто относил себя к осторожным исламским клерикалам. Если вы к ним не относитесь, то я рискну, и приглашу вас на создание интеллектуальной «общины», что-то вроде «общины Руми». Это место нашего с вами «тет-а-тет», где, как сказал Цицерон, «отсутствующие присутствуют... а умершие продолжают жить» [29], или то, что Деррида назвал «союз без присутствия» [37, с. 14]. Более того, немного «подыграв», мы могли бы представить обсуждения темы через призму исламской философии, когда «община без общины» создаётся по принципу Руми. Когда «я – это Ты», т.е. когда кто-либо пытается найти вдохновение от тех, кто есть, и *кого нет*. Такого рода идеи выводят нас к теме, что мусульмане являются носителями культуры, в которой заложено «напоминание для тех, у кого есть сердце, кто прислушивается и присутствует при этом» (Коран, 50:37).

Мусульмане верят, что «возможности правоверных видеть Аллаха в Раю проистекают из слушания» (Ал Худжвири, ум. 1071) [7, с. 57]. Здесь об искус-

стве слушать – это «sama» (араб. سمع). Слушая/наслаждаясь, человек выходил за рамки собственного бытия..., приближаясь к Богу. То, что практиковали почти все суфийские ордена в исламе. В Аббасидском Багдаде с середины IX в. были «сама-хона», т.е. место, где люди собирались/обсуждали, и затем танцевали/музицировали. Учитывая влияние музыки на процесс выздоровления человека, Ибн Сино приглашал музыкантов, и ставил музыкальные представления, описанные в «Каноне врачебной науки», а также его учениками.

В «sama» закладывается двойная мистика: слушать можно как ушами, так и сердцем. Сердце обладает «ухом», и оно отражает: голос, иногда лишь интонация поющего Коран (хафиза), или даже движение/жест/ритмы, услышанное слово – всё могло способствовать духовному подъёму суфия, подводя к эвристическому началу, и суфий начинал кружиться. Но это происходит не с каждым. То, о чём говорил Мухаммад Лачиджи: «...так же как таинственные девственницы не открываются перед странниками; они не раскрывают лица, кроме как перед теми, кому доверяют ...Нет, не каждый кто слышит (sama), хлопает в ладоши и кружится в танце, это происходит с каждым в соответствии со своим пониманием, своими тайнами» [50, с. 16].

Тема «sama» на протяжении всего средневековья резонно превращается в одну из дискулируемых тем в исламской философии. В XVI в. османский учёный писал: «Этот вопрос последовательно принимался и затем вновь отвергался, сторонниками наук [ильм] или же теми, кто следовал ортодоксии и гностицизму [‘irfān], напоминая игру [поло – Н.Н.] всадников, передающих друг другу поочередно мяч» [55, с. 502]. Понятно, что большинство серьёзных исследователей становятся «игроками» в представлении «sama». Одним из основных претендентов на правильный «пас» был Аль-Даввани (1426-1502). Его книга «Ахлак-и Джалали» кроме того, что была популярна, отразив в себе как иерархическое видения божественного, описанное Ибн Сино (980 – 1037 гг.), так и следовавшего ему во многом Насир ад дин-Туси (1201-1274 гг.). Предполагалось, что «соматический и психический восторг» есть средство путешествия по неизвестным сферам; т.е. мистика «sama» «открывает путнику» путь, и тот вне себя, вне Мира изгнания (т.е. вне материального мира), все ближе к Истине Первого. И здесь возникает параллель с Ницше, которая удивительно вписывается в суфийское «sama», точнее перед нами предыстория.

Ницше в «Рождении трагедии» [13] вводит понятие Сократовский «разум» – своего рода оппозицию художественной интерпретации жизни. От него, т.е. такого разума идёт абсолютное доминирование «теории», когда логическая теоретическая концепция, будучи всего лишь «сухим листом», стала метафорой жизни «золотого дерева». Так мир постепенно теряет свой мистицизм, увлекаясь теоретической логикой. Оттуда идёт постановка того, как и почему теорию и науку возможно понять с точки зрения искусства, но никак не наоборот. Приблизительно схожие оттенки были в представлении многих средневековых мистиков в самом исламе. Однако гениальность суфийского «фалсафа» в том, что она

смогла отчасти примирить рациональную дискурсивность с мистическим познанием. Это особенно ярко представляют дискурсы по «sama» на протяжении всего средневековья. И на этой платформе я предлагаю потенциальным членам «общины Руми» задуматься, как «теории» от Запада удастся осушить «океан» суфийской философии сегодня, почему мы меньше «вслушиваемся» друг в Друга и не чувствуем «sama»?

Для многих экспертов одной из возможных причин стал возникший в XIX в. национализм. Становясь гражданином национального государства, мусульманин приобретает государственные границы, и его/её творческие возможности снижаются. Понятно, что новые формы приобретаемых границ/знаний являются прямым результатом гегемонии современной культуры, и на этом держится идеология её «универсальности»; и она же влияет на потерю уверенности в себе среди мусульман. Это не значит, что они перестают заниматься творчеством, но оно приобретает регулируемый оттенок. При таком режиме мусульманство всё более ассоциируется с авторитаризмом, и исследовательский/творческий потенциал ислама с колонизацией его носителей подвергается санкционному режиму (с переписыванием истории)

И всё же настаивать на главенстве одной теории, пусть и такой значимой как национализм, нелогично. Важнее понять, что мы: мусульмане, христиане, атеисты, узбеки, французы всё реже понимаем, что для обустройства нашего общего пространства нам необходимо множество комбинаций знаний и опыта и учёт их постоянного движения. Такую интерпретацию развития знаний в мире изящно представил Наффиси: «неведение — предел в знании, а у знания есть границы, между каждыми двумя границами — неведение» [4, с. 273]. Это подхватил Шекспир, обращаясь: «Горацио, на небе/ И на земле есть более вещей /Чем нашей философии мечталось»⁶. Такие возможности не позволяют акцентировать внимание на европоцентристских приоритетах или на «исключениях» от Других, а скорее подводят к границам универсальной значимости, к равноправной множественности и философии «монизма». «Философская традиция монизма отличается от философского «дуализма» и «холизма». Монизм в суфийской философии представляется как основная реальность, воспринимающаяся как «единая скрытая сущность», она характеризует множество существующих вещей, раскрывая тем самым фундаментальное «универсальное единство»» [58, с. 8].

Дефицит понимания такого единства в сегодняшнем мире толкает нас к тому, что очень скоро мы привыкнем к гаджетам, которые будут «домысливать» за нас, и «слушать» друг Друга за нас. Они же «научат» нас не заботиться о какой-либо ответственности за кого-либо (детей), ответственности перед кем-либо (родителями) и ответственности за взятые обязательства (обещания) [37]. Простота такой картины в том, что такое видение общества (и истории) – это не вина нашей с вами сегодняшней «глухоты», а, скорее, признания, что нам всем (и, разумеется,

⁶ Аверкиев Дм. Переводы одной фразы. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet_goracio.txt (дата обращения: 19.02.2018).

не только мусульманам) необходимо «вернуться» к способности «вслушиваться» друг в Друга, вспомнить о том, что сердце обладает «ушами». Лишь таким образом можно будет вернуть чувство «врождённой» разноликости культур мира (или то, что Руми называл «океаном», или иначе «гетерогенность культуры» [54, с. 59]) и одновременное понимание интегрального единства реальности мира.

Такой акт поможет активизировать процесс деколонизации нашего понимания Другого. Тогда у каждого будет перспектива своего *ijtihad*, и мы сможем получать знания, как это делал Ибн Араби, без учёта границ. Хотя он не имел в виду наше с вами разделение Восток – Запад, однако смысл остаётся прежним: «Он увидел молнию на Востоке и затосковал по Востоку,/но если бы она вспыхнула бы на Западе, он тосковал бы по Западу./Воистину, моя страсть – к молнии и ее сверканию, а /не к [разным] местам и к [земному] праху» [27, с. 342].

Приглашение на рак'с⁷

Предугадываю реакцию: «приглашать» на такое в контексте разговора об исламе – это, как минимум, несообразно принятым нормам, скажут многие. Но до того, как отвергнуть «приглашение», примите его как условие, что далее будет доказательство моих благих намерений. Ещё в советские годы, будучи студенткой, я была как-то на свадьбе. И как это бывало на таджикских свадьбах, сопровождая многочисленными трубами, бубнами, барабанами, люди танцевали. На свадьбе как всегда была путаница, хаос, толкание, всё то, что Гёте назвал «прекрасная текстура гуманности» [63, с. 44]. Тогда я впервые задумалась, в чём смысл танцев, почему, танцуя быстрее и быстрее, танцующие достигают кульминационного состояния общего веселья и удовольствия. Откуда это чувствительность к музыке у нас, тех, кто родился /воспитывался в мусульманской среде?

Такого же рода вопросы посещают меня каждый раз, когда я вижу на сцене театров в Душанбе оперы, балеты отца-сына Зиядулло Шахиди (1914-1985 гг.) и Толиба Шахиди (род. 1946 г.). Например, танцевальные сцены из оперы З. Шахиди «Комде и Мадан», или симфония «Макомов» или балет Т. Шахиди «Рубаи Омара Хайяма». Эти музыкальные спектакли, так же как и общее свадебное танцевальное единение, развиваются последовательно до достижения кульминации, подводя танцующих (так же как и зрителей в театре) к сложно объяснимому блаженству. И здесь мы (как возможные члены «общины Руми») должны осознать, возможное влияние «sama» на атмосферу свадьбы/театра, т.к. «музыка в состоянии представить красоту и недостатки сердца» (по Ал-Газали) [35, с. 84].

Представление «красоты» через музыку Зиядулло Шахиди и Толиба Шахиди, ритмика свадебного «хаоса» имеют историческую основу, представляемую через

⁷ Рак'с (тадж.-персид.) танец.

способность музыкантов отразить связь музыки и религии. И в том, и в другом случае (т.е. и на свадьбе, и на сцене) чувствуется синхронное экстатическое наложение, которое нереально остановить границами: религиозными/языковыми/классовыми/национальными... И когда это происходит (и это, разумеется, не всегда), люди чувствуют близость с чем-то сложно понимаемым, что-то схожее с «sama», и их «отчуждение временно» исчезает [6] (по М.М. Бахтину). Такой контекст вновь наводит на некоторые параллели с Ницше, его приход к метафизическим принципам мира через человеческое художественное наслаждение, то, что ныне называют драйвом. Поэтому для него, как раннее для Руми, само человеческое искусство становилось космическим событием.

В музыке «Посвящения любви» и «Танца смерти» (сцены из балета Толиба Шахиди) или особенно в «Танце дервишей» (в опере «Комде и Мадан» Зиядулло Шахиди) нет строгой иерархии, и её же не было в отношении к исполнителям (в особенности ярко это мог делать Зиядулло Шахиди, совершенствуя их «внутренний» (*дохили* (тадж. «мир»)), и не отдаляясь от них границами сцены/славы; заставляя время от времени застыть певцов, замолчать, чтобы осмыслить происходящее (это было суфийское упражнение, т.к. – *человек должен умереть, до того как умереть*)). Поэтому З. Шахиди иногда повторял им слова Руми: «Не каждый, кто участвует в «sama», достоин/Не каждая птица может полакомиться инжиром»⁸. Такое переосмысление напоминает, что единственным условием святости в исламе были не «чудеса», а скорее, признание, что «Бог никогда не делает невежественного святым» [24], по словам Мухаммада Аль-Ханафи (умер в 1301 г.).

Интересно, что многие музыковеды сравнивали музыку Зиядулло Шахиди с Игорем Стравинским [16, с. 105]. Вероятно, это происходило в связи с той самой свободой в музыке. Однако, я предполагаю, что музыка Стравинского – это что-то иное: это скорее упование в противопоставлении себя миру, классике, это своего рода «игра в неистовство». Такая музыка (как и неистовство в любом проявлении) закрывает путь к свободе. Тогда как музыка Шахиди этого не делала. Отец-сын скорее, как чётки наслаивали времена и народы в своей музыке, и одновременно не особо осознавая, они выходят на свой «ijtihad» (естественно, с советским «шармом»), или, точнее, свою «версию мусульманской веры, которая лучше всего подходит для интеллектуально одарённого верующего» [31, с. 31]. Их музыка становится «океанической», или иначе, превращается в средство достижения личного понимания высшей Истины.

Немного об опере «Комде и Мадан» З. Шахиди. Она стала первой персо-язычной оперой мира. Премьера состоялась в далеком 1964 г. в Душанбе (в столице тогда ещё Таджикской ССР), автором был Зиядулло Шахиди (1914-1985 гг.) – выпускник Московской консерватории им. П.И. Чайковского. Либретто было написано на основе поэмы представителя индийской школы персидской поэзии –

⁸ На языке оригинала (на таджикском-персидском): Бар самоъи рост ҳар кас чир нест, /Луқмаи ҳар му анҷир нест.

Бедила (ум. 1721 г.). Эта опера – посвящение любви музыканта *Мадана* из *Мавераннахра* к индийской танцовщице *Комде*. Поэтому оперу часто представляют, как межрелигиозный диалог (ислам и индуизм). Однако, предполагаю, что диалог в сегодняшнем контексте, это скорее констатация границ, которые мы сами же прочертили. Сплетение поэзии Бедила с музыкой З. Шахиди представляет скорее органичное безграничье. В опере кристаллизируется не только эстетический опыт, требующий внимания к словам, к музыке, это скорее концентрация переливов музыки и смысла; они иногда скрываются в интервалах, жестах. Зиядулло Шахиди часто повторял строки Бедила: «*Нишоти айши ч,ахонро хамин кадар гуфтам, ки ба сояи рами ох,у нишастаму рафтам...*» (Это самый сложный не поддающийся даже дословному переводу стих... в первой строке говорится о «восхвалении радости мира...», и во второй, что «от неё, я умчался, оседлав тень испуганной лани». Это ведь Бедил, самый большой мистик современного поэтического мира!).

Но возвращаясь к «танцам». Из пересказов историков известно, что VII–IX вв. в Центральной Азии – это время принятия ислама. Об этом периоде не говорят, как о времени, когда люди продолжали танцевать. Хотя восхитительные терракотовые статуэтки танцовщиков и танцовщиц того периода из региона (и вокруг него) хранятся в лучших музеях мира. Силуэты танцующих можно увидеть на сохранившихся мозаиках древних Пенджикента, Самарканда, среди руин Афрасиаба, Хулбука [15] и т.д. Разумно будет помнить, что культура ислама в ЦА впитала поэтико-музыкальную традицию, существовавшую в регионе ранее. Ислам был открыт для такого рода синтеза. Приблизительно схожую среду, но в другой географии, описал Рой Чудхури «вся культура доисламской Аравии циркулировала вокруг удовольствий, веселья, музыки, поющих девушек и музыкальных историй» [34, с. 56].

Пусть последующее сравнение покажется некоторым перегибом, тем не менее, рискну: знаменитые суфийские кружения суфиев общины Мавлоно Руми имеют те же корни, т.е. суфии продолжали танцевать по тем же ритмам, что и их предки на мозаиках *Афрасиаба*. И здесь речь не идёт о том, что неправы исследователи, кто настаивает на внутриисламском ритуальном контексте кружений. Однако, читая Руми и наслаждаясь «Танцем дервишей» Шахиди, вы, возможно, сможете соединить «сердцем» двух суфиев, т.к.: «Музыканты бьют в свои бубны, / и моря, пенясь, им аплодируют...»⁹ (пер. Н.Н.). Суфизм унаследовал комплексный аппарат воздействия, созданный путём почти естественного отбора ценностей доисламского и исламского периодов.

И если контекст размышлений напомнил некоторым знаменитые стамбульских «танцующих» дервишей, то это, скорее, по Ницше, лишь «копия утраченного оригинала». Такие танцы утратили органику, которой всё меньше в сегод-

⁹ На языке оригинала (на таджикском-персидском): Мутрибоншон аз дарун даф мезананд¹ Бахро дар шурашон каф мезананд.

няхнем «благопристойном» индустриальном обществе. Может быть поэтому Ницше хотел верить в «танцующего Бога» [11], т.к. танцующие дервиши, «когда они освобождаются от [доминирования] рук, они хлопают/Когда они освобождаются от собственного несовершенства они танцуют»¹⁰.

Лишь танцуя как суфий, Ницше мог сказать: «Без музыки жизнь была бы ошибкой». «Маснави Ма'анави» («Поэма о скрытом смысле») начинается с приглашения «слушать» музыку: «Вы слышите свирели скорбный звук? Она, как мы, страдает от разлук. О чём грустит, о чём поет она? «Я со стволом своим разлучена...»¹¹. Музыка – тот самый феномен, который в состоянии подвести к осознанию того, что наши эмоции действуют вне нашего осознанного контроля, и поэтому некоторым казались непонятными кружения Руми, под ритмы мисгар-а (работающего по меди). Когда он, закрыв глаза, централизовался на «тет-а-тет» с Богом, и одновременно двигался.

Мистика «sama» не может стать общедоступной (это не масс-медиа психоз), она не может быть под контролем других. Интеллектуальное «sama» возникает у каждого отдельно (тот самый «тет-а-тет»). С другой стороны, желание контролировать себя, свои желания и желания других («мой мир, мои законы») – это не суфийское видение мира; такой подход выставляет нас самих в самом невыгодном свете, и тогда «танцы» вызывают лишь насмешку.

Суфизм не снижает значимость «я-ты», т.е. внутреннюю «самость»; субъективность человека и его мира в таком «тет-а-тет» сохраняется.

Приглашение к диалогу о теории международных отношений

На недавнем форуме «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех» («Минский диалог», 23-25 мая 2018 г.) среди многочисленных секций была та, на которой обсуждалась китайская «Инициатива «Пояс и путь..» [21]. На ней выступила профессор Мунира Шахиди из Таджикского национального университета. Она говорила о «пессимистах и оптимистах, видящих “пояс” с разных сторон; что парадокс в том, что обе стороны всё ещё рассматривают проект с вкраплением непринятия ценностей Другого, тогда как Центральная Азия, традиционно придерживаясь “срединного пути” (аль-васытыя, араб. اةطساولا), может представить иное рассмотрение проекта...».

Данная трактовка позволяет инициировать новое «приглашение», или иначе – обсуждение возможных путей преодоления разрыва между Западом и Востоком. Для такого процесса актуальным остаётся признание права и актуальность международных отношений (МО) работать на пространстве философии и культурологии (что во многом позволяет расширить институциональность

¹⁰ На языке оригинала (на таджикском-персидском): Чун рах,анд аз дасти худ дасти зананд,/ Чун чах,ан аз нук,си худ ракси кунанд

¹¹ На языке оригинала (на таджикском-персидском): Бишнав аз най чун ҳикоят мекунад,/ Аз чудойиҳо шикоят мекунад,/ К-аз найистон то маро бубридаанд,/ Дар нафирам марду зан нолидаанд.

самой философии и самих МО, о чём писал Деррида). Очередной парадокс в том, что «институциональность» не подразумевает границы сфер: где отдельно мышление, и отдельно бытие..., она не определяет предпочтения и обязательства (государство, нации, меньшинства). Институциональность, с учётом много-сферности (и многих географий), и суфийской интерпретации мира в МО может позволить эксперту децентрализовать определённую систему знаний, интегрировав регион и регионализм («срединный путь», о котором говорила М. Шахиди), одновременно «избегая этноцентризма и исключительности... признавая широкую концепцию с нормативными действиями и локальными построениями глобального порядка» [58, с. 3]. Сформировав такое видение, потенциальные члены «общины Руми» смогут размышлять о множественности путей к глобальным МО, и представить человека, с его «войной и миром» без постоянных оглядок на свои и чужие «границы». То, что имел в виду Лев Николаевич, когда писал: «Главное условие движения (абсолютная непрерывность) [и не] отдельные единицы движения» [26].

Читая труды многих исламских мыслителей, поражаешься учёту такого «движения» и умению «вслушиваться» друг в Друга. Они циркулировали идеи через себя, сохраняя актуальность диалога. Диалог и «вслушивание» (или иначе живая «интеллектуальная солидарность» [59]) позволяли Ибн Сину заявить, что Бог является действующей причиной, которая «обусловила необходимостью и не является суверенным действующим» [1, с. 141]. Наш мир возник не по воле Бога, а в силу создавшегося органичного единства: человека и мира. «Вслушиваясь» в такую идею, великий суфий Акбар пишет, что благодаря «человечности... человека, его существованию мир обрёл полноту» [9, с. 63]. Через призму их наследия в нашем «приглашении» звучит не стремление огородиться от европоцентристской западной теории МО, а скорее задуматься об идее «создания пост-западного» проекта МО [58, с. 4]. Такой расклад позволяет учесть три основные ступени, выдвигаемые суфиями-философами: эпистемологический монизм, онтологический нематериализм, методологический эклектизм [58, с. 13]. Восстановления всех трёх ступеней может подвести нас к оформлению нового понимания теории МО. Тому, чего так не хватает на многочисленных конференциях по международным отношениям, включая и упомянутый «Минский диалог».

Немного об интеллектуальной солидарности

В современных государственных институтах Запада – Востока любят повторять: «страны, которые обучают инженеров, будут преобладать над теми, кто готовит юристов». Повальное увлечение и теми, и другими – это одна из глобальных программ по тому же европоцентристскому одностороннему видению развития мира. В Центральной Азии для увеличения числа инженеров, разработчиков ИТ, нанотехнологов и т.д. проектируют многочисленные государственные программы [23]; на Западе, например, в Британии, ориентируют университеты

на принятие такого направления как STEM: то, что увеличивает ВВП (внешний национальный продукт) государства и связано, по мнению политиков, с технологиями, инженерией и т.д. [38]. То же самое происходит в странах Ближнего Востока. Более того, такие программы подводят к тому, что степени в области науки, техники, и математики (того самого STEM) в Объединённых Арабских Эмиратах, Турции и Алжире получают больше девочки, чем в Норвегии, Финляндии и Швеции [62] (и это заметьте, по западным университетским программам). Логично, что такого рода раскладка радует тех, кто печётся о гендере и будущем ВВП. Однако, я о другом беспокойстве. Дело в том, что технократы, создавая машины, сами превращаются в машины [40, с. 399]. Они «скидывают с телеги» ВВП культуру как в ЦА, в России, так и на Западе. Тогда как культура (объединяющая в себе как атеистов, так и интеллектуальных деятелей религиозных институтов) играет решающую роль в сохранении морального импульса (что влияет на устойчивость того самого ВВП).

И всё же инженерно-правовая когнитивная уверенность при всей её необходимости не может стать источником творчества. Для процветания такового человеку нужно «время, место и братья» (zaman, makan, akhwan) [56] (по Ал-Газали), или иначе необходимы те, кто «вслушиваются»: оспаривают, оттачивают, дискуссияют. На такой платформе для членов интеллектуальной общины творчество – процесс создания поэм (Руми), миниатюр (Бехзода), музыки (Шахиди) не может быть процессом следования предписаниям Священного писания, скорее, это приближение к божественной силе создания.

Это понимает Ницше, представляя культуру не просто как продукт человеческой деятельности: её формируют человеческий гений – святой, музыкант, художник, философ. Он является наблюдателем истины изначальной космической земли, в нём сокрыто откровение. Он является орудием божественной силы [43, с. 30]. Такой подход, возможно, напомним нам всем, что, с одной стороны, мы все похожи друг на Друга, и одновременно мы все разные, каждый из нас уникален (никто не может быть таким же как тот, кто жил, кто живет, или будет жить). Так возникает возможность «вспомнить» о нашем мире, как о едином, где необходимо «прислушаться» друг к Другу, прощать друг Друга, и учиться друг у Друга. Так как все религиозные традиции разделяют одну метафизическую истину, но каждый из них выражает истину разными ритуалами – символически и социально [40, с. 400]. И естественно, лишь Мавлоно Руми мог подытожить так: «Новые слова могут противоречить старым, хотя содержат то же, что содержали старые, — истину/Но если тебя мучит жажда, какое тебе дело до формы кувшина?» [20].

Список литературы:

1. Абу Али ибн Сина. Т. 1. Абу Али / отв. ред. М. Диноршоев. Душанбе: Дониш, 2005. 969 с.
2. Абу Али ибн Сина. Аш-Шифа. Т. 5. Душанбе: Дониш, 2010. 766 с.

3. Ан-Ниффари, *Китаб ал-Макавиф (фрагменты) / пер. с араб., вступ. статья и коммент. Р.В.Псху // Ишрак. Ежегодник исламской философии. 2012. № 3. С. 264-278.*
4. Баркс К. *Суть Руми. М.: Изд.-во Гаятри, 2007. 672 с.*
5. Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 530 с.*
6. Бертельс Е.Э. *Избр. труды. Суфизм и суфийская литература. М.: Наука, глав. ред. вост. лит., 1965. 524 с.*
7. Достоевский Ф.М. *Дневник писателя. М.: Digestmedia, 2013. 502 с.*
8. Ибн Араби Геммы мудрости. Гемма мудрости божественной в слове Адамовом; Пер. с араб. и коммент. А.В. Смирнова // *Ишрак: ежегодник исламской философии. 2012. № 3. М.: Вост. лит., 2012. С. 62-76.*
9. Льюис Б. *Заглавие: Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм // Ответственность: Бернард Льюис / пер. с англ. Т. Гутникова. М.: Олимп-Бизнес, 2003. 205 с.*
10. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5-237.*
11. Ницше Ф. *Несвоевременные размышления: о пользе и вреде истории для жизни // Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158-230.*
12. Ницше Ф. *Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм // Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С.47-157.*
13. Нурулла-Ходжаева Н.Т. *Де-колонизация политической границы в философии ислама // Вестник МГИМО. 2017. № 6 (57). С. 87-101.*
14. Нурулла-Ходжаева Н.Т. *«Танцующие» купцы вне империи на Шелковом пути // Вестник МГИМО. 2017. № 1(52). С. 119-139.*
15. Орлова Е. З.Шахиди. *Очерк жизни и творчества. М.: Сов.композитор, 1986. 160 с.*
16. Шиммель А. *Мир исламского мистицизма. М.: Litres, 2017. 536 с.*
17. Пирен А. *Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М.: Центрполиграф, 2011. 349 с.*
18. *Толковая Библия профессора А.П. Лопухина в 12 т. Т.8. Книжный клуб «Книговек», 2011. 4804 с.*
19. Фиш Р. *Джалалиддин Руми. М.: Молодая гвардия, 1972. 286 с.*
20. *Джалал ад-дин Руми. Сокровища воспомина-*
- ния. Суфийская поэзия. / Пер. Л. Тираспольского. М.: ИИФ ДИАС, 1998. 192 с.*
21. Степанянц М.Т. *Человек в традиционном обществе Востока (опыт компаративистского подхода) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 140-151.*
22. Степанянц М.Т. *Философские аспекты суфизма. М.: Рипол Классик, 1987. 190 с.*
23. Толстой Л.Н. *Война и Мир. М.: Художественная литература, 1968. 185 с.*
24. Хиртенштейн С. *«Моя страсть - к молнии и ее сверканию»: Размышления о Востоке и Западе в контексте учения Ибн Араби // Исламский мистицизм Ишрак. Ежегодник исламской философии. 2017. № 8. М.: Наука – Вост.лит., Садра, 2017. С. 337-346.*
25. Ходжсон М. *История Ислама. М.: Litres, 2017. 3060 с.*
26. Цицерон Марк Туллий. *О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 248 с.*
27. Мавлоно Налолуддин машхур ба Мавлави. Китоби «Фиҳи мо фиҳи». Бо тасхех ва хавошии Бадеъуззамони Фурузонфар. Техрон: Амири Кабир, 1368 с.
28. Ahmed S. *What Is Islam? The Importance of Being Islamic. Princeton University Press, 2015. 624 p.*
29. Appiah A. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers W.W. Norton, 2007. 196 p.*
30. Bhabha H. *The location of Culture. Routledge, 2012. 440 p.*
31. Choudhury M., Roychoudhury M. (Sastri.), *Journal of Asiatic Society: Letters. 1957. Vol. 23. Iss. 2. Music in Islam. 60 p.*
32. Degirmenci K. *Creating Global Music in Turkey. Lexington Books, 2013. 220 p.*
33. Derrida J. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International. New York and London: Routledge, 1994. 198 p.*
34. Derrida J. *The politics of friendship // The Journal of Philosophy. 1988. Vol. 85. No. 11. Pp. 638-640.*
35. Fannon F. *The Wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1968. 316 p.*
36. Hatina M. *Where East meets West: Sufism, cultural Rapprochement, and politics // International Journal of Middle East Studies. 2007. No. 39. Pp. 389-409.*
37. Hobson J., Seabrooke L. *Everyday Politics of the World Economy. Cambridge University Press, 2007. 253 p.*
38. Fekete L. *Anti-Muslim Racism // Race & Class. 2004. No. 46 (1). Pp. 3-29.*
39. Fink E. *Nietzsche's Philosophy. A&C Black,*

2003. 184 p.
40. Godrej F. *Cosmopolitan Political Thought: Method, Practice, Discipline*. Oxford University Press, 2011. 256 p.
 41. Groff P. *Islamic Philosophy A-Z*. Edinburgh University Press, 2007. 256 p.
 42. Leyser C. *Charlemagne, Muhammad and the Fall of Rome* // *History Today*. 2018. Vol. 68. Iss. 3. Режим доступа: <http://www.historytoday.com/conrad-leyser/charlemagne-muhammad-and-fall-rome> (дата обращения: 26.02.2018).
 43. Lewis B. *Communism and Islam* // *International Affairs*. 1954. Vol. 30. No. 1. Pp. 1-12.
 44. Marx/Engels Internet Archive (marxists.org) Online Version: 2000. London, August 5, 1890. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1890/letters/90_08_05.htm (дата обращения: 10.02.2018).
 45. Mignolo W. *Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledge, and Border Thinking*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 416 p.
 46. Moosa E. *Ghazali and the Poetics of Imagination*. Univ of North Carolina Press, 2006. 368 p.
 47. Pinker S. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism and Progress*. Penguin. 576 P.
 48. Rahman J. *Spiritual Gems of Islam: Insights & Practices from the Qur'an, Hadith, Rumi & Muslim Teaching Stories to Enlighten the Heart & Mind*. SkyLight Paths Publishing, 2013. 230 p.
 49. Rüse J. *Approaching Humankind: Towards an Intercultural Humanism*. V&R unipress GmbH, 2013. 300 p.
 50. *The Sacred Music of Islam: Sama in the Persian Sufi Tradition* // *British Journal of Ethnomusicology*. 1997. Vol. 6. Pp. 1-33.
 51. Salhi K. *Music, Culture and Identity in the Muslim World: Performance, Politics and Piety*. Routledge, 2013. 320 p.
 52. Said E. *Orientalism*. London: Penduin, 1978. 340 p.
 53. Shahi D. *Introducing Sufism to International Relations Theory: A Preliminary inquiry into epistemological, ontological, and methodological pathways* // *European Journal of International Relations*. 2018. Pp. 1–26.
 54. Shahidi M. *The Impact of the Emergence of Eurasian Art Communities in the Globalizing World* // *International Relations and Diplomacy*. 2016. Vol. 4. No. 3. Pp. 208-217. DOI:10.17265/2328-2134/2016.03.005
 55. Voll J. *Islam as a Special World-System* // *Journal of World History*. Vol. 5. No. 2. Pp. 213–226.
 56. Sajjad H. *Rizvi Philosophy as a way of life in the world of Islam: Applying Hadot to the study of Mullā adrā Shirāzi (d. 1635)* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 2012. Vol. 75. No. 1. Pp. 33-45.
 57. Stoet G., Geary D. *The Gender-Equality Paradox in Science, Technology, Engineering, and Mathematics Education* // *Psychological Science*. 2018. Vol. 29. Iss. 4. Pp. 581-593. DOI: 10.1177/0956797617741719.
 58. Talma M. *The Identity of Temporal Space: Spatial Manifestation of Carnival*. University of Cincinnati, 2012. 118 p.
 59. Gilliot, Cl., Repp, R.C., Nizami, K.A., Hooker, M.B., Lin, Chang-Kuan and Hunwick, J.O. *Ulama* // *Encyclopaedia of Islam*, 2d ed. / Ed. by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. DOI: 10.1163/1573-3912_islam_COM_1278
 60. Wuthnow R. *Communities of Discourse*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. Pp. viii, 739.

Об авторе:

Наргис Талатовна Нурулла-Ходжаева – д.ф.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

DECOLONIZATION VIA NEW UNDERSTANDING OF SUFISM

N.T. Nurulla-Khodzhaeva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-139-160

Center for Central Asian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

In examining such a multi-layered phenomenon as Islam (like any other religion) one finds themselves at the crossroads of competing views, between and beyond orthodox and reformist. A number of "invitations" for decolonization from prominent Sufis allows representing Islam not as a network of horrifying mujahedeens, but as a real and genuine discourse community. The topic of decolonization covers our common East-West colonial heritage as well as the colonial contemporaneity. Thus, in addition to Rumi and Nietzsche, the work relies on philosophers of Khorasan, composers of Tajikistan, and modern Western philosophers of decolonization to build a strong basis for the topic.

Sufi decolonization not only provides an opportunity to imbue the Platonic project on the connection between ontology and epistemology but also produces a possibility for constructive awareness of everything that was, and is, for the benefit of me-you, community, and communion of communities. This vision indicates the need for a multitude of combinations of knowledge and experiences, as well as for consideration of constant movements of the former and the latter. The lack of "multiplicity" in today's world pushes us to a place, where we might at once get used to devices that "think" for us and "listen" to each other for us. The simplicity of such a picture is that this vision of society (and history) does not blame current "deafness," but rather proposes for all of us, not only Muslims, to recognize the need to "return" to the ability to "listen" to each other. Within this framework, the article demonstrates the significance of the art of listening (as in the Arabic, sama), which embodies a double mysticism - the ability to listen with both ears and heart. On this basis the project of the intellectual community is being proposed; a project rooted in an organic unity of man and the world, which Ibn Sina described as *odam va olam* (in Tajik-Persian language).

In these series of "invitations" through the prism of the heritage of east-west philosophy, there is an aim not to shelter oneself from the Eurocentric western theory of International Relations (IR), but rather to provide an opportunity to think about building a "post-Western" project, or otherwise a project based on the union between man and world (in Tajik-Persian, *odam va olam*).

Key words: decolonization, Rumi, Ibn Sina, Nietzsche, Islam, Sufism, Central Asia, Middle East, sama, International Relations.

References

1. *Abu Ali ibn Sina*. Vol. 1. Abu Ali / Ed. by M. Dinorshoev. Dushanbe, Donish Publ., 2005. 969 p. (In Russian)
2. *Abu Ali ibn Sina*. Ash-Shifa. Vol. 5. Dushanbe, Donish Publ., 2010. 766 p. (In Russian)
3. An-Niffari, Kitab al-Makavif (fragmenty) / Transl. from Arabic, Introduction and comments of R.V.Pskhu. *Ishrak. Yezhegodnik islamskoy filosofii* [Annual Islamic; Yearbook of Islamic philosophy], 2012, no. 3, pp. 264-278. (In Russian)
4. Barks K. *Sut Rumi* [Meaning of Rumi]. Moscow, Gayatri Publ., 2007. 672 p. (In Russian)
5. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekoviya* i *Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 530 p. (In Russian)
6. Bertels Ye.E. *Izbr. trudy. Sufizm i sufiyskaya literatura* [Select works. Sufizm and Sufi literature]. Moscow, Nauka, glav. red. vost. lit. Publ., 1965. 524 p. (In Russian)
7. Dostoevskiy F.M. *Dnevnik pisatelya* [Diary of the writer]. Moscow, Directmedia Publ., 2013. 502 p. (In Russian)
8. Ibn Arabi Gemmy mudrosti. *Gemma mudrosti bozhestvennoy v slove Adamovom* [The gem of wisdom is divine in the Adam's word]. Transl. from Arabic and comments by A.V. Smirnova.

- Ishrak: ezhegodnik islamskoy filosofii - *Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook*, 2012, no. 3. Moscow, Vost. lit. Publ., 2012. Pp. 62-76. (In Russian)
9. Lewis B. *Middle East and the West*. Harpercollins College Div, 1968. 164 p. (Russ. ed.: Lyuis B. Zaglavie: Chto ne tak? Put Zapada i Blizhnego Vostoka: progress i traditsionalizm. Otvetstvennost: Bernard Lyuis / transl. by T. Gutnikova. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2003. 205 p.)
 10. Nietzsche F. *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*, 1891. (Russ. ed.: Nitsche F. Tak govoril Zarathustra. Fridrikh Nitsche, sochineniya v 2-kh tomakh. Vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 1990. Pp. 5-237.)
 11. Nietzsche F. *Unzeitgemässe Betrachtungen, 1872—1876. Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben*, 1874 (Russ. ed.: Nitsche F. Nesvoevremennyye razmyshleniya: o polze i vrede istorii dlya zhizni. Fridrikh Nitsche, sochineniya v 2-kh tomakh. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1990. Pp. 158-230.)
 12. Nietzsche F. *Die Geburt der Tragödie*, 1872 (Russ.ed.: Nitsche F. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimism. Fridrikh Nitsche, sochineniya v 2-kh tomakh. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1990. Pp. 47-157.)
 13. Nurulla-Khodzhaeva N.T. De-kolonizatsiya politicheskoy granitsy v filosofii islama [Decolonisation of political borders of Central Asia]. *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 6 (57), pp. 87-101. (In Russian)
 14. Nurulla-Khodzhaeva N.T. «Tantsuyushchie» kuptsy vne imperii na Shelkovom puti [«Dancing merchants» out of Empires on the Silk Road]. *MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 1(52), pp. 119-139. (In Russian)
 15. Orlova Ye. *Z.Shakhidi. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Z.Shahidi. On life and Creativity]. Moscow, Sov.kompozitor Publ., 1986. 160 p.
 16. Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. The University of North Carolina Press, 1975. 535 p. (Russ. ed.: Shimmel A. Mir islamskogo mistitsizma. Moscow, Litres Publ., 2017. 536 p.)
 17. Pirenne H. *Mohammed and Charlemagne*. New York, W.W. Norton, 1939. 293 p. (Russ. ed.: Piren A. Imperiya Karla Velikogo i Arabskiy khalifat. Konets antichnogo mira. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2011. 349 p.)
 18. *Tolkovaya Bibliya professora A.P. Lopukhina v 12 t.* [The Explicit Bible of Professor A.P. Lopukhin in 12 vol.]. Vol.8. Moscow, Knizhnyy klub “Knigovok”, 2011. 4804 p. (In Russian)
 19. Fish P. *Dzhalaliddin Rumi*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1972. 286 p. (In Russian)
 20. *Dīvān-e Šams-e Tabrīzī (Russ. ed.: Dzhalal ad-din Rumi. Sokrovishcha vspominaniya. Sufiyskaya poeziya / Transl. by L. Tiraspol'skiy. Moscow, IIF DIAS Publ., 1998. 192 p.)*
 21. Stepanyants M.T. Chelovek v traditsionnom obshchestve Vostoka (opyt komparativistskogo podkhoda) [Man in the traditional society of the East (experience of the comparative approach)]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 3, pp. 140-151. (In Russian)
 22. Stepanyants M.T. *Filosofskie aspekty sufizma* [Philosophical aspects of Sufism]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 1987. 190 p. (In Russian)
 23. Tolstoy L.N. *Voyna i Mir* [War and Peace]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1968. 185 p. (In Russian)
 24. Khirtenshteyn S. «Moya strast - k molnii i ee sverkaniyu»: Razmyshleniya o Vostoke i Zapade v kontekste ucheniya Ibn Arabi [My Passion for Lightning and Its Glittering]: Reflections on the East and the West in the Context of the Teaching of Ibn Arabi]. *Islamskiy mistitsizm Ishrak. Yezhegodnik islamskoy filosofii* [Islamic mysticism Ishraq. Yearbook of Islamic philosophy], no. 8. Moscow, Nauka - Vost.lit., Sadra Publ., 2017. Pp. 337-346. (In Russian)
 25. Hodgson M.G. S. *The Venture Of Islam*. University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U.S.A., 1974. Vol. 1-3. 539 p. (Russ. ed.: Khodzhsan M. Istoriya Islama. Moscow, Litres Publ., 2017. 3060 p.)
 26. Cicéron, *Caton l'Ancien (De la vieillesse)*. Collection des Universités de France publiée sous le patronage de

- l'Association Guillaume Budé, Paris: Texte établi et traduit par Pierre Wuilleumier, 1961. 194 p. (Russ. ed.: Tsitseron Mark Tulliy. O starosti. O družhbe. Ob obyazannostyakh. Moscow, Nauka Publ., 1993. 248 p.)
27. Mavlono Naloluddin mashkhur ba Mavlavi. *Kitobi «Fikhi mo fikhi». Bo taskhekh va khavoshii Badeuzzamoni Furuzonfar* [Mavlono Naloluddin is famous for Mavlavi. Book of ours. With the help of the Fallujahm of Badakhshan]. Tekhron, Amiri Kabir Publ., 1368 p.
 28. Ahmed S. *What Is Islam? The Importance of Being Islamic*. Princeton University Press, 2015. 624 p.
 29. Appiah A. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. W.W. Norton Publ., 2007. 196 p.
 30. Bhabha H. *The location of Culture*. Routledge Publ., 2012. 440 p.
 31. Choudhury M., Roychoudhury M. (Sastri.). *Journal of Asiatic Society: Letters*, 1957, vol. 23, iss. 2. Music in Islam. 60 p.
 32. Degirmenci K. *Creating Global Music in Turkey*. Lexington Books, 2013. 220 p.
 33. Derrida J. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International*. New York and London: Routledge, 1994. 198 p.
 34. Derrida J. The politics of friendship. *The Journal of Philosophy*, 1988, vol. 85, no. 11, pp. 638-640.
 35. Fannon F. *The Wretched of the Earth*. New York, Grove Press Publ., 1968. 316 p.
 36. Hatina M. Where East meets West: Sufism, cultural Rapprochement, and politics. *International Journal of Middle East Studies*, 2007, no. 39, pp. 389-409.
 37. Hobson J., Seabrooke L. *Everyday Politics of the World Economy*. Cambridge University Press, 2007. 253 p.
 38. Fekete L. Anti-Muslim Racism. *Race & Class*, 2004, no. 46 (1), pp. 3-29.
 39. Fink E. *Nietzsche's Philosophy*. A&C Black Publ., 2003. 184 p.
 40. Godrej F. *Cosmopolitan Political Thought: Method, Practice, Discipline*. Oxford University Press, 2011. 256 p.
 41. Groff P. *Islamic Philosophy A-Z*. Edinburgh University Press, 2007. 256 p.
 42. Leyser C. Charlemagne, Muhammad and the Fall of Rome. *History Today*, 2018, vol. 68, iss. 3. Available at: <http://www.historytoday.com/conrad-leyser/charlemagne-muhammad-and-fall-rome> (accessed: 26.02.2018).
 43. Lewis B. Communism and Islam. *International Affairs*, 1954, vol. 30, no. 1, pp. 1-12.
 44. *Marx/Engels Internet Archive* (marxists.org) Online Version: 2000. London, August 5, 1890. Available at: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1890/letters/90_08_05.htm (accessed: 10.02.2018).
 45. Mignolo W. *Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledge, and Border Thinking*. Princeton, Princeton University Press Publ., 2000. 416 p.
 46. Moosa E. *Ghazali and the Poetics of Imagination*. Univ of North Carolina Press Publ., 2006. 368 p.
 47. Pinker S. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism and Progress*. New York, Penguin Publ. 576 p.
 48. Rahman J. *Spiritual Gems of Islam: Insights & Practices from the Qur'an, Hadith, Rumi & Muslim Teaching Stories to Enlighten the Heart & Mind*. SkyLight Paths Publ., 2013. 230 p.
 49. Rüse J. *Approaching Humankind: Towards an Intercultural Humanism*. V&R unipress GmbH, 2013. 300 p.
 50. The Sacred Music of Islam: Sama in the Persian Sufi Tradition. *British Journal of Ethnomusicology*, 1997, vol. 6, pp. 1-33.
 51. Salhi K. *Music, Culture and Identity in the Muslim World: Performance, Politics and Piety*. Routledge, 2013. 320 p.
 52. Said E. *Orientalism*. London, Penduin Publ., 1978. 340 p.
 53. Shahi D. Introducing Sufism to International Relations Theory: A Preliminary inquiry into epistemological, ontological, and methodological pathways. *European Journal of International Relations*, 2018. Pp. 1-26.
 54. Shahidi M. The Impact of the Emergence of Eurasian Art Communities in the Globalizing World. *International Relations and Diplomacy*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 208-217. DOI:10.17265/2328-2134/2016.03.005
 55. Voll J. Islam as a Special World-System.

- Journal of World History*, vol. 5, no. 2, pp. 213–226.
56. Sajjad H. Rizvi Philosophy as a way of life in the world of Islam: Applying Hadot to the study of Mullā Ṣadrā Shīrāzī (d. 1635). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 2012, vol. 75, no. 1, pp. 33–45.
 57. Stoit G., Geary D. The Gender-Equality Paradox in Science, Technology, Engineering, and Mathematics Education. *Psychological Science*, 2018, vol. 29, iss. 4, pp. 581–593. DOI: 10.1177/0956797617741719.
 58. Talma M. *The Identity of Temporal Space: Spatial Manifestation of Carnival*. University of Cincinnati, 2012. 118 p.
 59. Gilliot, Cl., Repp, R.C., Nizami, K.A., Hooker, M.B., Lin, Chang-Kuan and Hunwick, J.O. Ulama. *Encyclopaedia of Islam*, 2d ed. / Ed. by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. DOI: 10.1163/1573-3912_islam_COM_1278
 60. Wuthnow R. *Communities of Discourse*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. Pp. viii, 739.

About the author:

Nargis T. Nurulla-Khodzhaeva – Senior Research Fellow at the Center for Central Asian, Caucasian and Uralo-Povoljijn studies of Oriental Studies Institute of Russian Academy of Sciences. 107031 Moscow, Rojdestvenka-str. 12. E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com 107031 Moscow, Rojdestvenka-str. 12.

ОТ ОПТИМИЗМА К РАЗОЧАРОВАНИЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ИНДИЙСКОГО ФИЛОСОФА СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ К ЗАПАДУ

Е.В. Волгина

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Статья относится к сфере имагологических исследований, изучающих взаимодействие народов, социумов, культур, в том числе формирование образа «другого». Рассматривается эволюция отношения к Западу Свами Вивекананды – общественного и религиозного деятеля рубежа XIX-XX вв., идеолога индийского национализма. Вивекананда провёл несколько лет в поездках по Америке и Европе, где устанавливал контакты и популяризировал индийскую культуру, рассчитывая использовать её как «мягкую силу», которая поможет Индии привлечь внимание Запада к разворачивающейся в этой стране национально-освободительной борьбе. Истоки актуальной общественно-политической мысли Индии возникли в период колониализма. Так, Вивекананда почитается в современной Индии как один из наиболее авторитетных мыслителей. Высокую значимость приобретает внимание к личности и наследию Вивекананды, демонстрируемое правящей Бхаратия Джаната парти и премьер-министром Нарендрой Модии. Представляется целесообразным выявить, как трансформировался образ Запада в характеристиках Свами Вивекананды и насколько картина, рисуемая по итогам знакомства со странами Европы, отличается от исходных представлений. В этой связи особый упор делается на анализ текстов – травелогов, созданных как во время пребывания на Западе, так и по возвращении в Индию. Помимо традиционных методов исследования, историко-генетивного и историко-сравнительного, задействуются также контент-анализ и анализ дискурса. Результаты изучения вопроса свидетельствуют о некотором, весьма значительном, обесценивании Запада в глазах индийского путешественника. Прослеживается переход от восторженного, оптимистичного ожидания помощи от западных стран и западной общественности в борьбе против британского колониализма к осознанию индийским мыслителем того, что уподобленный Западу, раздираемый межгосударственными противоречиями и стоящий на пороге большой войны, не готов оказывать народу Индии активную помощь, несмотря на живой интерес к индийской цивилизации. Как результат, риторика в адрес Запада в поздних работах становилась всё более резкой и критической. Индия же, в противовес Западу, представлялась носителем культуры и духовной целостности, без которой дальнейшее развитие человечества невозможно.

Ключевые слова: Свами Вивекананда, Индия, Запад, имагология, колониализм, индийский национализм, «мягкая сила», Нарендра Модии.

УДК 291.2, 140.8

Поступила в редакцию 25.06.2017 г.

Принята к публикации 20.05.2018 г.

Данное исследование принадлежит историческому направлению имагологии (в литературе иногда встречается другой вариант – имиджелогия), изучающей взаимовосприятие народов, социумов, культур. Первые имагологические исследования стали появляться в 30-х гг., а как самостоятельная дисциплина имагология сформировалась в 50-е гг. прошлого века в Европе на базе результатов исследований школы «Анналов». Именно школа «Анналов» начала активно применять культурологические методы в исторических исследованиях и ввела в научный оборот дихотомию понятий «свой – чужой».

В российской историографии имагологические исследования представлены эпизодически и касаются большей частью отношений России с государствами Запада [6]. Была проведена значительная работа по изучению восприятия России в Индии [4]. Однако тематика имагологии отношений Индии с Западом (прежде всего, с Англией) возникает преимущественно на страницах общеисторических трудов, как правило, не становясь самостоятельным объектом исследования.

Труды Свами Вивекананды и его позиция относительно Запада стабильно попадают в поле зрения исследователей. Прежде всего, изучением политических взглядов мыслителя занимаются в Индии и, в меньшей степени, на Западе. Среди западных исследователей наибольший интерес к теме проявляют американские учёные индийского происхождения (нельзя не отметить в этом отношении работы Н. Сила, в частности его весьма глубокую книгу Swami Vivekananda: A Reassessment [23; 24]). Поскольку Вивекананда не был официальным лицом и, строго говоря, политиком, европейские исследователи преимущественно упускают из поля зрения его внешнеполитические взгляды. Другая особенность западных исследований связана с отбором материала. В качестве источника, как правило, берутся англоязычные переводы работ, несколько отличающиеся от бенгальского оригинала мягкостью и обтекаемостью формулировок.

В России Вивекананду знают преимущественно как индусского религиозного деятеля и философа. Русскоязычные переводы его работ относятся в основном ещё к дореволюционной эпохе и также ограничиваются кругом произведений религиозно-философской тематики. Что касается отечественной исследовательской литературы, стоит упомянуть монографию «Вивекананда» специалиста по индийской философии В.С. Костюченко, изданную в 1977 г. Представленный в ней анализ взглядов Вивекананды весьма обширен, однако носит философский характер и демонстрирует влияние марксизма [2].

К сожалению, основной упор в упомянутых работах делается на отношении Вивекананды к социально-политическим и культурно-религиозным процессам в самой Индии и том образе Индии, который мыслитель преподносил своим западным визави. На первый план для исследователей выходит влияние индийца на западную культуру и даже науку [14]. Можно проследить намёки на некий негатив во взгляде на европейские и американские реалии, однако полной картины не даётся.

Свами Вивекананда, он же Нарендрнатх Датта, (1863 – 1902) – один из самых известных религиозных и общественных деятелей Индии. Он внёс нема-

лый вклад в формирование индийской националистической идеологии, а также в обновление индусской религиозной мысли. Более того, именно благодаря ему мировая общественность узнала об индуизме как о совокупности развитых религиозно-философских систем, а не просто как о наборе причудливых разрозненных мифов. Анализ религиозных воззрений Вивекананды послужил бы темой отдельного обширного исследования, поэтому, не заостряя внимания на этом вопросе, стоит сосредоточиться на его общественной деятельности на мировой арене и общественно-политических взглядах.

Звёздный час Вивекананды на мировой арене наступил в 1893 г., когда он по собственной инициативе отправился в Чикаго для участия в Парламенте религий мира. Его речь, представившая Индию и индуизм перед многотысячной толпой, была встречена бурными овациями. Газета «Нью-Йорк геральд» писала: «Вивекананда, без сомнения, самая выдающаяся фигура Парламента религий. Услышав его, мы почувствовали, как глупо отправлять миссионеров к этому просвещённому народу» [15, с. 202].

После триумфального выступления Вивекананда много путешествовал по США и Великобритании, где встречался с видными индологами и выступал с лекциями. В нескольких крупных городах были открыты центры веданты¹, а многие американцы и европейцы начали активно помогать Вивекананде в популяризации индуизма на Западе.

В 1899 – 1900 г. Вивекананда совершил второе путешествие на Запад. На корабле он отбыл из Калькутты в Лондон с заходами в такие города, как Мадрас (ныне Ченнаи), Коломбо, Аден и далее, через Суэцкий канал, в Неаполь и Марсель. После краткого пребывания в Лондоне уехал в Америку. Затем он приехал в Париж (Вивекананда был приглашён на Парижскую выставку), откуда отправился в поездку по Европе и Ближнему Востоку, посетив Вену, Стамбул², Грецию, Египет и Иерусалим.

Свои впечатления от второго путешествия (за исключением пребывания в США) Вивекананда красочно описал в путевых записках. Его травелог на бенгальском языке впервые публиковался в журнале “উদ্‌বোধন” («Удбодхан») в 1899 и 1900 гг. Позднее в бенгальских сборниках они были объединены под заголовком “পরিব্রাজক” («Бродяга»). Существует и английский перевод произведения под названием «Memoirs of European Travel», которое, строго говоря, не совсем верно: Вивекананда описывает свои путешествия не только по Европе, но и по Ближнему Востоку.

Впечатления от путешествия легли в основу одного из самых известных эссе Вивекананды “পূর্বাচ্য ও পশ্চাত্য” («Восток и Запад»), впервые опубликованного также в журнале «Удбодхан» в 1900 и 1901 гг. Эссе во многом повторяет и развивает мысли, высказанные в «Воспоминаниях о путешествии в Европу».

¹ Веданта – одна из шести традиционных школ (*даршан*) индуизма, базирующаяся на текстах вед и упанишад.

² Характерно, что сам Вивекананда называет османскую столицу на западный манер Константинополем.

Факт публикации в бенгальском журнале определяет и круг читателей: произведения Вивекананды адресованы, прежде всего, бенгальской элите – наиболее близкой к колониальной администрации и передовой по своим взглядам.

Имеются основания заключить, что цели многочисленных поездок Вивекананды по странам Запада были политическими – привлечь внимание к Индии, найти на Западе поддержку индийскому общественному возрождению и, более того, национально-освободительному движению. Эти мотивы раскрываются в корреспонденции Вивекананды. В частности, в письме к партнёру-издателю от 7 апреля 1897 г. он резюмирует: «Я всегда был убеждён, что мы не сможем подняться, пока страны Запада не придут к нам на помощь» [27]. В другом письме, другу, Вивекананда говорит: «Один удар, нанесённый за пределами Индии, равен сотне тысяч ударов в самой стране». [26, с. 341] Также, по свидетельству очевидцев, в 1900 г. в Сан-Франциско, обращаясь к американской собеседнице, Вивекананда открыто заявил: «Мадам, я не учу религии. Я продаю за деньги свой мозг, чтобы помочь моему народу» [23, с. 169].

С учётом изложенного представляется принципиально важным ответить на вопрос, каким индийский мыслитель видел Запад после близкого знакомства с ним и каким представлял его своим читателям. Это требуется для того, чтобы понять, насколько продуктивным сам Свами Вивекананда счёл опыт использования индуизма в качестве «мягкой силы» для поиска союзников в Европе и Америке в борьбе против британского колониализма и трансформировалась ли вообще его идея о возможности и необходимости привлечения западной помощи для реализации индийских интересов.

Такая работа представляется значимой в теоретическом плане – как важная часть более масштабного исследования восприятия Запада в Индии на различных исторических этапах – и в практическом. Следует иметь в виду, что для индусов, не имеющих жёсткой религиозной системы, граница между сакральным и профанным весьма прозрачна, отсюда обожествление культовых исторических фигур. Их личные мнения и оценки представляют значительный интерес для современного поколения и зачастую служат ориентиром. При этом Вивекананда – одна из основных фигур такого пантеона.

Волна интереса к наследию Вивекананды связывается с националистическим направлением в современной индийской политике, представляемым организацией «Раштрия Сваямсевак Сангх» и правящей Бхаратия Джаната парти (БДП). Премьер-министр Нарендра Моди начал активно эксплуатировать образ Вивекананды ещё в свою бытность главным министром штата Гуджарат. Индийская пресса пестрит новостями о том, что премьер-министр призывал молодёжь чтить Вивекананду, выступал на фоне портрета Вивекананды, медитировал над тапочками Вивекананды. В Гуджарате среди школьников распространялись блокноты с портретами Моди и Вивекананды. Эти же портреты, по решению правительства штата Мадхья-Прадеш (сформированного БДП), должны быть вывешены во всех учебных заведениях. В Малайзии (г. Петалинг-Джая) Моди

торжественно открыл памятник тѣзке. Индийская пресса отмечает, что образ Вивекананды уже затмил привычную икону независимой Индии – Махатму Ганди³.

Как представляется при рассмотрении первоисточников, то есть оригинальных текстов работ Вивекананды, его взгляды в ходе знакомства с Западом претерпели заметную трансформацию и заставили отказаться от надежд на реальную поддержку.

Выбор тревелогов в качестве объекта исследования относит работу к относительно новому для российской исторической науки направлению «тревел-стади» (англ. «travel-study»). «Тревел-стади» сформировалось в англосаксонской школе в 80-е гг. прошлого века, с одной стороны, будучи закономерным результатом интереса к гуманитарным аспектам истории международных отношений, с другой – в значительной мере став ответом на рост националистических тенденций в мире.

«Тревел-стади» находится на стыке нескольких научных дисциплин, что объясняет комплексный и синтетический характер используемых при исследовании методов. В числе методов, применимых при проведении исследования, стоит упомянуть, прежде всего, исторические (историко-генитивный, историко-сравнительный).

Для данного направления характерно использование нескольких методов сбора данных в качестве основных, в частности, традиционного анализа текстов и популярного в настоящее время метода контент-анализа. При этом активно применяется сравнительная методика. В данном случае, ввиду необходимости продемонстрировать эволюцию взглядов, речь идёт о сопоставлении более ранних и позднейших работ.

Крайне важную роль играет также анализ дискурса. В частности, исследование представляет собой типичный пример применения так называемого «археологического метода» М. Фуко. Как писал французский исследователь, «археология обращается к дискурсу в его собственном объёме как к памятнику» [8, с. 139]. Археологический метод подразумевает изучение документов того или иного периода с целью раскрыть структуру мышления, определяющую рамки концепций этой эпохи.

Особенности создания текстов

Примечательно, что Вивекананда, будучи глубоко религиозным человеком, категорически отрицает негативное отношение к путешествиям, особенно морским, которое было присуще большинству индусских традиционалистов. Древ-

³ “Install Swami Vivekananda in your head and soul: Modi”, URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/Install-Swami-Vivekananda-in-your-head-and-soul-Modi/articleshow/49880441.cms> (дата обращения 10.02.2017); “Modi and Swami Vivekananda: A tale of two Narendras”, URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/an-iconic-problem-modi-vivekananda-sardar-patel/1/332452.html> (дата обращения 10.02.2017); “Modi and Swami Vivekananda To Share Wall Space At MP Schools And Colleges After Strict Govt Diktat”, URL: <http://www.huffingtonpost.in/2017/01/17/modi-and-vivekananda-to-share-wall-space-at-mp-schools-and-coll/> (дата обращения 10.02.2017).

ний ритуальный запрет на пересечение морей, базирующийся на текстах дхармашастр⁴ и обосновывающийся, по всей вероятности, невозможностью совершать в плавании и за рубежом религиозные обряды и избегать соприкосновения с людьми низших касты и неиндусами, к началу XX в. был по-прежнему актуален [11]. В этой ситуации поездки на Запад видных просветителей и общественных деятелей, например, Дварканатха Тагора или Махатмы Ганди, были весьма резонансными и сами по себе преподносились как гражданский подвиг [1, с. 792-793]. Неудивительно, что, к примеру, в среде бенгальской интеллигенции такие эпатажные путешествия стали своеобразной модой [30].

Вивекананда, характеризуя себя как путешественника, с некоторой долей иронии проводит параллель между собой и Хануманом – персонажем древнеиндийского эпоса «Рамаяна», вождем обезьян и верным помощником царевича Рамы, аватары бога Вишну. Хануман, обожествляемый вишнуитами, совершил ряд путешествий (или, точнее даже, марш-бросков) по всему Индостану от Гималаев до Цейлона, чтобы помочь Раме победить демона Равану. Таким образом, Вивекананда, с одной стороны, позиционирует себя как «современного индийца», с другой – представляет своё путешествие как дело богоугодное.

Яркая особенность произведений Вивекананды – ирония, в том числе самоирония, доходящая порой до сарказма. Автор, почитаемый в современной Индии как религиозный авторитет и националист в позитивном смысле этого слова [16], хлётко и остроумно высмеивает европейцев и бенгальцев, христиан, мусульман, буддистов и даже собратьев-индусов, что можно заметить на примере нижеприведённых цитат. Как видно, Вивекананда одинаково далёк как от некоего ура-патриотизма, так и от преклонения перед другими цивилизациями.

Необходимо отметить, что Вивекананда, глубоко изучивший основные школы индуизма под руководством наиболее видных философов, а также историю и литературу Индостана, получил европейское образование. Он обучался в престижном Президенси-колледже (ныне имеющем статус университета) в Калькутте, созданном совместными усилиями бенгальской аристократии и колониальных властей. Вивекананда скрупулёзно изучал работы Г. Спенсера, с которым он переписывался и труды которого переводил на бенгальский язык, а также Д. Юма, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ч. Дарвина [13; 18]. Он свободно владел английским и французским языками и, как можно судить по его трудам, был хорошо знаком с западной культурой. Автор даёт очень высокую оценку греческой античности, считая её колыбелью мировой науки и искусства, но ни в коем случае не прямой предшественницей европейской цивилизации. Среди своих друзей и близких знакомых он упоминает таких знаменитых людей XIX – XX в., как немецкий индолог Макс Мюллер, американский изобретатель и публицист Хайрем Стивенс Максим (создатель пулемёта Максима), французская актриса Сара Бернар.

⁴ Дхарма-шастры – древнеиндийские религиозно-правовые трактаты.

Стоит упомянуть и о попутчиках Вивекананды в путешествии по Европе. В их числе оказались: Эмма Кальве (1858 – 1942), известная французская оперная певица, блиставшая на сценах Гранд-Опера, Метрополитен-оперы, Ковент-Гардена, Мариинского и Большого театров; Жюль Буа (Анри Антуан Жюль-Буа, 1868 – 1943), французский писатель, критик, дипломат, оккультист, полемизировавший с Римско-католической церковью и изучавший индийские религиозные практики под руководством Вивекананды, а также скандально известный отец Гиацинт (Шарль Луазон, 1827 – 1912), проповедник Собора Парижской Богоматери, отказавшийся от сана в результате конфликта с Римско-католической церковью по ряду вопросов, включая принятие Ватиканским собором в 1870 г. догмата о непогрешимости папы римского [28]. В Стамбуле Вивекананда общался с французским послом.

Между религией и политикой

Весьма деликатный вопрос, встающий при анализе взгляда Вивекананды на Запад, – его отношение к христианству, которое можно мягко охарактеризовать как критичное. Недаром среди его западных друзей и собеседников было немало людей с антихристианскими и вообще атеистическими взглядами. Автор постоянно подчёркивал, что христианские (прежде всего, протестантские) проповедники твердят о ложности и аморальности индусских учений и варварском образе жизни индусов, но в то же время не желают трезво взглянуть на самих себя: «...невозможно понять, что славный протестантизм сделал с Северной Европой, пока не увидишь протестантское духовенство» [31]. Его критика направлена против тех, «кто очень ясно критикует взгляды других и выдвигает против них аргументы, однако, когда речь заходит о них самих, отделяется элементарным «я просто верю, моё сознание говорит в пользу истинности этого»» [31].

Вивекананда заявляет, что доказательств существования Иисуса Христа имеется не больше, нежели подтверждений существования какого-нибудь из индусских богов, в то же время христианство с момента возникновения отличалось явным фанатизмом, что проявилось в гонения против видных учёных и мыслителей на протяжении эпох (от математика из Александрии Гипатии до Джордано Бруно и Вольтера). Неудовлетворительным считает Вивекананда и положение евреев в современной ему Европе. При этом, по убеждению автора, христианство не демонстрирует резких расхождений с другими религиозными учениями, более того, во многом напоминает зороастризм.

Давая оценку отношению Вивекананды, выдающегося индусского деятеля, к христианству, стоит помнить о развёрнутой миссионерской, прежде всего, протестантской, деятельности в Индии. Она, конечно, не принимала таких ожесточенных форм, как христианизация Америки конкистадорами, однако была постоянной, педантичной, настойчивой. Миссионеры нередко прибегали к прямому оскорблению индусских учений и практик, очевидно, не желая принимать

того факта, что столкнулись с развитой религиозной системой. Подобное стремление «образумить варваров» не могло не вызывать ответного негатива. Подход Вивекананды к христианству, с одной стороны, отражал вековые тенденции в индуизме, с другой – в немалой степени сформировал отношение к «религии Запада» в современной Индии.

С точки зрения индуса, каждый народ имеет свою религию: религия Индии – индуизм, религия Запада – христианство. Переход в чужую веру означает и отказ от своих корней, своей культуры. При этом индуизм представляет собой своеобразную религию – неинституционализированную, не имеющую канона – единого священного текста и установленной обрядности – и соединяющую множество разнородных, порой противоречивых воззрений. В таких условиях вера в Иисуса Христа сама по себе вполне приемлема, а необходимость официального крещения абсолютно неочевидна. Крещение для индуса акт в первую очередь не духовный, а социальный и политический. Церковная традиция связывает первую проповедь христианства в Индии с деятельностью апостола Фомы, однако общины потомков первых христиан (Маланкарская православная церковь, Сиро-малабарская католическая церковь) немногочисленны и базируются в основном на юге страны. Для большей части Индии христианство – религия колонизаторов, империалистов, а переход в христианство – акт коллаборационизма и помощь в осуществлении политики «разделяй и властвуй». С этим связывают тот факт, что христианская община принимала слабое участие в национально-освободительной борьбе. Более того, активность сепаратистов в северо-восточных штатах современной Индии не слишком оправданно списывается на христианизацию этих территорий [5; 9].

В этом контексте деятельность Вивекананды и появление такого, казалось бы, немислимого явления, как индусский прозелитизм, можно рассматривать в качестве ответа Западу его же оружием. Веданта стала той «мягкой силой», которая могла бы привлечь к индийским националистам западных сторонников.

Запад: декаданс, нищета и Германия на марше

В отличие от некоторых, явно наивных апологетов английского господства в Индии, Вивекананда не строит иллюзий по поводу отношения англичан к индийцам. Его смешат попытки индийской элиты подражать англичанам в манерах и одежде, иногда доходящие до стремления полностью отказаться от собственной религии и культуры. Ведь любой индиец, вне зависимости от манер и происхождения, для них остаётся «туземцем». В этом плане, иронично отмечает Вивекананда, колонизаторов стоит поблагодарить за такое объединение страны: «... в нашей стране мы часто слышим, что некоторые принадлежат к благородным, а некоторые к низшим слоям. Однако в глазах Правительства мы все, без исключения, “туземцы”. Махараджи, раджи, брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры – все принадлежат к одному и тому классу “туземцев”... О, английское правительство,

по твоей милости, по крайней мере на мгновение я ощущаю себя одним целым со всей массой “туземцев”» [31].

Однако, отмечает Вивекананда, англичане могут воображать себя властителями дум лишь в колониях, но не в Европе. Более того, их звезда на грани заката. В частности, это касается индийской торговли: «Индийская торговля, индийские доходы и так далее сейчас в руках англичан; именно поэтому они сейчас впереди всех. Однако теперь индийская продукция растёт в странах, подобных Америке, даже лучше, чем в Индии, и, таким образом, она в некоторой степени потеряла свой престиж» [31]. Индийцы в Европе начинают активно занимать рабочие места англичан, например, в сфере обслуживания.

Более того, по европейским меркам, английская культура не представляет собой ничего исключительного, а английским языком в континентальной Европе мало кто владеет.

Центр притяжения западной цивилизации, по мнению Вивекананды, – Париж: «В этом году Париж стал центром всего цивилизованного мира, потому что в этом году проходит Парижская выставка и здесь собрались мужчины и женщины со всей планеты» [31]. Характеризуя европейские города, индеец отмечает: «После Парижа на Западе нет иных городов; всё лишь подражание Парижу, по крайней мере, попытка подражать» [31]. Франции в травелогe уделено больше внимания, нежели другим странам. В сочинении «Восток и Запад», где Франции посвящена отдельная глава, Вивекананда повторяет, что Франция «первоисточник всего высокого, что есть в Европе», «центр Западной цивилизации» [32, с. 82–83]⁵.

Однако эпоха процветания Франции, по мнению автора, близится к закату: «С одной стороны луна заходит – поработившая весь мир Франция медленно пожирает себя в качестве ожидаемой расплаты, – в то время как с другой стороны централизованная, молодая и могущественная Германия начала своё наступление быстрыми темпами за горизонт... Сегодня Германия – диктатор всей Европы...» [31]. Вивекананда даёт высокую оценку германской политике в различных сферах: развитие промышленного производства, по некоторым показателям опережавшего британское, создание всемирной торговой сети, укрепление обороноспособности и, как основа всех достижений, введение обязательного всеобщего образования и искоренение неграмотности. Германия – единственная страна, характеризуя которую автор регулярно употребляет слово «передовой». С явным уважением Вивекананда относился и к таким созидателям Германской империи, как Бисмарк и Мольтке.

Упоминая о том, что Турцию называют «больным человеком» Европы⁶, Вивекананда предлагает назвать Австрию «больной дамой». Австро-Венгрия, по

⁵ Восхищение Францией, характерное для бенгальской элиты колониального периода, вероятно, было связано с тем, что французы были союзниками последнего *наваба* (правителя) Бенгалии Сираджа уд-даулы в борьбе против британской Ост-Индской компании.

⁶ Предположительно, это словосочетание впервые было употреблено Николаем I в беседе с австрийским канцлером К. фон Меттернихом [7].

его мнению, живёт ли лишь воспоминаниями об ушедшем славном прошлом; будущего государство в сложившемся виде не имеет. При этом «... причины, способствовавшие постепенному упадку Турции, наблюдаются и здесь – это, так скажем, смесь разных народностей и языков... Австрия не в силах переварить их. Как следствие, она деградирует» [31].

Весьма ожидаемо, по мнению индийца, отделение Венгрии: «Венгры снова и снова боролись за отделение от Австрии, и сегодня страна объединена лишь формально. Австрийский император лишь называется королём Венгрии» [31].

Немалый удар по Австрии уже нанесло отделение Италии. Италия, по мнению автора, заслуживает уважения за героическую национально-освободительную борьбу. «К несчастью, однако, молодая Италия, последовав дурному совету Англии, решила создать мощную армию и флот. Но откуда взять деньги? Как следствие, обременённая долгами Италия находится на пути к краху. К своей беде, она добавила себе проблем, решив увеличить свою империю за счёт Африки» [31].

По мнению Вивекананды, только три государства в Европе – Англия, Франция и Германия – демонстрируют высокий уровень развития. В других же странах ситуация несколько плачевна, что, иронизирует автор, «...я почти был готов поверить, что я снова в Индии!» [31] Особенно тяжело положение в Восточной Европе – Болгарии и Сербии, обескровленных войной за независимость. Европа же не оказывает им никакой помощи: «Европейцы лишь насмеются над сербами, болгарами и другими народами и попрекают их ошибками и недостатками» [31]. В таких условиях судьба восточноевропейских стран также predetermined, заключает Вивекананда: «Конечно, рано или поздно, однажды они будут поглощены Россией» [31].

Весьма печальна, с точки зрения Вивекананды, стагнация арабского мира. Аравийскую пустыню он называет «матерью героев», а эпоху расцвета Арабского халифата характеризует следующими словами: «Когда фанатизм христиан и варварство готов уничтожили древние греческую и римскую цивилизации... когда в Индии закатилось яркое солнце Паталипутры⁷ и Удджайна⁸, оставив бремя правления безграмотным тиранам – когда таково было положение в мире, этот незначительный, грубый народ арабов явился как светоч» [31].

Что же касается России, то её Вивекананда не посещал, и она лишь вскользь упоминается в тексте как великая империя.

Мировая война и закат Европы

Индийский философ наблюдал в Европе некоторые положительные тенденции. Его, как представителя колонизированной страны, прежде всего привлека-

⁷ Паталипутра – современная Патна, административный центр штата Бихар. В IV в. до н.э. – VI в. н.э. была столицей древнеиндийских империй, отличалась высоким уровнем образования и искусства.

⁸ Удджайн – политический, экономический и культурный центр Древней Индии.

ли признаки «пробуждения» европейских народов, стремление их к большей самостоятельности, подлинной независимости и более справедливому устройству. Как отмечал впоследствии мыслитель, «свобода, равенство и братство» больше не слышны во Франции: она теперь преследует другие идеалы и другие цели; однако дух Французской революции еще жив в иных странах Европы» [32, с. 86].

Однако в целом будущее Старого света представляет Вивекананде весьма смутным. Его крайне настораживает милитаризация европейских стран и всё усиливающиеся националистические настроения, которые неминуемо должны привести к страшной войне после смерти австрийского императора Франца-Иосифа II⁹. Как предполагает Вивекананда, после отделения Венгрии Германия пожелает аннексировать немецкоязычную часть Австрии, а Россия постарается присоединить её славянские земли. Завышенные запросы сильнейших стран не могут не привести к их столкновению, в начавшуюся войну ввяжется и Османская империя. Как видим, прогноз индийца частично оправдался в первой половине XX в., тенденции, оформившиеся в Европе, он уловил верно.

Еще один процесс, который настораживает Вивекананду, – культурная унификация, происходящая в Европе. Вследствие неё европейцы лишаются способности мыслить свободно. «Вся Европа постепенно начинает одинаково одеваться и одинаково жить! По закону природы, это признаки приближения смерти!.. Машины никогда не говорят “да” или “нет”, никогда ни о чём не задумываются...» [31].

Самокритика

Таким образом, картина Запада, нарисованная Вивеканандой для бенгальских читателей, более или менее ясна. Однако на повестке остаётся ещё один вопрос: какой же видит автор свою родину в сопоставлении и соприкосновении с европейской цивилизацией?

Вивекананда весьма категорично и обоснованно полагает, что могущество Запада и, в первую очередь, Великобритании базируется на эксплуатации природных и трудовых ресурсов Индии, что европейцы не желают признавать.

Крайне важный для автора момент – влияние индийской культуры на европейскую, о чём сами европейцы порой также избегают говорить, предпочитая традиционно характеризовать индийцев как варваров. «Влияние Веданты на европейскую поэзию и философию очень велико. Каждый хороший поэт, по моему, сторонник веданты; и кто бы ни писал философских трактатов, в той или иной степени вынужден обращаться к веданте» [31]. Трудно поспорить здесь с Вивеканандой, учитывая те свидетельства глубокого изучения индийской философии, которые можно обнаружить в трудах Гегеля, Шопенгауэра, Ницше и других. Да и знаменитый индолог и приятель Вивекананды М. Мюллер писал: «Было

⁹ Франц-Иосиф II умер в 1916 г.

бы нетрудно привести множество подобных мест из Вордсворта, Гёте и других, чтобы доказать, что в конце концов в нас остаётся немало индийской закваски, хотя мы и неохотно признаёмся в этом» [3, с. 194].

Однако, не принимая колониального господства англичан в Индии, Вивекананда в то же время отказывается считать индийцев несчастными жертвами экспансии. Он убеждён, что население и, в первую очередь, элита сама повинна в сложившейся ситуации в силу своей косности, трусости и неготовности брать ответственность, бороться и возглавлять народные массы. Именно это в своё время послужило основной причиной поражения Сипайского восстания, несмотря на наличие вооружения, провианта и солидный военный опыт солдат. «Мы все хотим быть лидерами, не принося необходимых жертв. А результат нулевой – никто нас не слушает!

Сколько бы вы ни гордились своим происхождением от предков-ариев и день и ночь ни воспевали славу древней Индии, как бы вы ни бахвалились правами своего рождения, вы, высшие классы Индии, считаете ли вы себя живыми? Вы всего лишь десятитысячелетние мумии!» [31]

Успех достигается через преодоление препятствий, однако в Индии осознание этого ещё не пришло. «Кто же на свете может сравниться с нами (особенно, с бенгальцами) в болтовне и споре?» – вопрошает мыслитель [31].

Ещё один аспект, вызывающий возмущение Вивекананды, – отсутствие в Индии, в отличие от Запада, гуманитарной дисциплины, изучающей «религии, традиции, расы и т.д. различных, в том числе отдалённых, стран» [31], т.е. того, что в современной литературе называют регионоведением. Здесь Вивекананда в определённой степени выступает как предтеча Э. Саида с его знаменитым «Ориентализмом», указавшим на полное доминирование в гуманитарной науке западных взглядов на Восток.

Более того, не предпринимается никаких попыток распространять образование и науку вообще. «И по чему можно учиться на бенгальском языке? В лучшем случае по плохим романам и пьесам! Опять же, непременным условием образования в наше время стало владение иностранным языком или санскритом, а это доступно лишь немногим избранным» [31]. Однако, как отметил он ранее, «...Европа начала развиваться с того момента, как у беднейших низших классов появилась возможность учиться и становиться сильнее» [31]. Единственной современной гордостью индийской цивилизации Вивекананда называет Джагдиша Чандру Боса¹⁰.

Что делать?

Итак, оценка индийской действительности на рубеже XIX – XX вв., когда «жемчужина Британской короны» готовилась к схватке с метрополией за свою

¹⁰ Джагадиш Чандра Бос (1858 – 1937) – индийский физик и биолог, внесший весомый вклад в создание радио и проведший пионерские исследования в области физиологии растений.

независимость, в интерпретации одного из наиболее авторитетных мыслителей той эпохи весьма нелицеприятна. Однако, что же идея помощи Запада в возрождении Индии? Увы, в записках 1899 – 1900 гг. уже нет упований на эту помощь, подобных тем, что Вивекананда озвучил двумя годами ранее. Европейские реалии описаны весьма скептически, и едва ли представленная картина Запада позволяет надеяться на далеко идущее содействие индийским интересам. Вероятно, первые успехи в популяризации индуизма, индийской философии и культуры в США и Европе и появление массы поклонников представились Вивекананде шансом использовать податливость Запада этой «мягкой силе» в своих интересах, в интересах родины. Однако более близкое знакомство с Западом лишило мыслителя иллюзии, что «заграница нам поможет».

В эссе «Восток и Запад» Вивекананда весьма резко резюмирует: «Европеец, а какую страну ты когда-либо поднял на более высокий уровень? Где бы ты ни обнаруживал более слабые расы, ты уничтожал их на корню, абсолютно. Ты поселился на их землях, и они исчезли навеки. Какова история твоей Америки, твоей Австралии и Новой Зеландии, твоих островов Тихого океана и Южной Африки? Где сегодня эти аборигенные расы? Все они уничтожены, ты убил их всех, как будто они были дикими животными. Только там, где у тебя нет возможности это сделать, и только там эти народы еще живы» [32, с. 116–117].

Подтверждают эту мысль и свидетельства Свами Никхилананды, участника индийского национально-освободительного движения, последователя и биографа Вивекананды. Мыслитель говорил, что после близкого знакомства Запад стал казаться ему «адам», подчинённым исключительно коммерческим интересам. Он осуждал тиранию западного крупного бизнеса, который называл «волчьей стаей» [27].

Чувство разочарования, появившееся у индийского мыслителя после второй поездки на Запад, отмечает и его индийский биограф Н.П. Сил, работающий в Пенсильванском университете [23, с. 169].

Главный посыл Вивекананды заключается в необходимости «пробуждения» Индии, мобилизации внутренних сил и прививания согражданам чувства ответственности, с привлечением западного опыта, но в индийских интересах. Прежде всего, речь идёт о формировании национальных институтов, создании доступной системы образования и развитии национальной науки, в том числе гуманитарной. Эту мысль Вивекананда развивал и впоследствии, говоря: «...мы должны держать всё образование, как духовное, так светское, в своих руках, оно должно осуществляться по национальным стандартам, национальными методами, насколько это возможно» [25, с. 557]. Индийцам необходимо избавиться от навязываемого английской школой взгляда на цивилизацию Индии как на тупиковую по своей сути, которая не может развиваться в принципе и потому должна быть замещена европейской – это главная задача. Ведь индийская цивилизация обладает неоспоримым преимуществом перед западной – она сохранила свои древние моральные устои.

Вивекананда особенно акцентировал внимание на всеобщем характере просвещения, отказе от кастовых предубеждений и необходимости развития гражданской сознательности широких масс населения для формирования национального единства. Указанные аспекты впоследствии позволили индийским исследователям даже назвать Вивекананду социалистом [20].

В глазах современников и исследователей

Когда Свами Вивекананда вернулся на родину, некоторые религиозные деятели призывали подвергнуть его остракизму как нарушившего индусский запрет на пересечение океана. Некоторые его оппоненты на Западе впоследствии даже пользовались этим обстоятельством как доказательством того, что Вивекананда не был настоящим индусом, а его деятельность носила якобы одиозный характер [17].

Однако большинство населения встретило мыслителя как живого бога, что весьма характерно для Индии. Имеются свидетельства того, что Вивекананду приветствовали криками «Джай, джай Махадев!» («Слава, слава Великому богу!»), а многие люди, от студентов до раджей, впрягались в его карету [23, с. 160].

Индийцы увидели заслугу мыслителя в том, что он, утверждая превосходство индийской культуры, «перенёс войну в стан врага» [22, с. 62]. Внимание национальной элиты привлекло, главным образом, то, описанное Вивеканандой обстоятельство, что Запад сам весьма ослаблен противоречиями, а европейцы, по мнению мыслителя, лишены духовной опоры, которая есть у индийцев. Эта мысль стала мощной подпиткой формирующегося индусского национализма.

Взгляды мыслителя оказали влияние на таких деятелей национально-освободительного движения, как Субхас Чандра Бос, Бал Гангадхар Тилак и Джавахарлал Неру. С.Ч. Бос, в частности, анализируя этапы национально-освободительной борьбы, назвал Вивекананду «духовным отцом современного националистического движения» [12, с. 18–19]. Дж. Неру писал: «Он [Вивекананда] отрезвил упавших духом и деморализованных индусов, дав им чувство уверенности в себе и некую опору в прошлом» [19, с.337]. Труды Свами Вивекананды находили у многих борцов за независимость, арестованных английскими властями по обвинению в терроризме [10, с. 381]. Открытие Индийского института науки в Бангалоре, ставшего колыбелью современных технологий в Индии, связывают с влиянием взглядов Вивекананды на основателя института Джамшетджи Тату [21, с.31]. Философское наследие Вивекананды в современной Индии бережно хранится и изучается, его взгляды по-прежнему оказывают немалое влияние на мировоззрение интеллигенции.

Здесь нельзя не обратить внимания на развёрнутую Моди популяризацию на международном уровне достижений индийской нематериальной культуры (прежде всего, йоги) – влияние вышеизложенных идей Свами Вивекананды очевидно.

На Западе заслуги Вивекананды перед индийским национализмом никогда не подвергались сомнению. Французский писатель Р. Роллан напрямую связывал подъём национально-освободительного движения в Индии в 1905 г. с деятельностью Свами Вивекананды [29, с. 105–106]. Рост популярности Вивекананды в современной Индии рассматривается как знак преемственности националистической традиции, причём едва ли положительный. Западные обозреватели (зачастую выходцы из индийской диаспоры) констатируют распространение «апокалиптических» идей Вивекананды, вполне соответствующих запросам авторитарного Модии¹¹.

В этой связи представляется целесообразным в дальнейшем изучить вопрос преломления внешнеполитических взглядов Вивекананды в современном восприятии Запада в Индии.

Список литературы:

1. Ванина Е. Из истории индийской навигации: география мореплавания и мифография за претов // Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности/ рук.проекта И.П. Глушкова, отв.ред. С.Е. Сидорова. М.: Наука, 2015. С.792 – 822.
2. Костюченко В.С. Вивекананда. М.: Мысль, 1977. 190 с.
3. Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М.: Искусство, 1995. 516 с.
4. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее/ Т.Н.Загородникова, В.П.Кашин, Т.Л.Шаумян. М.: Наука, 2011. 350 с.
5. Рыбаков Р.Б. Религиозный фактор в социально-политическом развитии Индии (новое и новейшее время) и роль индусского коммунизма. М.: Наука, 1991. 34 с.
6. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.)// Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. №2 (6). С.54 – 72.
7. Тарле Е.В. Крымская война. URL: <http://militera.lib.ru/h/tarle3/01.html> (дата обращения 08.01.2017).
8. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Aghamkar A.Y. Traditional Hindu Views and Attitudes Toward Christianity // *Global Missiology*. 2008. Vol. 2. No. 5. URL: <http://ojs.globalmissiology.org/index.php/english/article/view/244/684> (дата обращения 08.01.2017).
10. Bhattacharya S. Swami Vivekananda and the Indian Freedom Struggle // *Bulletin of the Ramakrishna Mission Institute of Culture*. 2002. Pp.378 – 382.
11. Bindra S.C. Notes on Religious Ban on Sea Travel in Ancient India // *Indian Historical Review*. 2002. Vol.29. No. 1–2. Pp. 29–47.
12. Bose S.C. The Indian Struggle 1920 – 1934 // *Netaji's Life and Writings, Part II*. Calcutta: Netaji Publishing Society, 1948.
13. Dhar S.N. A Comprehensive Biography of Swami Vivekananda. Madras: Vivekananda Prakashan Kendra, 1976. 1508 p.
14. Dwivedi B.N. Swami Vivekananda's Interaction With Scientists and His Appreciation of Them: Celebrating His 150th Birth Anniversary // *Current Science*. 2014. Vol.106. No.2. Pp. 315–317.
15. Farquhar J.N. *Modern Religious Movements in India*. London: Macmillan, 1915. 532 p.
16. Gokhale, B. G. Swami Vivekananda and Indian Nationalism// *Journal of Bible and Religion*.1964. Vol. 32. No. 1. Pp. 35–42. URL: www.jstor.org/stable/1460427 (дата обращения 08.01.2017).
17. Gopalakrishnan V.S. *Crossing the Ocean// Hinduism Today*. 2008: URL: <https://www.hinduismtoday.com/modules/smartsection/>

¹¹ "Modi's Idea of India", URL: https://www.nytimes.com/2014/10/25/opinion/pankaj-mishra-nirandra-modis-idea-of-india.html?_r=0 (дата обращения 10.02.2017); "Narendra Modi and the New Face of India", URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/may/16/what-next-india-pankaj-mishra> (дата обращения 10.02.2017).

- item.php?itemid=3065, (дата обращения 23.09.2016).
18. Maharaj A. Swami Vivekananda's Vedantic Critique of Schopenhauer's Doctrine of the Will// Philosophy East & West. 2017. Vol.67. No.4. Pp.1191–1221.
 19. Nehru J. The Discovery of India. Delhi: Oxford University Press, 1985. 580 p.
 20. Prasad B.S.C. The Socio-Political Philosophy of Swami Vivekananda. Ranchi University, 1979. 280 p.
 21. Rajadhyaksha N. The Rise of India: Its Transformation from Poverty to Prosperity. Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte Ltd, 2007. 250 p.
 22. Sengupta S.C. Swami Vivekananda and Indian Nationalism. Calcutta, Ramakrishna Mission, Golpark, 2001. 170 p.
 23. Sil N.P. Swami Vivekananda: A Reassessment. Susquehanna University Press, 1997. 250 p.
 24. Sil N.P. Swami Vivekananda in the West: the Legend Reinterpreted // South Asia: Journal of South Asia Studies. 1995. No.40 (1). Pp.1–53.
 25. Swami Vivekananda. Education on National Lines // Speeches and Writings of Swami Vivekananda. Madras: G.A.Natesan & Co., 1899. Pp. 556-560.
 26. Swami Vivekananda. Letters. Calcutta: Modern Art Press, 1944. 522 p.
 27. Swami Nikhilananda. Swami Vivekananda – A Biography. URL: http://www.ramakrishnavivekananda.info/vivekananda_biography/vivekananda_biography.htm (дата обращения 08.01.2017).
 28. Amsler F., Scholl S. (dir.) L'apprentissage du pluralisme religieux: le cas genevois au XIXe siècle. Genève: Labor et Fides, 2013. 288 p.
 29. Rolland R. La Vie de Vivekananda et l'évangile universel. Stock, 1977. 346 p.
 30. চক্রবর্তী, শ্রয়েসী| দূর এসেছিল কাছে... (Чакр-борти Ш. Далёкое стало близким). URL: <http://www.parabaas.com/PB56/LEKHA/pShreyosi56.shtml> (дата обращения 08.01.2017).
 31. স্বামী ববিকোনন্দ| পরিব্রাজক (Свами Вивекананда. Бродяга). URL: http://www.ramakrishnavivekananda.info/vivekananda/volume_7/translation_of_writings/translation_of_writings_contents.htm (дата обращения 08.01.2017).
 32. স্বামী ববিকোনন্দ| প্রাচ্য ও পাশ্চাত্য (Свами Вивекананда. Восток и Запад). Udbodhan, 1909. 96 p.

Об авторе:

Елена Васильевна Волгина – третий секретарь МИД России. Министерство иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119200, Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34.
E-mail: ele-volgi@yandex.ru.

FROM OPTIMISM TO DISAPPOINTMENT: THE EVOLUTION OF SWAMI VIVEKANANDA'S ATTITUDE TOWARDS THE WEST

Elena V. Volgina
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-161-178

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article belongs to the body of imageological studies dealing with mutual perceptions of nations, communities and cultures as well as the idea of "Other". The main topic is the

evolution of attitude to the West in the works of Swami Vivekananda, who was a social and religious figure on the cusp of XIX – XX centuries and an ideologist of Indian nationalism. It is widely known that roots of the actual social and political thought in India go back to the period of colonialism. With the status of one of the most influential thinkers in modern India and attention paid to the legacy of Vivekananda by ruling Bharatiya Janata Party and Prime Minister Narendra Modi, his case appears to be of a considerable importance. Vivekananda spent years in America and Europe, establishing contacts and promoting Indian culture. He used it as a “soft power” to draw attention of the West to the national liberation struggle just starting to unfold in India. So the research goal is to trace the transformation of Swami Vivekananda’s attitude to the West and find out how its picture after the author’s close acquaintance with Western countries is different from the one in his earlier works. In this context the research focuses on his travel writings created while in the West as well as back in India. In addition to a number of traditional means of research, i.e. historical genitival and historical comparative, content analysis and discourse analysis are also employed. The result of the research says for a rather significant devaluation of the West in Swami Vivekananda’s eyes. His views develop from an enthusiastic, optimistic expectation of Western help in the struggle against British colonialism to the realization that the declining West, torn by interstate differences on the verge of a great war, is not willing to provide an active support to the Indian people, notwithstanding its interest to the Indian civilization. So his last works present evident criticisms of the West and appreciation of India as the source of moral integrity, which the West is devoid of and which is vital for a further development of the mankind.

Key words: Swami Vivekananda, India, West, imageology, colonialism, nationalism, “soft power”, Narendra Modi.

References

1. Vanina E. Iz istorii indiiskoi navigatsii: geografii moreplavaniia i mifografiia zapretov [From the history of Indian navigation: the geography of seafaring and mythography of bans]. *Under the Sky of South Asia. Mobility and Space: In quest of Meanings Beyond Stasis*. Head of the project I.P. Glushkova, Ed. S.E. Sidorova. Moscow: Nauka, 2015. Pp. 792 – 822. (In Russian).
2. Kostiuichenko V.S. *Vivekananda*. Moscow, Mysl’ Publ., 1977. 190 p. (In Russian).
3. Müller M. *The six systems of Indian Philosophy*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 516 p. (In Russian).
4. *Obraz Rossii v obshchestvennom soznanii Indii: proshloe i nastoyashchee* [The image of Russia in public opinion in India: the past and the present] by T.N.Zagorodnikova, V.P.Kashin, T.L.Shaumyan. Moscow, Nauka Publ., 2011. 350 p. (in Russian).
5. Rybakov R.B. *Religiozniy faktor v sotsial’no-politicheskom razvitii Indii (novoe i noveishee vremia) i rol’ indusskogo kommunalizma* [The religious factor in social and political development of India (in the early modern and modern period) and the role of Indian communalism]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 34 p. (In Russian).
6. Senyavski A.S., Senyavskaya E.S. *Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniia “obraza vruga” (na materialakh rossiiskoi istorii XX v.)* [The historical imagology and the problem of building of “the enemy’s image” (on the materials of Russian history of the XXth century)]. *RUDN Journal of Russian History*, 2006, no. 2 (6), pp.54 – 72 (in Russian).
7. Tarle E.V. *Krymskaia voina* [The Crimean War]. Available at: <http://militera.lib.ru/h/tarle3/01.html> (accessed 08.01.2017). (In Russian).
8. Foucault M. *L’archeologie du savoir*. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 1996. 208 p. (In Russian).
9. Aghamkar A.Y. *Traditional Hindu Views and Attitudes Toward Christianity*. *Global Missiology*, 2008, vol. 2,

- no. 5. Available at: <http://ojs.globalmissiology.org/index.php/english/article/view/244/684> (accessed 08.01.2017).
10. Bhattacharya S. Swami Vivekananda and the Indian Freedom Struggle. *Bulletin of the Ramakrishna Mission Institute of Culture*, 2002, no. 8, pp. 378 – 382.
 11. Bindra S.C. Notes on Religious Ban on Sea Travel in Ancient India. *Indian Historical Review*, 2002, vol. 29, nos. 1–2, pp. 29–47.
 12. Bose S.C. *The Indian Struggle 1920 – 1934. Netaji's Life and Writings*, Part II. Calcutta, Netaji Publishing Society Publ., 1948. 340 p.
 13. Dhar S.N. *A Comprehensive Biography of Swami Vivekananda*. Madras, Vivekananda Prakashan Kendra Publ., 1976. 1508 p.
 14. Dwivedi B.N. Swami Vivekananda's Interaction With Scientists and His Appreciation of Them: Celebrating His 150th Birth Anniversary. *Current Science*, 2014, vol. 106, no.2, pp. 315–317.
 15. Farquhar J.N. *Modern Religious Movements in India*. London, Macmillan, 1915. 532 p.
 16. Gokhale, B. G. Swami Vivekananda and Indian Nationalism. *Journal of Bible and Religion*, 1964, vol. 32, no. 1, pp. 35–42. Available at: www.jstor.org/stable/1460427 (accessed 08.01.2017).
 17. Gopalakrishnan V.S. Crossing the Ocean. *Hinduism Today*, 2008: URL: <https://www.hinduismtoday.com/modules/smartsection/item.php?itemid=3065> (accessed 08.01.2017).
 18. Maharaj A. Swami Vivekananda's Vedantic Critique of Schopenhauer's Doctrine of the Will. *Philosophy East & West*, 2017, vol. 67, no. 4, pp. 1191–1221.
 19. Nehru J. *The Discovery of India*. Delhi, Oxford University Press Publ., 1985. 580 p.
 20. Prasad B.S.C. *The Socio-Political Philosophy of Swami Vivekananda*. Ranchi University, 1979. 280 p.
 21. Rajadhyaksha N. *The Rise of India: Its Transformation from Poverty to Prosperity*. Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte Ltd, 2007. 250 p.
 22. Sengupta S.C. *Swami Vivekananda and Indian Nationalism*. Calcutta, 2001. 170 p.
 23. Sil N.P. *Swami Vivekananda: A Reassessment*. Susquehanna University Press, 1997. 250 p.
 24. Sil N.P. Swami Vivekananda in the West: the Legend Reinterpreted// *South Asia: Journal of South Asia Studies*. 1995. No.40 (1). Pp.1–53.
 25. Swami Vivekananda. Education on National Lines. *Speeches and Writings of Swami Vivekananda*. Madras, G.A.Natesan & Co. Publ., 1899. Pp. 556-560.
 26. Swami Vivekananda. *Letters*. Calcutta, Modern Art Press Publ., 1944. 522 p.
 27. Swami Nikhilananda. Swami Vivekananda – A Biography. Available at: http://www.ramakrishnavivekananda.info/vivekananda_biography/vivekananda_biography.htm (accessed: 08.01.2017).
 28. Amsler F., Scholl S. (dir.) *L'apprentissage du pluralisme religieux: le cas genevois au XIXe siècle*. Genève: Labor et Fides, 2013. 288 p.
 29. Rolland R. *La Vie de Vivekananda et l'évangile universel*. Stock, 1977. 346 p.
 30. Chakroborty S. Dūr eshechilo käche [The far had come near]. Available at: <https://www.parabaas.com/PB56/LEKHA/pShreyosi56.shtml> (accessed: 08.01.2017). (In Bengali).
 31. Swami Vivekananda. Paribrājak [Vagabond] Available at: http://www.ramakrishnavivekananda.info/vivekananda/volume_7/translation_of_writings/translation_of_writings_contents.htm (accessed: 08.01.2017). (In Bengali).
 32. Swami Vivekananda. *Prāchya o Pāschatyā* [The East and the West]. Udbodhan, 1909. 96 p. (In Bengali).

About the author:

Elena V. Volgina – Third Secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: ele-volgi@yandex.ru.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ: РОССИЯ И БРАЗИЛИЯ НА РЫНКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ САМОЛЁТОВ

М.Г. Евтодьева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова РАН

В статье исследован опыт Бразилии и России в области разработки и продажи региональных самолётов. Опираясь на методологические подходы, в рамках которых отрасли промышленности рассматриваются в качестве отраслевых инновационных систем, автор анализирует проекты региональных самолётов Embraer ERJ-145 и E-Jet и проект ГСС-ОАК «Сухой Суперджет» (SSJ-100) с точки зрения коэволюции компаний, технологий, развития и динамики спроса и развития институтов и регулятивных норм, т.е. ключевых элементов инновационной системы. История продвижения на лидерские позиции на мировом рынке региональных самолётов бразильской Embraer показывает, что в её стратегии были успешно использованы как технологические, спросовые и регулятивные «окна возможностей», так и ряд благоприятных условий развития отраслевой инновационной системы (сильные финансируемые правительством исследовательские центры в аэрокосмической сфере, риск-разделённые партнёрства, кластеры и др.). Кроме того, компания Embraer выработала выгодные форматы взаимодействия с зарубежными компаниями и инвесторами, позволившие в конечном счёте обеспечить существенный рост продаж авиалайнеров.

В рамках проекта SSJ-100 также была предпринята попытка учесть открывшиеся перед российской авиаотраслью в 2000-е гг. технологические, спросовые и регулятивные возможности. Однако усилению позиций ОАК на мировом рынке гражданских самолётов помешали отсутствие ряда предварительных условий для технологического рывка, в том числе связанных с незрелостью инновационной системы, недоработанность и в целом недостаточная прозрачность механизмов финансирования и инвестирования, некоторые технологические недоработки в рамках проекта SSJ, а также низкая эффективность продаж, которые не удалось органично увязать со стратегией партнёрств с зарубежными авиахолдингами и развитием международной кооперации.

Ключевые слова: авиационная промышленность, рынок региональных самолётов, отраслевая инновационная система, кластеры, риск-разделённые партнёрства, Embraer, Объединённая авиастроительная корпорация, «Гражданские самолёты Сухого».

УДК 316.422 JEL O33, P42

Поступила в редакцию 28.04.2018 г.

Принята к публикации 26.06.2018 г.

Анализ динамики авиационной отрасли промышленности в различных странах мира через призму особенностей развития отраслевых инновационных систем (ОИС) широко применяется в последние годы многими зарубежными исследователями [11; 14; 16]. Считается, что такой подход в большей степени подходит для понимания развития авиастроения, чем теоретические подходы, фокусирующиеся на отдельных элементах структуры отрасли – как, например, теории производственных циклов в промышленности, рассматривающие в первую очередь развитие структуры производства. Авиационная отрасль отличается рядом особенностей, и прежде всего высокими барьерами, ограничивающими доступ к рынку для новых компаний, что обусловлено высокой стоимостью научно-технологических и финансовых «вложений» в проекты разработки новых воздушных судов [6, с. 4–5; 16]. В стремлении выйти со своими проектами региональных либо магистральных самолётов на мировой рынок – в условиях, когда на нём прочно лидируют такие компании, как Boeing и Airbus (в продажах магистральных самолётов), и Embraer и Bombardier (в продажах региональных самолётов¹) – многие крупные авиастроительные компании обращаются к стратегиям догоняющего (catch-up) развития, ориентированным на «прорыв на рынок» [14]. В этой связи повышается значимость знаний и компетенций, связанных не только со структурой рынка или новыми технологическими возможностями, но и со всеми другими ключевыми элементами инновационных систем (ИС) [8, 12, 13]. Для выработки эффективных бизнес-стратегий авиастроительных компаний важно учитывать влияние различных элементов инновационной системы друг на друга, особенности взаимосвязей между ними, а также элементы позитивного либо негативного опыта осуществления странами или компаниями тех или иных проектов в авиаотрасли.

В данной статье, опираясь на современные подходы к анализу отраслевых инновационных систем и их динамики, сравнивается опыт Бразилии и России в области разработки, производства и продаж региональных самолётов. В рамках анализа деятельности Embraer рассмотрены проекты ERJ-145 и E-Jet, которые позволили бразильской компании в течение чуть более десятилетия (с конца 1990-х гг. приблизительно к 2008 г.) занять лидерские позиции на мировом рынке региональных самолётов по объёмам продаж. В качестве ключевого российского проекта регионального авиалайнера проанализирована история создания и коммерциализации самолёта «Сухой Суперджет – 100» (SSJ-100) производства Объединённой авиастроительной корпорации (ОАК) и АО «Гражданские самолёты Сухого» (ГСС).

Настоящее исследование выполнено с целью выявить (на основе сравнения SSJ-100 с проектами ERJ-145 и E-Jet) сильные и слабые стороны российской инновационной системы в авиаотрасли, а также ключевые факторы, оказавшие не-

¹ К региональным пассажирским авиалайнерам относятся самолёты дальностью до 4 тыс. км и вместимостью до 100-120 пассажиров.

гитивное влияние на ход реализации и рыночные перспективы проекта «Сухой Суперджет».

Подходы к анализу динамики отраслевых инновационных систем

В рамках анализа отраслевых инновационных систем (ОИС) развитие инноваций и промышленности на отраслевом уровне рассматривается прежде всего с точки зрения соразвития (коэволюции) следующих ключевых компонентов ОИС: совокупности фирм (компаний) отрасли и взаимосвязей между ними и компаниями близких отраслей промышленности (цепочки поставщиков и др.); развития системы знаний, компетенций и технологий; динамики спроса; развития регулирующих институтов и норм. Теоретическую основу отраслевого инновационного анализа образуют инновационный системный подход в экономике, эволюционная теория и, в значительной степени, теории конкуренции (в частности, М. Портера). С позиций отраслевого инновационного подхода, ход и специфика инновационных процессов в различных отраслях существенным образом отличаются в зависимости от параметров развития фирм (различий в системе знаний и компетенций, осуществляемых ими исследований и разработок, производственных инвестиций, стратегий фирм и их организационной структуры), специфики знаний и производственных технологий, меняющихся характеристик спроса, типов взаимодействия и влияния других акторов в ОИС (конкурирующих фирм, поставщиков, заказчиков, университетов и исследовательских центров, и др.), а также от регулирующих институтов² (стандарты по выпуску продукции, патентные системы, специфические для отрасли финансовые институты и т.п.) [10; 13].

Представляется важным, что при отраслевом инновационном подходе этот широкий спектр факторов, влияющих одновременно как на развитие ИС, так и на производственные процессы, анализируется в динамике. В этой связи значительное внимание уделяется обменов, динамике конкуренции и механизмам отраслевой кооперации с точки зрения коэволюции этих процессов. Безусловно, учитывается, что как компоненты и общая структура, так и значение других факторов, влияющих на развитие ОИС, могут быть различными в зависимости от конкретных рассматриваемых отраслей. А поскольку развитие любой ИС помимо национального имеет локальное и глобальное измерения, то последние также принимаются во внимание и играют роль значимых компонентов отраслевого анализа.

Анализируя особенности современного авиастроения на глобальном уровне, большинство исследователей утверждают, что за несколько последних десяти-

² Деятельность и взаимодействие между фирмами как акторами в ОИС регулируются институтами, которые включают нормы, сформировавшие практики, законодательство, стандарты и др. Роль институтов в отраслевых инновационных системах связана в первую очередь с тем, что они влияют на темп и масштабы технологических изменений, организацию инновационной активности и показатели производительности [13; р. 7–8].

тилетий в отрасли произошёл ряд фундаментальных преобразований на уровне всех ключевых составляющих ИС. В первую очередь они были связаны с переходом от вертикально-интегрированных инновационных систем, доминировавших в отрасли в 1960–1970-е гг., в которых главную роль играли вертикально интегрированные компании и сильные регулирующие институты (Совет по гражданской авиации США и др.) при сравнительно узкой технологической базе, к новым отраслевым инновационным системам сетевого, или интегрированного типа, отличающийся иным типом и способами производства инноваций и конечной продукции.

1. *Изменения на уровне компаний и связей между ними* были вызваны усложнением технологий производства современных самолётов: значительно увеличилось число компонентов для их сборки, конечная сборка стала модульной. С этим было связано появление на рынке (как на национальных, так и на глобальном) большого числа компаний, специализирующихся на конкретных системах и компонентах для авиаотрасли. Вследствие усложнения технологических процессов крупные авиастроительные компании, ориентируясь на сокращение издержек, стали выстраивать более тесные горизонтальные связи с работающими в отрасли компаниями в рамках партнёрств, и одновременно развивать систему субконтрактации в рамках так называемых «цепочек поставщиков» (вертикальные связи, в первую очередь с зарубежными компаниями). Производство многих крупных систем, ключевых для производства авиалайнеров – таких, как двигатели, крылья, системы шасси, авионика или системы управления и контроля – стало передаваться на аутсорсинг компаниям-субподрядчикам (подрядчикам первого уровня), концентрирующим усилия на разработке соответствующих производственных технологий. В свою очередь, компании-подрядчики первого уровня стали передавать производственные функции и часть НИОКР на аутсорсинг компаниям-поставщикам второго уровня и далее «по цепочке». Лидирующие в отрасли крупные компании – такие как Boeing, Airbus, Bombardier, Embraer и другие – стали по большей части выполнять функции системных интеграторов, отвечающих за общую организацию производственного процесса, финальную сборку и ряд сопровождающих процессов, включая организацию продаж [8; 14].

Другой важной особенностью нового типа системной организации авиаотрасли стали кластеры – группы географически соседствующих взаимосвязанных компаний (компаний-производителей, поставщиков комплектующих, поставщиков специализированных услуг) и связанных с ними организаций (например, университетов, агентств по стандартизации и др.), действующих в конкретных сферах и взаимодополняющих друг друга [5, с. 256–258]. Ведущую роль в формировании кластеров играли крупнейшие авиастроительные компании, а также компании-поставщики первого уровня, которые стали превращаться в «аттракторы» для других фирм – специализированных поставщиков, субподрядчиков, сервисных и иных компаний [7; 15].

2. *Изменения технологической базы* были связаны в первую очередь с развитием цифровой электроники и электродистанционных систем управления (ЭДСУ) самолётом, заменивших прежнюю механическую (ручную) систему управления. Цифровая электроника и соответствующее программное обеспечение стали на сегодняшний день важнейшими технологиями авиационной отрасли. Кроме того, за последние 15–20 лет значительные преобразования произошли в авиационном двигателестроении, а также в разработках и применении композитных материалов. В двигателестроении стали разрабатываться более экономичные модели двигателей с повышенной топливной эффективностью. Композитные материалы теперь широко используются в конструкции крыльев и частей фюзеляжа современных авиалайнеров. Переход к технологиям бесстапельного и бесплазового производства и к цифровому проектированию самолётов значительно сократил сроки сборки авиалайнеров. Учитывая общую сложность технологического процесса (современный гражданский авиалайнер состоит из не менее 20–30 тыс. деталей и комплектующих), ещё одним важным аспектом «технологического звена» стало начавшееся внедрение крупнейшими авиакомпаниями мира, базирующимися на новых информационных платформах, эффективных систем менеджмента, в том числе охватывающих сферу послепродажного обслуживания [14; 16].

3. *Институциональные рамки и ключевые регуляторы.* Ключевые изменения институтов и регулятивных механизмов были связаны с развитием начиная с 1980-е гг. процессов дерегулирования в авиационной отрасли. Они коснулись в первую очередь США – крупнейшего в мире рынка авиаперевозок, и также стран Европы и многих азиатских стран. В 1985 г. в США был расформирован Совет по гражданской авиации, который занимался сертификацией вхождения перевозчиков на рынок, вопросами конкуренции авиакомпаний и регулированием тарифов для авиалиний. Ликвидация СГА и ослабление функций по ценовой регуляции в рамках Международной ассоциации воздушного транспорта (МАВТ) привели фактически к тому, что конкуренция между авиакомпаниями стала в большей мере превращаться из «конкуренции по качеству сервиса» в ценовую конкуренцию [14]. Развитие в авиаотрасли механизмов финансирования и инвестирования вылилось в широко применяемые практики формирования риск-разделённых партнёрств по разработке и производству моделей авиалайнеров либо их подсистем и компонентов (например, двигателей, авионики и др.). Сформировался обширный рынок услуг по лизингу гражданских авиалайнеров. Крупнейшими компаниями в данной области являются на сегодня лизинговые компании США, стран Европы и Японии, очень активную роль начинают играть лизинговые компании Китая³.

³ Например, в десятку крупнейших компаний мира по авиационному лизингу входят GECAS, Aercap, SMBS и ряд других компаний. См.: Top 10 Lessors and Mid-Life Aircraft Market Trends. URL: <http://www.mro-network.com/maintenance-repair-overhaul/top-10-lessors-and-mid-life-aircraft-market-trends> (дата доступа: 05.05.2018). Ирландская лизинговая компания Avolon с конца 2015 г. вошла в китайский холдинг Bohai Capital, который, в свою очередь, принадлежит китайскому конгломерату HNA Group.

4. *Динамика спроса в мировой авиаотрасли* оценивается исследователями в первую очередь на основе прогнозов крупнейших производственных холдингов (Boeing, Airbus, Bombardier, Embraer), а также исходя из показателей роста/падения авиаперевозок и планов обновления авиапарков, озвученных ведущими авиакомпаниями. В то же время принимается во внимание, что *спрос на глобальном уровне* зависит, в частности, от *цен на нефть* (а следовательно, и на авиатопливо), а если говорить о конкретных контрактах с теми или иными авиакомпаниями – то он определяется в первую очередь *технологическими преимуществами той или иной модели* самолёта, удобством салона и, естественно, ценовыми показателями [4; 16].

Методология исследования

Описанные выше системные изменения в развитии авиационной отрасли, касающиеся всех составляющих инновационной системы: фирм и компаний, структуры знаний и производственных технологий, спроса на продукцию и институциональной и регулятивной сфер – ряд исследователей предлагает рассматривать не только в качестве вызовов для фирм-инкубентов на авиационном рынке, но также в качестве «окон возможностей» для новых участников рынка. Именно «окна возможностей», возникающие на разных уровнях ОИС, могут помочь новым компаниям, придерживающимся зачастую стратегий «догоняющего развития» в завоевании определённых ниш на рынке и/или оспаривании лидерства у закрепившихся на рынке игроков. Таким образом, с точки зрения отраслевого инновационного подхода, лидерство на рынке обеспечивает не только эффективная реализация крупнейшими авиастроительными компаниями функций «системных интеграторов», но также применение ими комплексных бизнес-стратегий, в которых учитываются факторы, связанные с развитием всех составляющих ОИС и использованием соответствующих организационных, спросовых, технологических и регулятивных «окон возможностей».

Ввиду высоких барьеров для входа компаний на мировой рынок, отмечает эксперт Объединённого исследовательского центра при Европейской комиссии Д. Вертези, рассмотренную выше модель отраслевой динамики следует дополнить анализом определённых предварительных условий развития авиасектора, несоответствие которым сводит к минимуму шансы участников рынка на успех в продажах авиалайнеров [16]. К таким условиям относятся технологические, организационные и инвестиционные возможности компаний, высокий общий уровень развития технологий и производственной базы, отраслевого образования и «человеческого капитала», эффективное обеспечение трансфера технологий в рамках ОИС, эффективная система управления отраслью и система инвестирования; опыт компаний в сфере маркетинга и продаж авиалайнеров и ряд других.

Бразильская авиаотрасль, с одной стороны, обладала необходимыми предвзятельными условиями, важными для успешного функционирования инновационной системы, и с другой стороны, компании Embraer удалось выработать эффективные способы реагирования на возникшие технологические, спросовые и регулятивные вызовы. Во многом благодаря этому Embraer, в конечном счёте, смогла добиться лидерских позиций на мировом рынке. В этом смысле её опыт может быть весьма значимым для реализующих проект SSJ-100 ОАК и компании «Сухой», а также для компаний из других стран, занимающихся проектами по региональным самолётам.

Ниже проведено сравнение проектов региональных самолётов компании Embraer и проекта компаний ОАК и ГСС SSJ-100, исходя из следующих элементов развития отраслевых инновационных систем России и Бразилии: 1) эффективность технологических изменений (перестройки технологической базы); 2) учёт изменений в структуре спроса; 3) эффективность связей с компаниями-поставщиками на национальном и на глобальном уровне; 4) эффективность регулирующих институтов (включая инструменты финансирования/инвестирования); 5) конкурентоспособность конечной продукции и эффективность организации продаж.

Embraer: путь к лидерству на рынке региональных авиалайнеров

После приватизации компании в 1994 г. Embraer вместо активного продвижения на рынок военных самолетов сосредоточилась в первую очередь на производстве и продажах региональных авиалайнеров. В 1997 г. бразильская компания вышла на мировой рынок с лайнерами ERJ-145, разработки которых осуществлялись с конца 1980-х гг.^{4,5}. Эти самолёты, составляя весомую конкуренцию региональным лайнерам производства канадской Bombardier, стали успешно продаваться зарубежным авиакомпаниям⁶, чего удалось достичь благодаря опыту, наработанному компанией в предыдущие два десятилетия в области производства и продаж турбовинтовых самолётов, а также более низкой по сравнению с аналогичными самолётами Bombardier их стоимости (15 против 19,5 млн долл.), хорошим техническим характеристикам и удобству салона самолётов. Важную положительную роль при этом сыграли управленческие и лидерские качества руководителя Embraer М. Ботелью [4]. Однако по-настоящему стабильного лидерства на мировом рынке наряду с Bombardier компания Embraer добилась к

⁴ В это семейство вошли модели 37-местного ERJ 135, 44-местного ERJ 140 и 50-местного ERJ-145.

⁵ В течение нескольких лет до приватизации компания испытывала финансовые сложности. Её новый руководитель М. Ботелью провёл сокращение штата и снизил заработную плату всех сотрудников. В то же время на проект ERJ-145 Embraer были получены правительственные ссуды в размере около 100 млн долл., сверх того, правительство оплатило более 20% расходов на разработки ERJ-145 [4, 16].

⁶ Запущенный в 1996 г. в серию реактивный ERJ-145 уже в 1997 г. получил около 300 заказов, а к 1999 г. на рынок уже было поставлено 217 машин этой модели. Одними из первых покупателей этих самолётов стали канадская Air Canada и немецкая Lufthansa Cityline.

2007-2008 гг. благодаря разработке и началу продаж качественно отличающихся по дизайну и бóльших по размерам самолётов новой серии E-Jet – 70-120-местных моделей ERJ-170, ERJ-175, ERJ-190 и ERJ-195.

К концу 1990-х гг. повышение цен на нефть привело к удорожанию обслуживания 50-местных самолётов, поэтому значительно поднялся спрос на 70-120-местные региональные самолёты. В 2001 г. корпорация Boeing прогнозировала, что к 2020 г. спрос на новые 90-120-местные самолёты достигнет приблизительно 3000 единиц. Наряду с открытием спросового «окна возможностей», благоприятные для Embraer изменения произошли и в регулятивной сфере: на национальном уровне была проведена реорганизация авиационной промышленности, а США ослабили ограничения по взлётной массе у самолётов, которые разрешено использовать на американских авиалиниях по контракту с перевозчиками (эти ограничения перестали распространяться на 70-120-местные самолёты). Тем самым были сняты препятствия для выхода бразильских авиапроизводителей на американский рынок [16]⁷.

В технологическом плане новые возможности для Embraer, равно как и для авиастроительных компаний других стран, открылись благодаря разработкам в области авионики, композитов и двигателестроения, применение которых должно было привести к значительному улучшению эксплуатационных и технических характеристик авиалайнеров. Embraer активно включилась в эту «технологическую волну», занимаясь укреплением и одновременно диверсификацией вертикальных и горизонтальных связей с ключевыми субподрядчиками и с поставщиками второго уровня. Помимо обеспечения технологических преимуществ разрабатываемых моделей E-Jet (при поиске возможностей экономии расходов на их разработку), бразильская компания сосредоточилась на сокращении сроков разработки и ввода в эксплуатацию самолётов и поиске стратегических компаний и стран-партнёров, сотрудничество с которыми помогло улучшить ситуацию с инвестированием и вместе с тем содействовать будущим продажам.

Удержав «высокую планку» конкурентных преимуществ проекта E-Jet, Embraer добилась того, что на момент запуска в серийное производство самолёты ERJ-170/175/190/195 стали самими современными моделями на рынке региональных самолётов. Сократить расходы на разработку E-Jet позволило множество общих характерных для всех самолётов Embraer элементов их конструкции, эффективно выстроенная система поставок систем и компонентов⁸, и также оснащение всех самолётов серии одной линейкой разработанных специально для всех типов E-Jet экономичных двигателей (CFM34-8E и CFM34-10E разработки General Electric). Ещё одной важной характеристикой стратегии Embraer стал быстрый ввод в эксплуатацию E-Jet. Например, по ERJ-170 от даты первого по-

⁷ См. также: Scope Clauses and New Regional Jets – A Coming Storm? // *Airsight*, 3 May 2013. URL: <https://www.airinsight.com/scope-clauses-and-new-regional-jets-a-coming-storm/> (accessed 05.05.2018).

⁸ В этих целях Embraer в том числе инвестировал в развитие аэрокосмического кластера в Сан-Жозе-дус-Кампус, где находятся крупные исследовательские институты и многие компании-поставщики Embraer.

лёта (2002 г.) до окончания сертификации и начала серийного производства прошло два года; ещё через два года (2006 г.) серийно выпускались уже 88-местный ERJ-175, 114-местный ERJ-190 и 122-местный ERJ-195. Поддержка бразильскими властями программы экспортного финансирования PROEX (представляющей собой систему коррекции процентных ставок на экспортные кредиты, получаемые иностранными импортерами) также стала для Embraer одной из весомых составляющих успеха, хотя это её применение и привело к разбирательствам по инициативе Bombardier в рамках ВТО о правомерности такого рода субсидий, после чего ставки по кредитам были повышены [15, с. 396–398]⁹.

В продажах самолётов E-Jet бразильский холдинг мог рассчитывать на более чем десятилетний опыт успешной реализации лайнеров ERJ-145, который показал эффективность риск-разделённых партнёрств – соглашений с поставщиками компонентов продукции, в рамках которых объединяются усилия компаний-поставщиков в сфере НИОКР (головным партнёром выступает компания-производитель сложного технического изделия).

В инвестировании проекта E-Jet компания Embraer взяла на себя 45%-ную долю вложений, а остальное финансовое участие удалось обеспечить за счёт привлечения 16 компаний в рамках риск-разделённых партнёрств [9, р. 31]. Действуя при поддержке правительства страны и уже обладая устойчивыми позициями на рынке, Embraer пригласила зарубежных инвесторов, предложивших чёткие перспективы будущих продаж гражданских самолётов, обеспечивая взамен упрощение своим партнёрам доступа на рынок вооружений Бразилии и стран Латинской Америки. Несколько месяцев спустя после запуска проекта E-Jet в 1999 г., 20% акций Embraer было продано группе французских аэрокосмических компаний: EADS, Dassault, Thomson-CSF и Snecma. Вслед за сделкой с французскими компаниями Embraer смогла перенять у Dassault, адаптировав для собственных нужд, компьютеризированную систему дизайна и управления производством, что позволило сделать производственный процесс более гибким и сократить расходы. Риск-разделёнными партнёрами Embraer по проекту E-Je при этом выступили американские General Electric и Honeywell (производители двигателей и авионики), испанская Gamesa (поставки части хвостового оперения и задней части фюзеляжа), немецкая Liebherr (система шасси), японская Kawasaki Heavy Industries (пилоны, композитные материалы для крыла). Для выхода на обширный китайский рынок Embraer совместно с компанией China Aviation Industry Corporation II (AVIC II) открыла в Харбине в 2002 г. завод по сборке ERJ-145¹⁰. Хотя впоследствии китайская сторона отказалась от аналогичного проекта по сборке ERJ-190 (по оценкам, чтобы не создавать помех собственному проекту ARJ-21), китайские авиакомпании заказали не менее 85 ERJ-190. Аналити-

⁹ См. также: Ан-146: Мировые практики господдержки. Корпорация «Иркут». URL: <https://www.aex.ru/docs/9/2010/10/4/1173/> (дата обращения: 05.05.2018).

¹⁰ В 2011 г. по условиям нового соглашения производство ERJ-145 в Харбине было продолжено. К началу 2012 г. на нём был произведён 41 самолёт.

ки отмечают, что стратегия Embraer по завоеванию ниши на китайском рынке за счёт создания совместного предприятия по сборке дала лучший результат (с точки зрения последующих продаж), чем стратегия Bombardier, инициировавшая производство в КНР отдельных систем и компонентов лайнеров Q400 и CSeries.

К числу предварительных условий лидерства Embraer на мировом рынке следует отнести большой опыт исследований в сфере разработки и сборки гражданских самолётов (компания действует с 1969 г.). Значимую роль в развитии бразильской инновационной системы в авиационной отрасли сыграли финансируемые правительством исследовательские центры ИТА (Aeronautical Institute of Technology) и СТА (Department of Aerospace Science and Technology), объединяющие в себе функции по проведению исследований и разработок в аэрокосмической области и подготовке инженерных кадров¹¹. После приватизации 1994 г. Embraer успешно прошла через сложный этап реорганизации, совпавший с реорганизацией всей бразильской авиационной отрасли. Руководство компании по-новому и на новой технологической основе выстроило все ключевые направления деятельности: дизайн авиалайнеров, системы интеграции, продажи и послепродажное обслуживание (на последние две сферы был сделан особый акцент). В 1990-е гг. компании пришлось искать возможности финансирования и одновременно осваивать современные технологии за счёт активного применения инструментов, связанных с риск-разделёнными партнёрствами, привлечением зарубежных инвесторов и более активной маркетинговой политикой, а также размещения производства ряда систем и компонентов за рубежом (в условиях относительной слабости цепочек поставок внутри страны). Однако уже в начале 2000-х гг. увеличившиеся доходы от продаж ERJ-145 и линейки бизнес-самолётов позволили ей сделать вливания в оказавшийся весьма успешным проект E-Jet¹². Тот факт, что Embraer обогнала Bombardier по общим объёмам поставок авиалайнеров в середине 2000-х гг., указывает на успех долгосрочной «догоняющей» по своему характеру стратегии развития этой компании.

ОАК, ГСС и проект «Сухой Суперджет-100»

При инициировании проекта SSJ-100 компания ГСС учитывала прогнозы ведущих мировых авиастроительных холдингов. В частности, Boeing в 2007 г. прогнозировал объёмы закупок региональных самолётов (single aisle aircraft) до 2025 г. в количестве 3450 единиц, и только в дальнейшем несколько снизил прогноз¹³. Облегчить конкуренцию на рынке компаниям ГСС и ОАК должно было то, что в

¹¹ Компания Embraer была образована фактически в качестве спин-оффа СТА.

¹² Продажи самолётов линейки ERJ-145 и ERJ-190 в 2000-е гг. оказались высоки в том числе ввиду ряда просчётов в стратегиях конкурирующих компаний: так, самолёты Boeing и Airbus меньшей вместимости оказались невостребованными из-за высокой цены и высоких операционных расходов, а Bombardier в 2000 г. отказался от дальнейших разработок нового самолёта BRJ-X ввиду высоких расходов на реализацию проекта.

¹³ Согласно прогнозу Boeing от 2017 г., до 2036 г. на мировой рынок будет поставлено 2370 новых региональных самолётов на сумму около 110 млрд долл. См.: Boeing (2017). Current Market Outlook, pp. 4, 79.

сегменте продаж региональных самолётов на тот момент крупнейшими игроками оставались Bombardier (с SRJ разных модификаций) и Embraer, тогда как китайский ARJ-21 и японский MRJ находились только на стадии проектирования.

В плане регулятивных механизмов разработчики стратегии продвижения SSJ-100 могли рассчитывать на положительные эффекты преобразований в российской авиапромышленности, осуществленных в середине 2000-х гг. Речь идёт о консолидации авиапромышленных активов в рамках ОАК (была создана в 2006 г.), повышении государственных расходов на развитие авиационной промышленности и создании более эффективных инструментов финансирования в отрасли, в том числе лизинговых компаний со специализацией на авиационном лизинге¹⁴. При выборе стратегии консолидации авиаотрасли было определено, что государственный пакет акций в ОАК должен быть преобладающим и составлять около 70% всех активов [1].

В целях повышения коммерческой привлекательности нового авиалайнера разработчики проекта SSJ сделали ставку на широкое привлечение в цепочку производственной кооперации зарубежных партнёров авиационных систем и комплектующих, которые поставляли авионику, системы управления, жизнеобеспечения и электроснабжения, топливную систему, элементы внутреннего интерьера и ряд других систем¹⁵. SSJ-100, который к настоящему времени выпускается в нескольких модификациях (пассажировместимостью 75 и 95 кресел в конфигурации с базовой и увеличенной дальностью) оснащается новейшим двигателем SaM-146, созданным российским НПО «Сатурн» совместно с французской Snecma (с 2016 г. Safran Aircraft Engines) на основе риск-разделённого партнёрства [2, с. 31]. Конкурентными преимуществами SSJ-100 должны были стать увеличенная дальность полёта, сравнительно невысокая максимальная взлётная масса и высокая топливная эффективность (планировалось, что по расходу топлива SSJ-100 будет экономичнее конкурирующих авиалайнеров, включая региональные самолёты Embraer)¹⁶.

Параллельно по линии федеральных целевых программ и через другие механизмы государственного финансирования значительные средства были направлены на технологическое переоснащение предприятий отрасли и закупку нового оборудования. Тем самым был обеспечен переход к технологиям бесстапельного и бесплазового производства и к цифровому проектированию; при проектировании и производстве были применены и многие другие перспективные технологии, включая lean-технологии.

Одним из важнейших элементов стратегии ГСС и ОАК стало подключение к проекту «Сухой Суперджет» с 2007 г. в качестве ключевого партнёра и соин-

¹⁴ На рынке лизинговых услуг в авиационной отрасли активно работают ОАО «Ильюшин Финанс Ко» (создана в 1999 г.), ГТЛК (в 2001 г.), АО «ВЭБ-лизинг» (в 2003 г.).

¹⁵ SukhoiSuperjet 100 // Интернет-сайт ПАО «Компания «Сухой». URL: <http://sukhoi.testartwell.ru/planes/projects/ssj100/> (дата обращения: 05.05.2018).

¹⁶ Зайцева О., Хазбиев А. Бразилец лучше // Эксперт, 14-20.03.2011. URL: <http://expert.ru/expert/2011/10/brazilets-luchshe/> (дата обращения: 05.05.2018).

вестора итальянской авиастроительной компании Alenia Aermacchi. С 2009 г. Alenia стала владельцем 25%-ного пакета акций компании ГСС, и кроме того, в рамках совместного предприятия с холдингом «Сухой» SuperJet International стала заниматься кастомизацией и продажами самолётов SSJ для западных компаний-заказчиков, а также глобальным послепродажным обслуживанием¹⁷. За счёт этого сотрудничества планировалось компенсировать отсутствие у отечественных авиапроизводителей опыта в сфере маркетинга и продаж гражданских самолётов зарубежным авиакомпаниям.

Однако в ходе реализации программы «Сухой Суперджет» эта стратегия начала давать сбои по ряду ключевых направлений. Они не были связаны с сильными сторонами авиационной отрасли в России и соответствующими элементами ИС, такими как сильная инженерная школа, отработанность ключевых технологий (например, в двигателестроении), большой опыт в разработке авиационных систем и компонентов. И также в меньшей степени они были обусловлены технологическими преобразованиями в отрасли, а также на уровне компаний¹⁸. Но помимо этого для технологического рывка и выхода на рынок нужные и другие важные условия, а они либо отсутствовали, либо срабатывали лишь частично. В частности, слабым звеном ИС проявила себя способность российских отраслевых компаний к формированию партнёрств по разработке и внедрению новых технологий, продвижению производимой продукции. На реализации проекта негативно сказались и недостатки в системе послепродажного обслуживания, а также низкая эффективность менеджмента и механизмов финансирования.

Главным источником финансирования проекта SSJ-100 были средства бюджета и кредиты государственных банков (преимущественно Сбербанк и ВТБ)¹⁹. Механизмы риск-разделённого партнёрства и государственно-частного партнёрства в российских реалиях развиты слабо, хотя необходимость их укрепления в ходе реструктуризации авиаотрасли декларировалась. В настоящее время ряд экспертов оспаривают эффективность осуществлённых в середине 2000-х гг. сделок с крупнейшими европейскими авиахолдингами (речь об упомянутом выше альянсе с компанией Finmeccanica-Alenia Aermacchi и о покупке в 2006 г. российским ВТБ 5%-ного пакета акций EADS, куда входил авиаконцерн Airbus)²⁰. В частности, российской стороне не удалось развить до достаточных

¹⁷ Итальянский партнёр вышел из «Гражданских самолётов Сухого» // Новости ВПК, 13.01.2017. URL: https://vrk.name/news/172473_italyanskii_partner_vyishel_iz_grazhdanskih_samoletov_suhogo.html. (дата обращения: 05.05.2018).

¹⁸ Напротив, наблюдались положительные эффекты от повышения уровня компетенции российских компаний-поставщиков, занимающихся новыми технологическими разработками (в пример можно привести компанию «Технодинамика», занимающую 46% рынка авиакомплектующих в России и сотрудничающую с зарубежными компаниями-разработчиками авиационных систем), повышения уровня технологической оснащённости на предприятиях отрасли и мер по поддержанию конкурентности среды, в том числе под действием конкуренции с западными поставщиками.

¹⁹ Годовой отчёт Публичного акционерного общества «Объединённая авиастроительная корпорация» за 2016 г. С. 80-81. URL: <http://www.uacrussia.ru/upload/iblock/cd1/cd16c08a5f012f952c56b0d0f068603a.pdf>. (дата обращения: 05.05.2018).

²⁰ Российский лизинг: уроки десятилетия // Aviation Explorer: сетевой журнал, 24.04.2016. URL: <https://www.aex.ru/docs/7/2016/4/24/2421/> (дата доступа: 05.05.2018).

масштабов партнёрство с Airbus²¹ и достичь договорённостей о гарантиях последующих закупок самолётов SSJ европейскими авиакомпаниями, как это имело место, например, в сотрудничестве Embraer с альянсом европейских компаний. Проблемы возникли в том числе по политическим причинам: в ЕС с большим недоверием относятся к активным действиям российского бизнеса (как банков, так и авиастроительных компаний, в которых контрольные пакеты акций принадлежат государству), рассматривая их как экспансию «государственного капитала»²². К тому же неприятие западного бизнеса вызывает недостаточная прозрачность механизмов финансирования и инвестирования, применяемых российскими компаниями. Например, банкротство авиакомпании «Трансаэро» в 2015 г. было воспринято западными аналитиками как свидетельство того, что российские лизинговые компании в авиаотрасли используют в основном соглашения по финансовому, а не по операционному лизингу (а так не принято у крупнейших мировых лизингодателей), и что у многих российских игроков на этом рынке может быть искусственно завышенная балансовая стоимость²³.

С точки зрения менеджмента одним из ключевых негативных факторов являлись задержки со сроками проектирования и сертификации самолёта SSJ (проект был запущен в начале 2000-х гг., а сертификация в EASA завершена только в 2012 г.), что не позволило эффективно использовать соответствующее «спросовое» окно возможностей. Безусловно, сказался и недостаток опыта в сфере маркетинга и продаж гражданских самолётов. По ситуации на февраль 2018 г., из европейских авиакомпаний эксплуатантами SSJ являются только ирландская CityJet и итальянская Blue Panorama Airlines, из авиакомпаний на американском континенте – мексиканская InterJet. Авиакомпании азиатских стран (например, индонезийская PT Sky Aviation и казахстанская Comlux) заказывали лайнеры SSJ-100 не очень крупными партиями. К 2012 г. от планов по приобретению двадцати SSJ отказалась авиакомпания Alitalia в связи с тем, что к требуемым срокам SSJ ещё не был сертифицирован. Сделка о покупке ста SSJ Китаем была отложена на несколько лет – период прохождения сертификации в КНР; при этом в целом закупка остаётся под вопросом. Обсуждавшимся поставкам SSJ Ирану препятствует необходимость получить разрешение американского казначейства (в самолёте много американских комплектующих и систем)²⁴.

²¹ В частности, рассматривался, но был отклонён вариант сотрудничества с Airbus по созданию европейского среднемагистрального самолёта F3 повышенной вместимости, было ликвидировано совместное предприятие с EADS Irkut Seaplane по продвижению самолёта-амфибии Бе-200. Не очень больших объёмов достигли и поставки комплектующих для Airbus российскими компаниями «Иркут» и ВАСО.

²² Показательно с этой точки зрения, что, несмотря на крупные инвестиции, российский представитель так и не был допущен в совет директоров EADS.

²³ Российскому опыту в области авиационного лизинга можно противопоставить китайский. Так, купленная Китаем компания Sale, занимающаяся перепродажей самолётов и лизингом и преобразованная позднее в BOC Aviation, в 2016 г. вошла в пятерку крупнейших мировых лизингодателей. См.: Российский лизинг: уроки десятилетия // Aviation Explorer: сетевой журнал, 24.04.2016. URL: <https://www.aex.ru/docs/7/2016/4/24/2421/> (дата обращения: 05.05.2018).

С рядом стран СНГ ведутся переговоры о поставках SSJ-100 на льготных условиях. Тем временем большинство крупных авиакомпаний стран СНГ активно закупают региональные самолёты Embraer и Bombardier²⁵.

Российские «Суперджеты» покупают в основном не самые крупные зарубежные перевозчики, в первую очередь благодаря невысоким ценам и, по всей видимости, компенсационным соглашениям²⁶. Ряд экспертов считают, что низкий спрос связан с несоответствием технических характеристик SSJ-100 (особенно его первых версий SSJ100/75B и SSJ100/95B) заявленным производителями. Максимальная взлётная масса SSJ, по некоторым оценкам, гораздо выше заявляемой, что снижает и топливную эффективность²⁷.

Дополнительные сложности продолжают создавать и сохраняющие остроту проблемы с послепродажным обслуживанием (ППО) российских лайнеров: из-за несвоевременной поставки деталей для ремонта «Суперджеты» по-прежнему простаивают больше, чем самолёты других крупнейших иностранных производителей²⁸. Повысить эффективность ППО не удаётся почти десять лет (проект «Концепции послепродажного обслуживания авиатехники и другие меры по укреплению системы ППО» был разработан специалистами ОАК ещё в 2008 г.) [3], что, безусловно, также не способствует росту продаж.

В российской авиаотрасли были предприняты попытки преодолеть сложности с технологическим переоснащением предприятий и отсутствием опыта у отечественных авиапроизводителей в сфере ППО и продаж на зарубежные рынки через регулятивную сферу, опираясь на активную государственную поддержку проекта «Сухой Суперджет». Согласно подсчётам СМИ, только через госпрограмму «Развитие авиационной промышленности», по которой финансировалась в том числе реорганизация производственных мощностей для реализации проекта, из бюджета было выделено не менее 90 млрд рублей. Общая же стоимость разработки SSJ-100, с учётом выданных ГСС под госгарантии российскими банками кредитов, оценивается экспертами в диапазоне от 3,5 до 4–5 млрд долл. (иногда и выше)²⁹. На июнь 2014 г. чистый долг ГСС составлял 2,64 млрд долл., и ввиду «необходимости стабилизации финансового состояния» ОАК и ГСС государство осуществило их докапитализацию.

Введение санкций добавило трудностей в реализацию SSJ-100. Санкции затронули фактически все ключевые структурные звенья авиасектора. В про-

²⁵ Зайцева О., Хазбиев А. Бразилец лучше // Эксперт, 14-20.03.2011.

²⁶ Неверов А. Сухой просчёт // Версия, 08.04.2013. URL: <https://versia.ru/superdzhjet-100-obojdjotsya-byudzhetu-poterej-45-milliardov-dollarov> (дата обращения: 05.05.2018)

²⁷ По данным Транспортной клиринговой палаты, реальный расход топлива SSJ на час полёта намного выше объявленных ГСС 1700 кг в час и выше расхода топлива ближайшего конкурента SSJ на мировом рынке - лайнера ERJ-190 (1850 кг). См.: там же.

²⁸ Воробьёв А. Почему простаивают самолёты Sukhoi Superjet // Ведомости, 26.05.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/05/26/691592-nalet-sukhoi-ne-menyetsya> (дата обращения: 05.05.2018).

²⁹ Неверов А. Сухой просчёт // Версия, 08.04.2013; Воробьёв А. «Гражданские самолёты Сухого» конвертируют долг в акции // Ведомости, 23.05.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/05/24/642113-grazhdanskiye-samoleti-suhogo-konvertiruyut-dolg-aktsii> (дата обращения: 05.05.2018).

изводственной сфере стали возникать сложности с поставками ряда систем и компонентов зарубежными производителями, был инициирован пересмотр соглашений с некоторыми компаниями-поставщиками, были подняты вопросы о повышении цен на продукцию³⁰. Кроме того, возникли сложности с закупкой зарубежного оборудования (в частности, станков) для предприятий авиакомплекса. На всё это «наложилось» и выполнение программы импортозамещения по SSJ-100. Для потенциальных заказчиков эти проблемы означали фактически увеличение рисков задержки со сборкой и поставками SSJ или ограничений на требования, связанные с комплектацией³¹.

Итоги сравнительного анализа проектов региональных самолётов компаний Embraer и OAK/ ГСС с точки зрения отраслевого инновационного подхода отражены в таблице 1.

Табл. 1. Сравнительный анализ российской и бразильской ИС в авиаотрасли
Table 1. Comparative analysis of Russian and Brazilian IP in the aviation industry

Компании/ параметры для сравнения ОИС	Embraer (ERJ-145, E-Jets)	ОАК-ГСС (SSJ-100)
Эффективность технологических изменений (перестройка технологической базы)	высокая	средняя (проблемы с заменой оборудования и станков)
Учёт изменений в структуре спроса	высокая	высокая
Эффективность системы связей с компаниями-поставщиками: – на национальном уровне – на глобальном уровне	высокая высокая	высокая средняя (проблемы в связи с санкциями)
Эффективность регулирующих институтов - в том числе инструментов финансирования/ инвестирования	высокая высокая	высокая или средняя (высокая только на национальном уровне) низкая или средняя (в основном государственное инвестирование)
Конкурентоспособность конечной продукции и эффективность продаж	высокая	низкая или средняя (проблемы с продажами и ППО)

Составлено автором.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что неудачи в реализации проекта «Сухой суперджет» были связаны не столько с негативными последствиями антироссийских санкций для авиаотрасли, сколько с недостатками в развитии отраслевой инновационной системы, в том числе касающимися эффективности менеджмента и механизмов финансирования проекта. Если

³⁰ Киселёва М. ГСС предупредила о проблемах с поставками деталей // Ведомости, 18.08.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/08/18/605181-gss-predupredila-o-problemah-s-postavkami-detalei> (дата обращения: 05.05.2018).

³¹ Как правило, иностранные авиакомпании предпочитают оснащение самолётов двигателями и ключевыми системами западных производителей.

приватизированной в 1994 г. компании Embraer удалось оптимизировать систему управления производственным комплексом (создав соответствующую информационную платформу), добиться более эффективного соотношения военной и гражданской программ, а также (что очень важно) перенять зарубежный опыт в сфере соинвестирования, формирования риск-разделённых партнёрств и кластеров и, тем самым, стать эффективным системным интегратором, то успехи ОАК и ГСС по указанным направлениям деятельности гораздо скромнее. По всей видимости, в значительной степени это обусловлено общей незрелостью российской ОИС, только недавно прошедшей через стадию реформирования, а затем вынужденной реагировать на санкции, и особенностями финансирования авиакомплекса (преимущественно посредством государственного капитала). Сказались и недочёты в бизнес-стратегиях ОАК и ГСС. Например, имели место задержки со сроками проектирования и сертификации по проекту SSJ; на стадии проектирования отсутствовали договорённости с зарубежными авиакомпаниями о фиксированных крупных заказах. Российским компаниям не удалось достичь решающих технологических преимуществ авиалайнера перед конкурирующими зарубежными моделями, что в значительной степени повлекло проблемы с продажами на зарубежных рынках.

Для повышения эффективности тех или иных проектов в авиаотрасли требуется, таким образом, учёт в рамках стратегического планирования широкого комплекса факторов, связанных не только с производственными возможностями, но и со структурой инновационной системы, влиянием регулятивных мер, маркетинговой стратегией, оптимизацией механизмов финансирования и инвестирования и соответствующим анализом макроэкономических показателей, влияющих на технологические, спросовые и регулятивные возможности авиаотрасли. Кроме того, необходим комплексный анализ способов укрепить ряд «слабых звеньев» российской инновационной системы.

Список литературы:

1. Алёшин Б. Консолидация российской авиационной промышленности для повышения конкурентоспособности на мировом рынке // Экономика России: XXI век. 2006. №20. Доступ из цифровой библиотеки «Portalus.ru». URL: http://portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1161379140&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 05.05.2018).
2. Лопаткин Р.В. Гражданское авиастроение РФ: баланс национальных интересов и интеграция в глобальные производственные цепочки // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2014. №4. С. 27–37.
3. Дементьев В.Е. ОАК и развитие российского авиастроения // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. №3. С. 315–331.
4. Григорьев И. Embraer: семейный портрет в интерьере // Гражданская авиация. 2008. №3. С. 52–55.
5. Портер М.Е. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
6. Проблемы и перспективы развития отечественной авиационной промышленности. Доклад Межведомственного аналитического центра, февраль 2011 г. Режим доступа: <http://www.iacenter.ru/publication-files/132/111.pdf> (дата обращения: 05.05.2018).

7. Benzler G., Wink R. From agglomerations to technology and knowledge driven clusters: aeronautics cluster policies in Europe // *International Journal of Technology Management*. 2010. Vol. 50. No. 3/4. Pp. 318–336.
8. Edquist C., Johnson B. Institutions and Organizations in Systems of Innovation / *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. Ed. by C. Edquist. London: Routledge, 2005. Pp. 41–63.
9. Figueiredo P., Silveira G., Sbragia R. Risk-sharing partnerships with suppliers: the case of Embraer // *Journal of Technology, Management & Innovation*. 2008. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 27–37.
10. Nelson R.R. The Co-evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions // *Industrial and Corporate Change*. 1994. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 47–63.
11. Mani S. Evolution of the sectoral system of innovation of India's aeronautical industry // *International Journal of Technology and Globalisation*. 2013. Vol. 7. Iss. 1–2. Pp. 92–117.
12. Malerba F. Sectoral systems of innovation and production // *Research Policy*. 2002. Vol. 31, Iss. 2. Pp. 247–264.
13. *Sectoral Systems of Innovation and Production In Developing Countries: Actors, Structures and Evolution*. Ed. by F. Malerba and S. Mani. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2009. 394 p.
14. Smith D.J., Zhang M. Linking, Leveraging and Learning: Sectoral Systems of Innovation and Technological Catch-Up in China's Commercial Aerospace Industry // *Global Business and Economic Review*. 2014. Vol. 16, No. 4. Pp. 349–356.
15. Turkina E., Assche A.V., Kali R. Structure and evolution of global cluster networks: evidence from the aerospace industry // *Journal of Economic Geography*. 2016. Vol. 16. Iss. 6. Pp. 1211–1234.
16. Vertesy D. Preconditions, windows of opportunity and innovation strategies: Successive leadership changes in the regional jet industry // *Research Policy*. 2017. Vol. 46, Iss. 2. Pp. 388–403.

Об авторе:

Марианна Георгиевна Евтодьева – к.полит.н., руководитель группы Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.
E-mail: mariannaevt@imemo.ru.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SECTORAL INNOVATION SYSTEMS: RUSSIA AND BRAZIL ON THE REGIONAL JET MARKET

M.G. Yevtodyeva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-179-197

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

The article investigates experience of the Brazilian aircraft maker Embraer and Russian aircraft companies UAC and Sukhoi Civil Aircraft (SCA) in development and sales of regional jets. Analysis of the Embraer's ERJ-145 and E-Jet projects and the SCA-UAC 'Sukhoi Superjet' (SSJ-100) project is based on sectoral innovation approach which examines sectoral industrial development from the point of view of co-evolution of companies, technologies, demand dynamics and regulative norms and institutions as key elements of sectoral system

of innovation (SSI). Revealing the most important features of evolution of the modern commercial aerospace sector such as high rate of innovation, R&D and subcontracting along the supply chain, development of new technologies, system-integration role of the leading global aircraft companies, outsourcing the production of major subsystems, liberalization of the regulative mechanisms and some others, the author demonstrates with the examples of the Brazilian and Russian cases how these changes were reflected in national sectoral systems of innovation of Brazil and Russia. The comparative research is based on such SSI parameters as efficiency of technological changes, accounting of changes in demand and in industry's regulatory mechanisms, development of connections with suppliers, efficiency of investments, and organization of sales.

The research concludes that failures in realization of the SSJ-100 project were due less to negative consequences of the anti-Russian sanctions on aviation industry, than to some features of sectoral systems of innovation including those related to project management and mechanisms of funding. In contrast to the Embraer – a company that has managed to implement a state-of-the-art design and manufacturing system, achieved better balance between military and civil aircraft programs, successfully adopted foreign experience in co-investment, risk-sharing partnerships and clusters, thus proving to be an effective system integrator, – the UAC and SCA achieved comparatively smaller progress in the above areas. Together with features of SSI other reasons of it include some mistakes of the SSJ-100 business strategy such as delays in design and certification processes, some technological imperfections of the airliner and therefore insufficient quantity of fixed supply arrangements with large foreign airlines, problems with investments, purchases of the equipment, deliveries of components and in other spheres of international cooperation, deficiencies of the after-sales service.

Key words: aircraft industry, regional jet market, sectoral system of innovation, clusters, risk sharing partnerships, Embraer, United Aircraft Corporation, Sukhoi Civil Aircraft.

References

1. Aleshin B. Konsolidatsiya rossiiskoi aviatsionnoi promyshlennosti dlya povysheniya konkurentosposobnosti na mirovom rynke [Consolidation of the Russian aviation industry for increasing competitiveness in the world market]. *Economy of Russia: 21st century*, 2006, no. 20. Available at: http://portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1161379140&archive=&start_from=&ucat=& (accessed: 05.05.2018). (In Russian)
2. Lopatkin R.V. Grazhdanskoe aviastronnie RF: balans natsional'nykh interesov i integratsiya v global'nye proizvodstvennye tsepochki [Civil aircraft industry of the Russian Federation: balance of national interests and integration into global production chains]. *Vestnik RUDN, seriya «Ekonomika»*, 2014, no. 4, pp. 27–37. (In Russian)
3. Dementiev V.E. OAK i razvitie rossiiskogo aviastronnie [UAC and development of the Russian aircraft industry]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*, 2009, no. 3, pp. 315–331. (In Russian)
4. Grigor'ev I. Embraer: semeinyi portret v inter'ere [Embraer: family portrait in an interior]. *Grazhdanskaya aviatsiya*, 2008, no. 3, pp. 52–55. (In Russian)
5. Porter M. On Competition. Harvard Business School 485 p. (Russ. ed.: Porter M.E. Konkurentsia. Moscow, 2005. 608 p.)
6. Problemy i perspektivy razvitiya otechestvennoj aviatsionnoj promyshlennosti. Doklad Mezhdromstvennogo analiticheskogo centra, fevral' 2011 g. [Problems and prospects of development of the domestic aviation industry. Report of Interdepartmental analytical center, February, 2011]. Available at: <http://www.iacenter.ru/publication-files/132/111.pdf> (accessed: 05.05.2018). (In Russian)

7. Benzler G., Wink R. From agglomerations to technology and knowledge driven clusters: aeronautics cluster policies in Europe. *International Journal of Technology Management*, 2010, vol. 50, no. 3/4, pp. 318–336.
8. Edquist C., Johnson B. Institutions and Organizations in Systems of Innovation. *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. Ed. by C. Edquist. London, Routledge Publ., 2005. Pp. 41–63.
9. Figueiredo P., Silveira G., Sbragia R. Risk-sharing partnerships with suppliers: the case of Embraer. *Journal of Technology, Management & Innovation*, 2008, vol. 3, iss. 1, pp. 27–37.
10. Nelson R.R. The Co-evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions. *Industrial and Corporate Change*, 1994, vol. 3, iss. 1, pp. 47–63.
11. Mani S. Evolution of the sectoral system of innovation of India's aeronautical industry. *International Journal of Technology and Globalisation*, 2013, vol. 7, iss. 1–2, pp. 92–117.
12. Malerba F. Sectoral systems of innovation and production. *Research Policy*, 2002, vol. 31, iss. 2, pp. 247–264.
13. *Sectoral Systems of Innovation and Production In Developing Countries: Actors, Structures and Evolution*. Ed. by F. Malerba and S. Mani. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publ., 2009. 394 p.
14. Smith D.J., Zhang M. Linking, Leveraging and Learning: Sectoral Systems of Innovation and Technological Catch-Up in China's Commercial Aerospace Industry. *Global Business and Economic Review*, 2014, vol. 16, no. 4, pp. 349–356.
15. Turkina E., Assche A.V., Kali R. Structure and evolution of global cluster networks: evidence from the aerospace industry. *Journal of Economic Geography*, 2016, vol. 16, iss. 6, pp. 1211–1234.
16. Vertesy D. Preconditions, windows of opportunity and innovation strategies: Successive leadership changes in the regional jet industry. *Research Policy*, 2017, vol. 46, iss. 2, pp. 388–403.

About the author:

Marianna G.Yevtodyeva – PhD in Political Science, Head of Sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Russian Federation, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
E-mail: mariannaevt@imemo.ru.

ОСТРЫЕ ГРАНИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

И.В. Бочарников

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рецензия на книгу «Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии» / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. 456 с.

В статье представлена развёрнутая рецензия на монографию «Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии». Оценивается характер и содержание влияния основных участников системы международных отношений, как отдельных государств, так и негосударственных акторов, в том числе транснациональных корпораций на состояние и перспективы развития мировой политики. Определяются направления корректировки внешнеполитической стратегии России в условиях обострения ситуации и реанимации враждебного антироссийского курса со стороны ряда участников мирового политического процесса.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, США, холодная война – 2.0, ведущие мировые акторы, нации-государства, негосударственные акторы, транснациональные корпорации.

Развитие современных мировых политических процессов характеризуется, с одной стороны, управляемой хаотизацией, а с другой, обострением отношений между Россией и странами так называемого «западного сообщества», возглавляемого США, выходом их на конфронтационный и откровенно враждебный уровень. Налицо очевидные попытки слома системы международных отношений, сформировавшейся после Второй мировой войны и гарантировавшей международную безопасность на протяжении более чем 70-летнего периода.

Современная мировая политическая обстановка, её основные тренды развития по сути воспроизводят аналогичные ситуации, складывавшиеся в пред-

УДК 327

Поступила в редакцию 11.04.2018 г.

Принята к публикации 13.05.2018 г.

дверии глобальных социально-политических катаклизмов, таких как Крымская (или Восточная в западных источниках) война и мировые войны XX столетия.

Тем не менее у этой глобальной неопределённости вполне конкретные цели и задачи. США и их союзники несколько отошли от шока поражений в Ираке и Афганистане, миграционных потоков и волны терактов, прокатившихся по ряду европейских городов, а также потрясений глобального экономического кризиса. Это дало им возможность в очередной раз поставить в повестку мировой политики вопрос об обеспечении своего глобального доминирования. Для США и их европейских союзников это тем более значимо с учётом прогрессирующей внутривнутриполитической нестабильности, а также обозначившейся тенденции снижения их роли и значения в мировой политике.

США и их союзникам необходимо во что бы то ни стало обеспечить свою доминирующую роль, если не в рамках однополярного, то, по крайней мере, двух-трёх полярного мира. А этого можно добиться лишь посредством инициирования глобального конфликта: открытого «горячего» или «холодного», или же их симбиоза. Пока речь идёт о формате противостояния в режиме холодной войны – 2.0, разворачивающейся с 2014 г.

В значительной мере ситуация определяется тем, что на пути к реализации гегемонистских устремлений евроатлантического сообщества в очередной раз оказалась Россия. Это, в конечном итоге, и предопределило конфронтационность США и их союзников по отношению к Российской Федерации. Против России реализуется предельно широкий спектр враждебных мер: от немотивированных антироссийских санкций и дискредитации российских спортсменов на Олимпиаде в феврале 2018 г., до открытой эскалации военно-политической напряжённости в приграничных с Россией территориях стран Прибалтики и на Украине, а также провокаций военного характера. Только в 2017–2018 гг. было зафиксировано несколько десятков военных инцидентов с участием самолётов НАТО и ВКС России; на сопредельных с Россией территориях Прибалтики и Украины систематически проводятся натовские военные учения с провокационными антироссийскими легендами.

Все эти и другие угрозы и вызовы безопасности России нашли отражение в книге «Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии», в которой авторы не только анализируют современные процессы мировой политики, но и приводят основные факторы, определяющие их специфику, характер и содержание.

Важнейшим фактором, определяющим феномен современной мировой политики, по мнению авторов монографии, является её гибридизация.

В главе «Гибридизация мировой политики» авторы определяют сущность и современное содержание, основные направления попыток утверждения глобального лидерства США, реализуемые в ходе как открытого вооружённого столкновения в конфликтах в Сирии, Йемене, Афганистане, на Украине и других горячих точках планеты, так и в ещё большей мере, в рамках скрытого подрыв-

ного воздействия на интересы и безопасность других ведущих государств мирового сообщества и, прежде всего, России [4].

Большую роль в этом играют акторы вне суверенитета. К этой категории, по мнению авторов монографии, относятся, наряду с уже устоявшимися структурами различного рода «неправительственными» организациями, сыгравшими свою роль в процессе переформатирования политического пространства целого ряда стран, новые организации и структуры, такие как частные военные компании, террористические группировки, находящиеся фактически под патронатом США (умеренная оппозиция в Сирии, группировка «Исламское государство» (запрещена в Российской Федерации)), ангажированные средства массовой информации и другие структуры и организации, оказывающие влияние на развитие современных мировых политических процессов.

Эпицентрами глобального геополитического противостояния России США и их сателлитами в настоящее время являются Сирия и Украина. Именно поэтому анализу причин, предпосылок, динамики и, наконец, непосредственно технологиям дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в этих странах в монографии уделяется особое внимание.

При всей, казалось бы, оригинальности процессов в Сирии и на Украине, в их основе лежит стремление использовать протестный потенциал населения для свержения легитимных правительств и утверждения режима имитационных демократий на их территориях, подконтрольных США. На Украине этого удалось добиться посредством государственного переворота в феврале 2014 г. В Сирии же сценарий антиалавистской революции дал сбой, поэтому США пришлось импровизировать, в том числе посредством поддержки террористических группировок (ИГ, «Джабхат ан-Нусры» и др.), а также скрытого военного вмешательства на стороне различного рода антиправительственных группировок и вовлечению в эту необъявленную войну против Сирии своих союзников. В результате, как отметил начальник Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации генерал армии В.В. Герасимов, «ни одно из государств не объявило открытую войну Сирии, но все незаконные вооружённые формирования вооружаются, финансируются и управляются из-за рубежа» [1]. А это и есть война – больше известная, как прокси-война – война «чужими руками» – феномен современной политической реальности. Есть все основания полагать, что данная форма противоборства в дальнейшем будет совершенствоваться и находить своё применение, в том числе и против России.

С учётом того, что одной из наиболее эффективных технологий переформатирования политического пространства являются цветные революции, в монографии представлен детальный анализ наиболее резонансных из них.

На основе данного анализа авторами монографии выявлены основные и общие для всех стран, подвергнутых насильственной демократизации, элементы стратегии подготовки, инициирования и реализации цветных революций [4].

Это позволило сделать вывод о схематичности и шаблонности их подготовки и проведения, что с одной стороны, способствует их массовому экспорту и реализации в любое время и в любой стране, а с другой – повышает возможность противодействия им.

Вполне правомерен в этом плане и другой вывод авторов о том, что цветным революциям можно и нужно противодействовать. В монографии представлен перечень основных принципов противодействия цветным революциям, на основе которых изложена соответствующая авторская концепция, положения которой, на наш взгляд, имеют важнейшее теоретическое и практическое значение и, безусловно, должны быть востребованы в отечественной практике обеспечения внутривосточной стабильности и в целом национальной безопасности России.

Разработка стратегии противодействия цветным революциям, на наш взгляд, должна осуществляться с учётом опыта противодействия терроризму, где у России накоплен опыт эффективного предотвращения и нейтрализации террористической угрозы и именно этот опыт должен стать основой государственной, а точнее общенациональной системы противодействия, как цветным революциям, так и в целом нейтрализации подрывной деятельности.

Принципиально важно то, что одного реагирования на попытки нанесения ущерба национальной безопасности России недостаточно, необходимо предупреждение и нейтрализация угроз на возможно ранней стадии их проявления.

Это не только минимизирует затрачиваемые усилия, но и позволит эффективность решения задач обеспечения национальной безопасности. Очевидность этого подтверждена нашим историческим опытом. Как в своё время отмечал А.П. Ермолов, оценивая ситуацию, связанную с процессами зарождения радикального антироссийского повстанческого движения на Северном Кавказе, «теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно» [5]. Тогда руководство Российской империи не учло выводы проконсула Кавказа. В результате Россия получила самую продолжительную в своей истории войну – Кавказскую, длившуюся несколько десятилетий. Аналогичным образом во многом из-за недооценки советским руководством значимости кризисных внутривосточных процессов произошёл распад СССР – крупнейшая, по словам президента России В.В. Путина, геополитическая катастрофа XX столетия.

Всё это необходимо учитывать в современной практике обеспечения внутривосточной стабильности и безопасности России. При этом очевидна необходимость системного и комплексного использования сил и средств не только государственного, но и общественного характера. Речь в частности идёт об использовании в процессе противодействия цветным революциям потенциала гражданского общества. Наше общество и прежде всего многочисленные общественные организации и структуры должны не только демонстрировать поддержку президента, но и решать более конкретные задачи обеспечения общественной безопасности.

Авторы правомерно определяют, что в современной войне, в том числе и гибридной, побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперёд и затем нанести удар, которого не ожидают [4]. Безусловно, и решение об оказании военной помощи Сирии в борьбе с международным терроризмом, и воссоединение Крыма с Россией – это эпизоды мировой политики, ставшие важнейшими внешнеполитическими победами России и поставившие в тупик архитекторов нового мирового беспорядка. Именно этим в частности объясняется невнятность реализуемой в отношении России санкционной политики, целесообразность и эффективность которой руководство США и стран ЕС не может внятно обосновать. Вследствие этого в ход идут различного рода фейковые технологии, набирающие всё большую популярность в антироссийской стратегии.

К сожалению, далеко не всегда внешнеполитические меры России носят опережающий характер. В современной политической практике по-прежнему доминирует инертность и запоздалая реакция на недружественные и даже враждебные действия в отношении России. Наиболее отчётливо это прослеживается на примерах реагирования правительства страны на американские санкции в отношении важнейших предприятий и отраслей экономики России. Санкции введены, а правительство лишь вырабатывает предложения по их нейтрализации. Закономерным следствием подобного подхода станут последующие санкции, на которые опять необходимо будет вырабатывать предложения. Безусловно, это крайне неэффективный подход к обеспечению национальных интересов и безопасности России. В этом плане справедливо утверждение Макиавелли: «Уступая угрозам в надежде избежания войны, мы не достигнем цели, потому что тот, перед которым мы так явно сробели, не удовольствуется первой уступкой, потребует других и будет тем притязательнее, чем больше будет встречать уступчивости» [3, с. 16]. Реалии современной мировой политики в значительной мере базируются на принципе: судят не виновных, судят проигравших.

Всё это свидетельствует о том, что Россия не имеет права вести только оборонительную стратегию в отношении США и их сателлитов, поскольку она заведомо проигрышна.

Мы не должны забывать, с кем имеем дело. США ещё в 2014 г. обозначили Россию противником и всю свою внешнюю политику в отношении нашей страны выстроили на принципах враждебности и нанесения максимального ущерба. Именно так и необходимо воспринимать антироссийские санкции и иные враждебные действия и соответствующим образом на них реагировать.

Вследствие этого более чем очевидно, что именно активная внешняя политика, а не оборонительная будет являться залогом обеспечения национальной безопасности России.

Ведь у тех же США есть критические сферы, где они не готовы поступаться своими интересами, даже во имя «всеобщей демократизации». Наиболее уязвимы США в своём «заднем дворе» – Латинской Америке, где отмечается устой-

чивая тенденция роста антиамериканизма и, по всей видимости, это тот потенциал, который Россия может использовать для обеспечения своих интересов и безопасности. Почему бы, например, в рамках симметричного ответа на продвижение антироссийского польско-шведского проекта «Восточное партнёрство», не инициировать создание пророссийского «Западного партнёрства» с приглашением в него стран Боливарианского союза, да и всех тех, кто не приемлет насаждаемой США гегемонии.

Резкие изменения в мировой политике потребовали переосмысления основных параметров государственной политики Российской Федерации в обеспечении национальной и, прежде всего, военной безопасности. Анализу основных положений Стратегии национальной безопасности, а также основных угроз и вызовов посвящена вторая глава монографии. Авторами проанализированы наиболее значимые угрозы, среди которых: последовательное военно-стратегическое окружение России натовскими контингентами и военной инфраструктурой и эскалация военно-политического кризиса на Украине.

Среди других факторов, определяющих характер и содержание современных мировых политических процессов, следует выделить: стремительный кризис Европейского союза, повышающий его управляемость со стороны США, теракты в Европе и США, миграционная волна, расширение перечня стран – обладателей ядерного оружия, неопределённость относительно фактов обладания иностранными государствами химическим оружием, наличие у них потенциала для его разработки и производства. Авторы правомерно отмечают возрастающую угрозу попадания арсеналов химического и биологического оружия в руки террористических группировок [4]. Это, в общем-то, уже и происходит на практике в Сирии.

Отдельным блоком исследования авторов монографии является ситуация на Украине. В части, посвящённой анализу ситуации в этой стране, представлена не только политическая анатомия и физиология функционирования постмайданного режима Украины, но и сделан обоснованный вывод относительно того, что украинский кризис формирует основу для более масштабной дестабилизации ситуации в регионе и вовлечения в эскалацию напряжённости ведущих мировых держав. По сути дела, нынешнее руководство Украины играет роль провокатора масштабного геополитического конфликта.

В целом же развитие мировых политических процессов находится под воздействием ряда угроз, вызовов и своего рода неопределённостей, с учётом уровня глобального уровня мировой политики глобальной неопределённости.

Всё это нашло отражение в Стратегии национальной безопасности России, утверждённой 31 декабря 2015 г. Новая стратегия, как показывает анализ её основных положений, в значительной мере носит характер ситуативного реагирования и, как выражаются авторы, «заточена» под наиболее актуальные на текущий момент угрозы: украинский кризис и войну против международного терроризма в Сирии, противодействия цветным революциям, гибридным формам и способам нанесения ущерба интересам и безопасности России.

С учётом остроты и динамики развития современной мировой политической ситуации, данный подход, по всей видимости, оправдан. В то же время очевидно, что решение стратегических задач предполагает необходимость не только оперативного реагирования на существующие угрозы и вызовы, но и на те, которые только формируются или будут формироваться. Речь, таким образом, идёт о предвидении формирующихся угроз и их предотвращении.

Важнейшим блоком является исследование авторами актуальных аспектов формирования нового миропорядка на платформе российской модели ноосферной политики [4].

Это особенно важно с учётом того, что строительство своего «нового миропорядка» США ведут с помощью технологий управляемого хаоса, ничего общего не имеющих с созиданием и заточенных на разрушение. Объективную характеристику этой политике США и их союзников дал Постоянный представитель России при ООН В.А. Небензя, по словам которого «после вас остаётся хаос, в котором вы пытаетесь ловить какую-то рыбу, но ловятся только рыбы-мутанты»¹. И это действительно так. И «Исламское государство», и так называемая умеренная оппозиция в Сирии и множество других марионеточных экстремистских группировок, структур и режимов (как на Украине) как раз и являются теми мутантами, выловленными США при поддержке управляемых ими НАТО и ЕС.

Всё это выдвигает в мировую повестку дня актуальный вопрос о необходимости поиска культурно-цивилизационной и духовно-ценностной платформы, которая могла бы заменить англосаксонскую идиому глобальной демократизации в фундаменте формирующегося многополярного мира или хотя бы составить ей конкурентную альтернативу.

В этой связи очевидна справедливость утверждения авторов монографии относительно того, что российской внешней политике нужны новые теоретические ориентиры, выводящие её за пределы чрезмерно абстрактной и дезориентирующей теории многополярного мира. Безусловно, России есть, что предложить мировому сообществу взамен насаждаемых моделей «имитационных демократий» и декларативных прав человека.

«Мягкая сила» России формировалась не в лабораториях «фабрик мысли» как у США, и не посредством манипулирования сознанием населения своих и других стран, а на практике посредством вовлечения народов в единое евразийское политическое пространство, с сохранением при этом все их ментально-культурных традиций и особенностей.

Одним из важнейших блоков монографии является исследование опыта противодействия терроризму, угроза которого является одним из немногих факторов современной политики, являющейся мостиком в развитии взаимоотношений России с США и их союзниками. В монографии представлен анализ его

¹ Василий Небензя западным странам: после вас остается хаос. Заседание СБ ООН 10 апреля 2018 г. URL: <http://webnovosti.info/новости/василий-небензя-западным-странам-после-вас-остаётся-хаос-заседание-сб-оон/>

трансформации в глобальную угрозу, а также антитеррористических стратегий ряда стран и, в первую очередь, США как одной из наиболее эффективных в противодействии данной угрозе.

С момента принятия так называемого «Патриотического акта» (октябрь 2001 г.) США сумели выработать эффективную антитеррористическую стратегию. И хотя полного иммунитета от терроризма США не получили, в то же время теракты в этой стране не носят столь системного характера, как в ряде европейских стран.

У России после резонансных терактов на Дубровке и в Беслане в рамках введения режима контртеррористических операций в ряде регионов Северного Кавказа также реализуется комплексная стратегия противодействия терроризму, не уступающая зарубежным аналогам. Но в то же время ряд элементов, особенно американской антитеррористической стратегии, обращает на себя внимание и может быть инкорпорирован в отечественную практику борьбы с терроризмом. Речь в частности идёт о жёстком иммиграционном законодательстве, препятствующем попаданию на территорию страны лиц потенциально опасных для внутренней безопасности, а также использование потенциала и ресурсов гражданского общества.

Что касается ужесточения иммиграционного законодательства, то здесь очевидно, настало время введение визового режима с рядом стран СНГ, с территории которых, в Россию попадают лица, склонные к экстремистской деятельности. Безвизовая открытость в отношении данных стран, на наш взгляд, не оправданна, особенно с учётом наметившейся практики выстраивания странами СНГ своей, так называемой «многовекторной внешней политики». Но самое главное – это то, что подобного рода «открытость» оплачивается безопасностью государства и его граждан.

Ещё более значимым ресурсом повышения эффективности антитеррористической стратегии должна быть активизация в этом направлении усилий гражданского общества. Наше общество традиционно беспечно в отношении потенциальных террористических угроз, что создаёт предпосылки для создания и функционирования различного рода террористических ячеек и подобных им образований.

Важнейшей спецификой современного этапа развития мировой политической системы является вторжение негосударственных акторов (НГА) в международные отношения. Раскрытию данного феномена посвящена отдельная глава монографии. Авторы не только анализируют различные подходы к исследованию данного процесса, а также функций, места и роли НГА, но и определяют очевидные и перспективные следствия подобного рода вторжения для мировой политической системы и международных отношений в целом [4].

При этом, как вполне справедливо отмечают авторы, роль НГА и особенно транснациональных корпораций (ТНК) в современной мировой политике возрастает и обретает черты одного из наиболее значимых её факторов. ТНК оказы-

вают значимое влияние не только на политику стран, так называемого «третьего мира», но и ведущих государств мирового сообщества. Примером тому является развязанная США ещё в 1990 г. антииракская кампания, приведшая в конечном итоге к американо-британскому вторжению в Ирак (2003 г.), а также последующей вовлечённости стран западной коалиции (США, Великобритании, Франции и др.) в современные процессы ближневосточного противостояния. В основе всей этой стратегии, реализуемой на протяжении почти трёх десятилетий, лежат интересы, прежде всего, нефтяных ТНК, таких как: Royal Dutch/Shell Group, British Petroleum, Exxon Mobil и некоторых других.

В монографии приведены и другие конкретные примеры вооружённых конфликтов и государственных переворотов в ряде стран Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, а также смены правительств в Европе и Азии, происходивших по инициативе и с целью реализации корпоративных интересов ТНК.

Предметно рассмотрены также функции НГА, формы и методы вмешательства ТНК в деятельность, как отдельных государств, так и межправительственных организаций, анализ целенаправленных попыток ТНК замещения межправительственных международных организаций. Это проявляется как в экономике, так и в других сферах, в том числе в международной политике.

Правомерно акцентировано внимание на том, что в современном мире нарастающая экспансия ТНК – одна из наиболее опасных угроз международной безопасности, которая подрывает основы существующего государство-ориентированного миропорядка. Вследствие этого осуществляются попытки приватизации ТНК мировой политики. Именно в этом специфика глобального проекта вестернизации.

Сам по себе процесс вторжения НГА в сферу мировой политики, как отмечают авторы, начался с середины 70-х гг. прошлого столетия, и уже тогда началось осмысление этих процессов в западной и, особенно, американской политической аналитике.

В нашей стране эти процессы были проигнорированы, поскольку в тот период не могло быть и речи о советских ни НГА, ни ТНК. Только лишь с началом 2000-х гг. в процессе становления и выхода на мировой уровень крупнейших российских корпораций «Газпрома», «Лукойла», «Русала» и некоторых крупных компаний с иностранным участием актуализировались и вопросы их роли во внешнеполитической стратегии России.

В то же время в отличие от зарубежных (американских) ТНК, российские корпорации не оказывают сколь-нибудь значимого влияния на продвижение интересов России. Напротив, зачастую именно их интересы, обуславливают корректировку внешнеполитического курса страны. Наиболее наглядно, это отражается на деятельности «Газпрома», угроза санкций в отношении которого не позволяет в полной мере отказаться от невыгодного для России по политическим, экономическим и иным мотивам украинского маршрута поставок газа в Европу. Аналогичным образом «за счёт государства» функционируют и некото-

рые другие ведущие российские корпорации. Таким образом, потенциал российских корпораций не задействован в интересах России.

Это предполагает необходимость корректировки не только внешнеполитического курса страны, но и бизнес-стратегий самих корпораций с тем, чтобы минимизировать их потребительский характер. Они должны усиливать государство, дополнять и развивать внешнеполитическую стратегию государства по реализации национальных интересов, а не «прятаться» за государство.

Вполне обоснован в этом плане вывод авторов относительно того, что будущее мировой политики за акторами, имеющими гибридную, комбинированную природу и структуру. Структура таких акторов будет состоять из союзов государств (государственных структур и организаций) и НГА, существующих и взаимодействующих в режиме симбиоза.

Это в полной мере реализуется во внешнеполитической стратегии США, в рамках которой продвижение американских товаров и брендов подкрепляется военно-политической мощью государства. В данной стратегии американские «Кока-кола» и ракеты «Томогаук» неразрывны. Где не хотят или ещё не пьют «Кока-колу», там, нет демократии, а это предполагает необходимость использования военной силы для «продвижения демократии» [4].

Одновременно с этим идёт процесс насаждения транснациональных (американских) ценностей, вытеснения ценностей наций-государств из мировой политики, в рамках которого на смену национально-государственным ценностям должны прийти и полностью заместить (или вытеснить) их транснациональные корпоративные ценности, определяющие нормы поведения человека в корпорации и вовне её.

Этот процесс далеко не однозначен, поскольку далеко не все акторы мировой политики и, прежде всего, самодостаточные нации-государства готовы поступиться национальным суверенитетом (частично или полностью) в рамках современных процессов глобализации. Это тем более очевидно на фоне снижения роли США и их ТНК в мировой политике.

Только сильное государство может выстраивать с ТНК взаимовыгодное сотрудничество. Проблема лишь в определении для ТНК «красных линий», выход за которые должен быть чреват для ТНК угрозой санкций и соответственно прибылей, что является для них критически важным.

Помимо этого, важным фактором современности движение антиглобалистов и «альтерглобалистов». Ни один саммит будь то «семёрка» или «двадцатка» ведущих государств мирового сообщества не проходит без массовых акций протестов, принимающих характер погромов и беспорядков.

Все это свидетельствует о том, что глобальная неопределённость, сформированная в рамках реализации концепции «управляемого хаоса», имеет для США и оборотную сторону.

В целом представленная монография даёт ответы на целый ряд вопросов, актуальных для современной мировой политической реальности, и способствует

пониманию современных мировых политических процессов в формирующейся архитектуре современной мировой политики со всеми её «красными линиями» и «острыми гранями».

Список литературы

1. Доклад Начальника Генерального штаба ВС РФ на научной конференции Академии военных наук 24 марта 2018 года // Вестник Академии военных наук. 2018. №1.
2. Зеленков М.Ю., Бочарников И.В. Международные конфликты XXI века: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 262 с.
3. Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939. 222 с.
4. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. 456 с.
5. Рапорт генерала А.П.Ермолова Александру I от 12 февраля 1819 года. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6210, л. 15-16.

Об авторе:

Игорь Валентинович Бочарников – д.полит.н., действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана. E-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru.

THE SHARP EDGES OF CONTEMPORARY WORLD POLITICS

Igor V. Bocharnikov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-198-209

Bauman Moscow State Technical University

Book Review: Bulavin A.V., Karpovich O.G., Manoilo A.V., Mantusov V. B. World politics. Advanced lines and red lines. Moscow: RIO Russian customs Academy, 2018. 456 p.

The article presents a detailed review of the monograph "World politics. Front lines and red lines". The author assesses the nature and content of the influence of the main participants in the system of international relations, both individual States and non-state actors, including transnational corporations on the state and prospects of development of world politics. Directions of adjustment of the foreign policy strategy of Russia in the conditions of aggravation of a situation and reanimation of hostile anti-Russian course from a number of participants of world political process are defined.

Key words: world politics, Russia, USA, cold war 2.0, leading world actors, nation-States, non-state actors, transnational corporations.

References

1. Doklad Nachalnika Generalnogo shtaba VS RF na nauchnoy konferentsii Akademii voennykh nauk 24 marta 2018 goda [Report of the Chief of the General staff of the Russian armed forces at the scientific conference of the Academy of military Sciences on March 24, 2018]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, 2018, no. 1 (in Russian).
2. Zelenkov M.Yu., Bocharnikov I.V. *Mezhdunarodnye konflikty XXI veka* [International conflicts of the XXI century]. Moscow, INFRA-M, 2018. 262 p. (In Russian).
3. Niccolò Machiavelli. *Dell'arte della Guerra*, 1521 (Russ. ed.: Makiavelli N. O voennom iskusstve. Moscow, Voenizdat Publ., 1939. 222 p.)
4. *Mirovaya politika. Peredovye rubezhi i krasnye linii* [World politics. Front-lines and red lines] / A. V. Bulavin, O. G. Karpovich, A. V. Manoylo, V. B. Mantusov. Moscow, RIO Russian customs Academy Publ., 2018. 456 p. (In Russian).
5. Raport generala A.P.Yermolova Aleksandru I ot 12 fevralya 1819 goda [Report of General A. p. Ermolov to Alexander I of February 12, 1819]. *Russian State Military Historical Archive*. Fund of Military Scientific Archive, File 6210, Sheets 15-16. (In Russian).

About the author:

Igor V. Bocharnikov – Doctor of Political Sciences, State Russian 3rd class adviser, head of the Research Center of the National Security, Professor of the Department «Information analyst and political technologies» NE Bauman. E-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Дербин, А.И. Подберёзкин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рецензия на монографию «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» под редакцией С.Р. Цырендоржиева. «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. 521 с.

Рецензируемая книга представляет собой коллективную монографию С.Р. Цырендоржиева, Б.В. Куроедова, А.О. Медина, О.В. Сандарова, В.Л. Гладышевского, Е.В. Горгола, Р.С. Белорозова, В.С. Брезгина, А.С. Желтухина и М.В. Тимофеева, посвященную обоснованию перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации.

Ключевые слова: международная и военно-политическая обстановка, военная политика, Министерство обороны, военное строительство, угрозы безопасности.

Радикальные изменения в международной и военно-политической обстановке (МО и ВПО) последних трёх десятилетий привели к качественным изменениям в военной политике основных государств как на военно-теоретическом, так и военно-техническом уровне. Поэтому рецензируемая работа выходит далеко за рамки заявленной темы, предлагая не только оригинальную и практически нужную в новых условиях концепцию, но и широкий спектр тем для крайне актуальной дискуссии относительно эффективности военной политики России, включая её основную часть – эффективность стратегического сдерживания – в качественно новых условиях формирования современной военно-политической обстановки. Эта работа, во-первых, итог многочисленных

???

Поступила в редакцию 12.04.2018 г.

Принята к публикации 9.06.2018 г.

дискуссий и обсуждений последних лет в творческом коллективе ведущего межвидового НИИ Минобороны страны, а во-вторых, расширение спектра исследований этим коллективом за пределы военно-технической проблематики и анализа конкретных военных программ в область военно-политических отношений и другие отрасли наук.

Особенную актуальность эта тема приобретает в силу ряда причин, вытекающих из новой Стратегии социально-экономического развития России, заявленной президентом РФ В.В. Путиным в его послании ФС РФ 1 марта и Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г., в котором сформулировано поручение правительству России разработать прогноз и стратегический план развития страны до 2024 г.¹ Оба документа, как известно, требуют для своей реализации огромные дополнительные ресурсы, оцениваемые в дополнительные 18 трлн. руб. до 2024 г., что, в свою очередь, неизбежно ведёт к определённой переоценке ресурсно-экономических возможностей и приоритетов России. Более того, уже сегодня, в середине 2018 г., ясно, что реализация этих задач потребует, как минимум в полтора раза больше средств, которые можно получить только в качестве результата ускоренного развития и перераспределения бюджетных приоритетов. Это касается в первую очередь обоснованности решений о приоритетах тех или иных программ финансирования военной политики страны, которые, повторю, придётся реализовывать в объективно ухудшающихся внешнеполитических условиях.

Стратегическое планирование

Авторы работы изначально справедливо замечают, что «эффективность военной политики... зависит от обоснованности её цели, задач, выделяемых на их решение людских и материальных ресурсов, политической воли военно-политического руководства на реализацию избранного политического курса и качество государственного и военного управления» (с. 8), т.е. целого спектра политических, психологических и социально-экономических факторов, которые во многом определяют масштабы и темпы военного строительства и направления в развитии военного искусства. Это очень важная исходная точка для анализа потому, что именно политические цели военной политики в последние десятилетия становились предметом споров в российской правящей элите. Переоценка таких целей – наиболее резкая перемена в военной политике, которая неизбежно ведёт к радикальным изменениям в планах военного строительства. Так, переоценка политических задач в период правления Н.С. Хрущёва и М.С. Горбачёва привела к резкому сокращению ВС СССР и радикальным изменениям в их структуре, внешнеполитический курс Б.Н. Ельцина – к фактической деграда-

¹ Путин В.В. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018. Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г.

ции ВС РФ и ОПК страны, а возвращение приоритетов национальной безопасности в период президентства В.В. Путина – к восстановлению военной мощи России.

При этом авторы считают, что «основным способом решения научной части этой проблемы является разработка теоретических основ для научного обоснования таких исходных данных для последующего планирования военного строительства, как облик военной организации и её компонентов, параметры ресурсного обеспечения» (с. 8). Действительно, стратегическое планирование в любой области, включая военную, требует максимально полных и достоверных исходных данных, которые могут быть разработаны только на научно обоснованной теории.

Именно разработка теоретических основ и научного обоснования принимаемых решений в области внешней и военной политики представляется мне сегодня особенно актуальным потому, что характер изменений в международной и военно-политической обстановке (МО и ВПО) последних лет говорит о необходимости достаточно принципиального пересмотра целого ряда положений, ставших традиционными в предыдущие годы. Эти новые теоретические подходы должны помочь в преодолении накопившихся за последние десятилетия противоречий. В частности, как справедливо отмечается в исследовании, в отношении реально необходимых для обеспечения военной безопасности ресурсов страны. Между тем, как совершенно справедливо отмечено в работе, «глубоких военно-научных исследований в области военного строительства (за последние 10 лет) не проводилось» (с. 10). Это объясняет тот факт, что мы наблюдаем не всегда эффективные расходы на те или иные программы военного строительства или подготовку личного состава вооруженных сил.

Авторы совершенно справедливо подчёркивают, что «военное планирование и его элемент – планирование военного строительства – организуются в рамках стратегического планирования в Российской Федерации». Это означает не только необходимость следования принципам, но и неизбежно зависит от качества стратегического планирования в России в целом, которое, к сожалению, остаётся крайне низким. Отказ от стратегического прогнозирования и планирования, которые были заметным научным достижением в СССР (и получили в дальнейшем быстрое развитие в США, Великобритании и даже Австралии), но от которых отказались с конца 80-х гг. прошлого века вплоть до самого недавнего времени, привело к разрушению научных школ и отставанию в этой области от результатов, достигнутых в стратегическом планировании не только КНР, но и ведущих стран Запада.

Достаточно сказать, например, что даже краткосрочный прогноз развития экономики России в 2016-2017 гг. пересматривался, как минимум, по три раза. Это означает, что система поддержки принимаемых решений (СППР) фактически оказывается не рабочей не только в области социально-экономического и финансового развития, но и в области военного строительства.

Во многом это объясняется тем, что стратегический прогноз и планирование социально-экономического развития России последних десятилетий практически не учитывал влияние внешних факторов (за исключением прогноза возможных цен на углеводороды, которые также не подтверждались) – вероятные сценарии развития МО и ВПО в мире и их последствия для России, ограничившись фактически макроэкономическими показателями, что неизбежно привело и к последствиям в стратегическом планировании военного строительства, которое нормативно ограничивалось в начале века в России расходами в 3,5% ВВП.

В предлагаемой работе авторы обосновано предлагают оригинальную концепцию системы поддержки принимаемых решений (СППР), в основе которой находится долгосрочный прогноз развития МО и ВПО и наиболее вероятный сценарий их развития, а те, в свою очередь, лежат в основе как вероятного характера опасностей и угроз для России, так и обоснования для необходимых ресурсных возможностей (рис. на стр.16). Причём разрабатываемые методики должны, по мнению авторов работы, обосновать требуемые для обеспечения заданной степени военной безопасности значения показателей облика ВС РФ и других войск, которая должна быть оценена количественно.

Сценарии развития

Авторы справедливо предлагают несколько наиболее вероятных сценариев развития МО и ВПО в долгосрочной перспективе, не исключая изначально самые разные возможные и вероятные их варианты, которые очень по-разному будут влиять на военную политику России в будущем. К сожалению, нередко мы становимся свидетелями некой моды в переоценке тех или иных факторов, чего удалось избежать авторам работы. В частности, переоценки как значения процессов глобализации, так и влияния новых центров силы (к сожалению, в некоторых анализах и прогнозах нередко желаемое выдаётся за действительное): лидерство Запада уже «списано» и отдано другим центрам силы. Правда же заключается в том, что контроль Запада (финансовый, экономический, информационный и военный) в целом пока сохраняется, а переходный период ещё только начался и не известно как быстро он будет происходить и как быстро закончится. Более 50% (а в некоторых аспектах – более 90%) финансовых, экономических, информационных и военных ресурсов находятся де-факто в руках западной коалиции. Так, на США в 2017 г. приходилось 24,3% глобального ВВП, а в 2000 г. она составляла 32,5%. Второе место по номинальному ВВП уже действительно занимает КНР – 14,8%, которая в среднесрочной перспективе обгонит США (но на самом деле «Европа» может считаться на втором месте по объёмам ВВП, имея примерно столько же, сколько и США объёма экономики).

Таким образом, надо объективно признать, что «объединённый Запад», представляющий собой сегодня широкую военно-политическую коалицию, пока что контролирует более половины мирового ВВП, три четверти военной

мощи и военных расходов. И Запад не только сохраняет инициативу, но и отнюдь не собирается добровольно с этим лидерством расставаться. Вместе с тем в перспективе эта тенденция возвращает мир к классической схеме соперничества центров силы – так называемой «ловушке Фукидида» (древнегреческого историка, считавшего, что быстрое развитие Афин толкнуло Спарту на Пелопоннесскую войну) – поэтому мир постепенно возвращается к «ситуации столетней давности, к чему-то похожему на десятилетие перед Первой мировой войной»², как справедливо полагает известный топ-менеджер Александр Лосев. И мы как раз находимся накануне таких глобальных перемен, в которые мы медленно, но уверенно вползаем. Как, впрочем, не только накануне 1914 г., но и на всём протяжении человеческой истории, которая демонстрировала взлёты и падения одних стран и цивилизаций, сменявшиеся периоды господства и подчинения.

В этой череде качественных изменений МО на всём протяжении истории наступает период, когда та или иная локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) может вырваться вперёд, используя для этого силовые методы политики, прежде всего военные. Такой рывок будет означать неизбежную войну, но уже не между государствами-нациями, а цивилизациями и их коалициями. Причём войну, конечной целью которой неизбежно будет ликвидация другой системы ценностей, а, значит, и нации, войну, не допускающую, как прежде, компромиссов и промежуточных результатов.

Соответственно, этот переход, который ещё не произошёл, но который уже всеми (в том числе и США) ожидается, заставляет планировать будущее по-новому. Это ожидание обозначилось ещё в прошлом веке, но США удалось его умело отложить до тех пор пока они не ликвидировали свой главный потенциальный центр соперничества – СЭВ и ОВД, а затем и СССР. Переход к многополярности, отмеченный ещё в политических документах партийных съездов КПСС 70-х гг., вновь стал актуальной темой потому, что в России в одно время правящая элита согласилась с возникшей в реальности однополярностью, но затем, вдруг «прозрела» и обнаружила, что процесс перехода не останавливался, протекал по мере быстрого роста экономик КНР, Индии, Бразилии и ряда других стран. Поэтому важнейшая задача сегодня заключается в том, как лучше всего организационно и военно-технически подготовиться к новому формату МО и ВПО, ожидаемому в будущем, – не растрачивая бездумно и неэффективно национальные ресурсы, но в то же самое время обеспечивая эффективное стратегическое сдерживание.

Качественно новое состояние МО и ВПО, формирующееся в настоящее время, требует, во-первых, по мнению авторов, прежде всего разработки (уточнения) системы понятий, очерчивающих область исследования – факторов и условий, определяющих МО и ВПО, а также системы соответствующих показателей,

² Лосев А. «Трампономика»: первые результаты. Эрозия Pax Americana и торможение глобализации / Валдайские записки, 2018. № 87. С. 25. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/20640/> (дата обращения: 20.05.2018 г.)

во-вторых, разработки логико-аналитических зависимостей модели обоснования основных показателей облика военной организации (ВО) РФ, а в-третьих, разработки методологии ресурсно-экономического обоснования облика ВО РФ (с. 20–21). Наконец, в-четвёртых, необходимо создание основ автоматизированной системы поддержки принимаемых решений по обоснованию перспективного облика военной организации России. Подобная постановка теоретических задач преследует конкретные практические цели повышения эффективности стратегического планирования в области военного строительства России.

Очень важная часть работы относится к анализу системы понятий, описывающих обеспечение военной безопасности, требующих уточнения их сущности в новых условиях. Так, авторы справедливо отмечают, что само понятие «военная безопасность» находится «вне фокуса органов государственного и военного управления», приведя в качестве иллюстрации множество примеров из основных нормативных документов (стр. 23-24). В частности, отмечается, что в основном правовом документе – Федеральном законе «Об обороне», а также законе «О безопасности» понятие «военная безопасность» не упомянуто ни разу (стр. 24). Из этого следует несколько важных выводов, на один из которых необходимо обратить особенное внимание, а именно: **«военная безопасность есть психологическая оценка уровня военной угрозы РФ»** (стр. 27).

При этом авторы обращают внимание на тот факт, что, по их мнению, концептуальные документы (Стратегия национальной безопасности РФ, Военная доктрина России и др.) разрабатывались преимущественно представителями Министерства обороны РФ, что привело к тому, что область «обороны» рассматривается значительно подробнее, чем область «военной безопасности». Действительно, безопасность чаще всего именно и сводится к обороне, что в современных реалиях уже не соответствует действительности. Так, в Положении о Министерстве обороны РФ указано, что «Минобороны осуществляет следующие полномочия:

«... 73) в пределах своей компетенции внешнеполитическую деятельность по вопросам обороны и военной безопасности..., международное военное сотрудничество и военно-техническое сотрудничество;

74) Участвует в переговорах по проблемам безопасности, сокращения (ограничения) вооружённых сил, а также по другим военным вопросам» (стр. 28).

Таким образом, если за оборону отвечает конкретно Минобороны, то ответственность за безопасность страны, включая военную безопасность, размыта, т.к. она не является компетенцией какого-то конкретного федерального органа исполнительной власти.

Опасности и угрозы

Особенно важное значение в анализе, прогнозе и стратегическом планировании военной политики государства приобретает анализ сущности и особенно-

стей военных опасностей и угроз, которым посвящён специальный раздел работы, официальное толкование которым дано в Военной доктрине России. Авторы справедливо предлагают в качестве корректного использования определения для (военной) опасности и угрозы как «возможность (в разной степени) нанесения ущерба применением военной силы» (с. 30).

Вместе с тем, на наш взгляд, такая корректировка не вполне достаточна. Она не учитывает два обстоятельства. Во-первых, то, что военная сила может применяться в качестве политико-психологической формы угрозы (имплицитной и эксплицитной), а также, что современное силовое противоборство предполагает гибридные формы применения военной силы и невоенного насилия. Поэтому было бы точнее, на наш взгляд, использовать понятие не военной силы, а просто силы (насилия) или, как это делают в современный период в США, «силовое принуждение». В этом смысле опасности и угрозы возникают в более широком диапазоне средств политического воздействия. Так, например, использование социальных сетей может привести к возникновению и реализации угрозы внутривосточного и международного конфликта, который может приобрести самые разные формы вооруженного насилия.

В этой связи авторы совершенно справедливо утверждают, что «... военная опасность и военная угроза представляют собой не состояние военно-политической обстановки, а, соответственно, абстрактную или непосредственную возможность применения военной силы и являются важнейшим показателем содержания военно-политических отношений...» (с. 31). Таким образом, «военная угроза – это непосредственная возможность применения военной силы против субъекта ВПО», – делают конечный вывод авторы работы.

Этот важный вывод, однако, он требует комментариев. Дело в том, что намерения и возможности могут быстро меняться, а военные и иные силовые средства изменяются значительно медленнее. Так, намерения у Великобритании относительно СССР в короткий период 1939–1940 гг. менялись на прямо противоположные – от высадки корпуса десанта до подписания союзнических соглашений. Поэтому тщательное изучение такой категории как «возможность», в особенности если речь идёт о материальных возможностях, а также способах их использования, – должны быть приоритетным направлением в анализе и прогнозе вероятных опасностей и угроз. В этом смысле совершенно оправдано отчётливое разделение рисков и вызовов, способных привести к перерастанию опасностей в угрозы, предложенные авторами работы, а также тщательный анализ характера военной угрозы, предлагаемый авторами, где политические цели справедливо занимают приоритетное положение (с. 31, 34, 37). Надо признать, что в анализе характера военных опасностей и угроз авторы пошли значительно дальше, чем это существовало в предыдущие годы.

Отдельного разговора заслуживает попытка авторов сделать детальную классификацию угроз, которая, по их мнению, зависит прежде всего от сущности объекта национальной безопасности, в первую очередь тех, которые относятся к

категории «жизненно важные интересы», либо в интерпретации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «национальные интересы», которые они ассоциируют с «национальным достоянием» (как совокупности материальных и духовных ресурсов). В этой связи обращает на себя внимание попытка авторов структурировать понятие «национальное богатство» и тождественные им «национальные интересы» в три группы с целью более точного вычленения возможных угроз и опасностей (с. 47):

- первая группа – возможные угрозы разрушения, девальвации, дезинтеграции, отчуждения существующих **национальных общностей**, атрибутов – культуры, самосознания, языка, психического склада, территории, экономики, государственной власти;

- вторая группа – угрозы дезинтеграции **социального капитала** нации (институциональные, организационные и пр.);

- третья группа – угрозы **национальному богатству**, состоящему в свою очередь, из демографического, природного и национального имущества.

На наш взгляд, вычленение этих трёх групп угроз абсолютно необходимо для того, чтобы, как минимум, понимать изменение в характере современного военно-силового противоборства, когда произошло смещение политических приоритетов с третьей группы угроз на первую группу, а, значит, существенно стали меняться как средства, так и способы силового и военного воздействия. Так, в политике США и их союзников последних лет отчётливо прослеживалось стремление усилить силовое давление именно на смену российской правящей элитой её системы ценностей, отказ от национальных интересов и нравственных, правовых норм и традиций. Поэтому нельзя согласиться с утверждением авторов (высказанное с оговоркой) о том, что «наибольшее влияние ... оказывают угрозы её национальному богатству и социальному капиталу» (с. 49).

Очень полезной также представляется попытка авторов классифицировать угрозы и по другим признакам – объекту национальной безопасности, масштабу угроз, характеру и генезису угроз, функциям угроз и т.д., что крайне важно для выработки политики стратегического сдерживания и выбора ответных мер и средств для нейтрализации этих угроз, которые могут радикально отличаться друг от друга. В этой связи особенно важным является классификация авторами антропогенных угроз, которые в сравнении с военными угрозами отличаются большим разнообразием. Главным их отличием, – подчёркивают справедливо авторы, – «являются **средства достижения целей**, которые, по мнению авторов, на современном этапе превращаются во **враждебные действия**».

Вычленение антропогенных силовых (невоенных) угроз, на наш взгляд, является большим достоинством работы: в последние годы о таких угрозах абстрактно говорят многие политики, политологи и даже военные руководители (например, В.М. Герасимов), но попыток их детального анализа и структурирования – немного. Поэтому предлагаемая авторами структура невоенных угроз, заслуживает самого серьёзного внимания и одобрения (с. 52). Эта структура во

многим совпадает со структурой военных угроз не случайно – в таком совпадении видится, на наш взгляд, усиливающийся синтез военных и невоенных угроз, средств и способов политического воздействия. В частности, как отмечается в работе, это выражается в «размытости границ начала и окончания применения военных мер». Примером такой «размытости» становится использование нерегулярных вооружённых формирований, террористических (можно добавить – экстремистских) организаций и способов.

В этой связи приветствуется попытка авторов внести ясность в такое понятие как «гибридная война», которое получило широкое распространение среди политиков, журналистов и части экспертов. Они, в частности, отмечают, что в отличие от зарубежных авторов в российской военной науке характерен консерватизм и «ответственность в отношении к изменениям в системе понятий», например, в определении войны как социально-политического явления, «основным содержанием которого является широкое применение военной силы», как «крайняя форма борьбы» и т.д., что, по мнению авторов, показывает «отсутствие необходимости её расширительной трактовки и применения таких понятий как гибридная война, экономическая война и т.д.» (с. 54-55). Это – принципиальное заявление авторов, с которым, на наш взгляд, можно поспорить.

Именно в последние десятилетия характер враждебных действий и характер отдельных видов военных действий стал не просто «размытым», но и фактически не различимым: в Сирии, например, как и на Украине, формальное военное участие США и их коалиции не признаётся, но именно ими формируется ВПО в этих странах и регионах. Так, «внешние спонсоры» этих конфликтов – по сути скрытая форма признания их прямого участия в военных действиях, которая, учитывая абсолютную секретность операций, может оставаться таковой многие годы, но в действительности в решающей мере влиять на ход и исход военных действий, а не только военно-силового противостояния сторон.

Авторы работы также отмечают два важных дополнительных обстоятельства использования невоенных угроз и средств политики. Во-первых, приоритет невоенных средств и методов по обеспечению политических целей, который, на наш взгляд, радикально усиливается. Во-вторых, несиловые (невоенные) угрозы и меры их реализации отличаются наибольшим количеством разновидностей. Их структура по принципу объекта воздействия, по мнению авторов, аналогична военным мерам и средствам. Так, по масштабу, например, они могут быть глобальными и не носить абстрактный характер.

Невоенные опасности и угрозы

Отдельного внимания заслуживает раздел, посвящённый возможным невоенным мерам противодействия военным угрозам (с. 59-66), в котором подробно рассматривается не только сущность этих (невоенных) мер, но и основные факторы, определяющие характер угрозы, где в качестве источника военной угрозы

выступают различные противоречия. При этом следует обратить особое внимание на такой вид противоречия, как «цивилизационный», справедливо выделяемый авторами работы, но нередко игнорируемый в практической политической и военной деятельности.

Вместе с тем авторы акцентируют внимание прежде всего **на источнике** военной опасности и угрозы и необходимости воздействия на него силовым, либо даже военным способом. Это представление выглядит несколько устаревшим потому, что произошла очень серьёзная эволюция в характере угроз в последние десятилетия: смена основных приоритетов и объектов силового воздействия неизбежно влечёт за собой смену представлений об опасностях и угрозах. То, что считалось прежде самой важной и самой опасной угрозой, сегодня перестаёт быть таковой. В частности, если речь идёт о физической оккупации территории, которая сегодня может контролироваться ВКС и силами специальных операций.

На наш взгляд, в военной политике при выборе приоритетов гораздо эффективнее сегодня ориентироваться не на источник опасности или угрозы, а на **собственные национальные интересы** (например, уровень развития экономики, НЧК и др.), которые совсем не обязательно и неизбежно могут стать объектом для внешних опасностей и угроз. Гораздо опаснее, как оказывается, игнорирование собственных интересов, что и превращается во внутреннюю, но ещё более опасную угрозу. Как показывает опыт СССР, стремление провести реформы, ориентируясь на чужие ценности и интересы под предлогом снижения риска внешних угроз, привело к разрушению общества, экономики и государства – именно тому, чего больше всего и добивались наши внешние противники, но что было сделано (в том числе и под их влиянием) преимущественно «собственными силами».

Исключительно важное значение в работе имеет определение сущности невоенных мер, которые являются «комплексом мероприятий и действий, направленных на устранение противоречий между РФ и другими субъектами ВПО или снижение их конфликтности дипломатическими, политическими, информационными и экономическими мероприятиями» (с. 63).

На наш взгляд, это очень узкое и не вполне точное определение: невоенные (силовые) меры могут и являются средством не только военно-силовой политики, но и более широкой политики достижения национальных интересов, причём как оборонительных, защитительных, так и иных. Они приобретают всё более важное, иногда исключительное значение в современный период, не только «для устранения противоречий», но и для достижения вполне конкретных политических целей. Так, использование военной силы и не вооружённых отрядов самообороны в Крыму и на Восточной Украине в 2014 г. не являлось ни применением невоенной силы в ответ на военную угрозу, ни, тем более, использованием военной силы «в чистом виде». Асимметричность и гибридность силовых приёмов в политике в новом веке стало нормой, более того, неизбежностью.

Именно в результате такого подхода авторы предлагают схему основных направлений невоенных мер, которые они соотносят исключительно с «парированием военных опасностей и угроз» (с. 64). Между тем не только «парирование военных угроз», но и продвижение национальных интересов и ценностей является функцией невоенных силовых инструментов политики. Так, например, утверждение (или изменение) тех или иных национальных норм и правил, их продвижение и закрепление в международном праве и политической практике возможно и необходимо, но без силовых инструментов – нереально. И в этом можно согласиться с авторами, утверждающими, что «особенность невоенных мер состоит в их конкретно-историческом содержании» (с. 64). Как и с тем, что разработка таких мер должна проводиться заблаговременно. Более того, в реальной политике, если этого не происходит, то государство стремительно начинает терять свои позиции в мире. Так, свёртывание с конца 80-х гг. прошлого века в СССР и России своих инструментов силового невоенного применения в политике (фактическая ликвидация обществ дружбы, иностранных редакций, совместных проектов с женскими, молодёжными, профсоюзными и пр. организациями, отказ от работы с зарубежными институтами привели к тому, что среди всех многочисленных и порой очень эффективных невоенных инструментов политики остались только политико-дипломатические и небольшое количество СМИ, которые были уже не в состоянии содействовать продвижению системы ценности России за рубежом и привлекать союзников.

К сожалению, авторы порой формально-традиционно относятся к политико-дипломатической практике как системе невоенных мер, имеющей относительно небольшое значение и постепенно уступающей позиции инструментам «новой публичной дипломатии», которые напротив в возрастающей степени влияют на формирование современной МО и ВПО. В качестве иллюстрации можно привести активность Д. Трампа в социальных сетях, которая нередко становится важнее всех усилий Государственного департамента США (не случайно тот запланировал его существенное сокращение). Переговорный процесс в области ограничения и сокращения вооружений и военной деятельности только в вспалённом мозгу М.С. Горбачёва играл какое-то самостоятельное политическое значение. На самом деле это – всегда всего лишь средство, а не цель, **инструмент** политики, а не сама цель. Причём нередко – только военной политики, которая для США имела смысл только в случае односторонних уступок и компромиссов со стороны СССР и России. То, что это было именно так, доказывает одно простое обстоятельство: как только Россия перестала делать односторонние уступки, весь переговорный процесс превратился в затяжную и незначительную по своему политическому значению процедуру. Именно это происходит сегодня и последние годы. В настоящее время США форсировано разрушают все механизмы и договорённости в этой области просто-напросто потому, что они им уже не нужны при реализации нынешней военной и внешней политики силового

принуждения других субъектов ВПО. Такая политика силы, как известно, очень слабо сочетается с переговорами.

Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда авторы рассматривают военную политику России, «высшей целью которой они объявляют предотвращение военных конфликтов, обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства» (с. 67). Этот подход, безусловно, заметно сужает функцию военной политики, которая сводится в целом к защите национальных интересов и ценностей, причём не только государства, но и всей нации, общества и отдельных личностей. Это, вне сомнений, означает, что при необходимости военная политика **будет использовать вооружённое насилие для защиты этих ценностей и интересов, а не только служить целям стратегического сдерживания и предотвращения военных действий (СС и ПВД)**. Кстати, сами авторы в предлагаемом изображении структуры военной политики, говоря о внутренней и внешней её стороне, вполне определённо упоминают как возможность и необходимость применения военной силы для разрешения внутренних, так и внешних конфликтов (с. 69).

В целом, говоря о теоретической и методологической части работы по исследованию военной организации России, можно вполне согласиться со смелыми и обоснованными выводами, смысл которых сводится к тому, что существующие теоретические представления в российской науке уже отстают от реалий и не могут служить локомотивом в развитии военно-теоретической мысли. При этом, особенно важное значение, на наш взгляд, приобретает утверждение военных экспертов о том, что «в современных условиях очевидна возрастающая роль невоенных угроз и враждебных акций практически без применения военной силы...» (с. 74).

Научно-методический аппарат

Для того, чтобы иметь право сделать такие выводы, авторы проделали большую работу, включая деятельность по созданию научно-методического аппарата (НМА) оценки состояния военной безопасности, который включает целый комплекс аналитических методик – оценки конфликтного потенциала намеренных субъектов ВПО, военного потенциала противостоящего субъекта, влияния силового стратегического сдерживания РФ на ВПО, каждая из которых в свою очередь состоит из целого ряда частных методик. Часть из них заимствованы авторами, но часть – оригинальны, разработаны специально в интересах исследования. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет построение авторами концептуальной модели национальной безопасности и модели формирования национальной и военной безопасности РФ (с. 86-87).

Особенный интерес может вызвать раздел, посвящённый формированию военно-политической обстановки (раздел 2.1.1.), в котором авторы исследовали напряжённость отношений между РФ и одним из субъектов ВПО, зависящую

прежде всего от конфликтности военной политики оппонента и его военного потенциала. Предложенные подходы и методы аналитического исследования, безусловно, могут быть полезны, а сам подход – выбор показателя «обобщённый конфликтный потенциал» и «потенциал конфликта интересов» – обоснован.

Представляет также интерес попытка классификации ВПО по масштабу (ВПО в мире, в регионе, в отдельной стране, в части страны), с которой, однако, можно поспорить. На наш взгляд, существует наиболее глобальная ВПО, в рамках которой (как и в рамках глобальной МО) формируются региональные и страновые ВПО, т.е. отдельные ВПО могут рассматриваться как часть от более общей. Так, глобальная ВПО характеризуется конфронтацией между Россией и западной военно-политической коалицией, которая вытекает из глобальной МО. Соответственно, региональная ВПО, например, в Передней Азии (в Юго-Восточном Средиземноморье и Ближнем Востоке) характеризуется преимущественно этими факторами, хотя наличие огромного числа региональных и локальных субъектов и акторов существенно дополняет эту характеристику. Тем не менее, региональная ВПО, а тем более ВПО в стране не может принципиально противоречить глобальной.

Этот спор носит отнюдь не только теоретический, но и прикладной характер. Так, в Сирии, например, влияние «внешних спонсоров» террористов – стран-участниц западной военно-политической коалиции, предопределяет весь процесс регионального развития ВПО, хотя, надо признать, некоторые эксперты отдают предпочтение большему влиянию местных факторов. Причём эти эксперты относятся как к числу сотрудников МО РФ, так и числу ответственных сотрудников МИД.

Можно также согласиться и признать полезной попытку классифицировать ВПО на ВПО «мирного времени» и «военного времени», а также по степени изменчивости – на «стабильную», «нестабильную» и «переходную» (с. 99-105), в соответствии с которыми предлагаются критерии напряжённости ВПО и приняты попытки их количественного анализа. Особенно интересна частная методика оценки эффективности невоенных мер снижения напряжённости ВПО, основанная на политико-дипломатических отношениях субъектов ВПО в зависимости от их уровня, оцениваемого по специальной шкале от 1.1 до 1.4 и 2.1 до 2.4.

Определённое теоретическое и методологическое значение имеет обращение авторов к очередной попытке оценить состояние военного потенциала государств, которое вызывало многочисленные споры. Эта попытка предназначена для получения количественных оценок состояния военного потенциала государства относительно ситуации на глобальном и региональном уровне. Авторы выделяют ряд показателей (с. 135-138), которые сознательно ограничивают по их количеству наиболее важными, полагая, что в каждой из групп достаточно по 3–8 показателей, что, на наш взгляд, недостаточно. Мы не предлагаем (как это делается в некоторых исследованиях ООН, где присутствует более 200

показателей и критериев) сделать их численность, но современные возможности сбора и обработки информации вполне позволяют увеличить численность таких показателей до нескольких десятков, даже сотни. Так, рассматривая показатель военно-экономического потенциала, авторы используют шесть критериев (с. 137, один из которых – ВВП страны – требуется конкретизировать и дополнить такими понятиями, как наукоёмкость, производительность труда, объёмы приборостроения и т.д., включая показатели бюджета и внешней торговли).

Особенный интерес вызывает попытка авторов сценарного планирования развития МОиВПО, которой уделяется в работе значительное внимание, и которая особенно актуальна в последние годы. В частности, авторы выделяют в качестве наиболее вероятных следующие: «Жёсткая глобализация», «Умеренная глобализация», «Биполярность 2.0», «Возвышение Китая», «Регионализация» и «Хаос», которые рассматриваются под различными углами зрения и с точки зрения наибольшей вероятности их реализации (с. 335-374). В целом мы согласны с основными направлениями исследования и анализа, и прежде всего, с выводом относительно возможности построения реалистических моделей и прогноза, получения «объективного и достоверного результата... прогнозирования МО и ВПО», сделанных авторами работы, хотя в ряде случаев и использую другие методологические приёмы.

Наконец, для многих интересна и особенно актуальна будет третья часть исследования, посвящённая основам методологии ресурсно-экономического обеспечения строительства и развития военной организации Российской Федерации, в частности, влиянию основных внешних факторов и последствий развития различных военно-политических сценариев (с. 376-455). В частности, когда речь идёт об использовании совокупности методик, построенных на основе динамической стохастической модели общего равновесия макроэкономического анализа и прогнозирования для военного планирования (ДиСОР МАП ВП).

В качестве закономерного и естественного результата проведённого комплексного исследования авторы обосновывают основные задачи перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, в качестве которых они подчёркивают необходимость создания системы моделирования ВС РФ, информационного обеспечения взаимодействия ситуационных центров и особенностей мониторинга угроз национальной безопасности России (с. 457-470). Особенно акцентируют авторы своё внимание на необходимости создания системы поддержки принимаемых решений (СППР), обосновывая её функции, основные задачи и структуру, а также очерчивая строго те требования, которым она должна соответствовать.

Подытоживая, могу сказать, что рецензируемая работа представляет собой оригинальное, добросовестное и поисковое исследование, которое сегодня крайне необходимо при обсуждении и реализации планов военного строительства в долгосрочном периоде в связи с поручением Президента РФ правительству о

подготовке соответствующего прогноза и плана развития до 2024 г., а также для стимула в активизации научно-исследовательских работ в области стратегического прогнозирования и планирования.

Особенное значение имеет тот факт, что работа стала результатом исследования большого коллектива людей, которые в течение нескольких лет концентрировали своё внимание исключительно на этой проблематике. Этот сделало результат поисков ещё более значимым и весомым.

Об авторах:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всеобщей и отечественной истории МГИМО, директор Центра военно-политических исследований МГИМО – Концерна ВКО «Алмаз-Антей», академик АВН и РАЕН.

Евгений Анатольевич Дербин – д.воен.н., профессор Финансового уни-верситета при Правительстве Российской Федерации.

THE FUTURE IMAGE OF THE MILITARY ORGANIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.A. Derbin, A.I. Podberezkin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-210-224

Financial University under the Government of the Russian Federation

Book under review: «The concept of future appearance of power components of the military organization in the Russian Federation» edited by S.R. Tsyrendorzhiev. 46th Central research Institute of the Ministry of defense of Russia, 2018. 521 p.

The book under review is a collective monograph edited by S.R. Tsirendorzhiev, B.V. Kuroedov, A.O. Medin, O.V. Sandarov, V.L. Gladyshevskii, E.V. Gorgol, R.S. Belorosov, S.V. Brezgin, A.S. Zheltukhin and M.V. Timofeyev. The monograph is devoted to the justification of long-term appearance of force components of the military organization in the Russian Federation.

Key words: international and military-political situation, military policy, Ministry of defense, military construction, threats without danger.

About the authors:

Alexey I. Podberezkin – Doctor of Historical Sciences, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.

Evgeny A. Derbin – Doctor of military Sciences, professor of Finance University under the Government of the Russian Federation.

СЛИШКОМ МНОГО НОРМ ИЛИ СЛИШКОМ МАЛО НОРМ? «НОРМАЛЬНАЯ АНОМИЯ» КАК НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

И.В. Катерный

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / [Н.Н. Зарубина и др.]; под общей ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.

В рецензируемом издании предложен новый систематический подход к анализу сложных явлений современного мира на основе концептуализации понятия «нормальной аномии». Показано, что «нормальная аномия» представляет собой характерную для сложного социума дисперсию ценностей и норм, сопровождающуюся перманентной неопределённостью во всех сферах жизни общества. В рецензии отмечаются общие и отличительные черты нормальной аномии по сравнению с классическими представлениями о социальной дезорганизации, разработанными Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Ж. Батаем и др.

Ключевые слова: нормы, аномия, нормальная аномия, риски, уязвимости, доверие.

По мере развития социологической теории в XX в. проблематика нормативности по целому ряду объективных и субъективных причин исчезла из социологического мейнстрима, переключившись в смежные с социологией социальные и поведенческие дисциплины – психологию, биологию, антропологию, криминологию и др. Однако, в XXI в. новые вызовы нормативному порядку со стороны побочных эффектов модернизации, глобализации и технологи-

УДК 303.01

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.

Принята к публикации 12.05.2018 г.

ческих инноваций заново поставили вопросы о нарративном кодировании и декодировании ценностей добра и зла, жизни и смерти, знания и не-знания в современной культуре. Относительно недавно в социологии начали предприниматься заметные шаги по возрождению интереса к феномену нормативности, связанные в первую очередь с проектом «новой» социологии морали С. Хитлина и С. Вэйси, а также усилиями ряда крупнейших современных социальных теоретиков (Й. Элстер, Р. Будон, Дж. Тернер, Дж. Александер, С. Тернер и др.). Признание необходимости переосмысления некоторых релевантных этой проблематике теорий и понятий (в частности, «нормы», «морального убеждения/верования», «социетальной реакции на трансгрессию» и т.п.) требует обращения как к классическим истокам социологического мышления, так и к современным концепциям социальных изменений.

В отечественной социологии в последнее время также стали появляться работы, ориентированные на возрождение проблематики нормативности и нормативного морфогенеза как ключевой для социологии [6; 8; 9]. В этом контексте выход в свет коллективной монографии под редакцией профессора МГИМО С.А. Кравченко «“Нормальная аномия” в России и современном мире» стало ещё одним важным вкладом в развитие этого направления социологии. Книга включает в себя девять глав, посвящённых различным нормативным аспектам социальной действительности и объединённых идеей необходимости переоткрытия аномии как классического концепта социологической науки для описания и анализа процессов социальных и нормативных изменений.

Как мы можем охарактеризовать происходящие сегодня глобальные социальные изменения с нормативной точки зрения? Для этого философы и социологи прибегают к различным метафорам, неизменно акцентирующим нормативные и ценностные разрывы и смещения. Ж. Бодрийяр говорит о наступлении эпохи «тотальной симуляции», Дж. Ритцер пишет о «глобализации Ничто», З. Бауман описывает мир через процессы «адиафоризации», т.е. деморализации, накопления «моральной слепоты» и распространения «текущего зла». Однако в истории социологии есть именно научное понятие, которое имеет мощный эвристический потенциал для анализа современности с позиции нормативного морфогенеза. И это понятие аномии, которое в последние десятилетия непременно связывают с именем Р. Мертона, активно популяризовавшего его в своей теории девиаций, но именно от этого получившего очень сильные функционалистские (читай – устаревшие) коннотации.

В книге «“Нормальная аномия” в России и современном мире» авторы делают попытку реконцептуализировать аномию в русле современной социологии рисков и уязвимостей.

Как известно, сам термин «аномия» был введен Э. Дюркгеймом в социологию в скрытой полемике с К. Марксом о природе общественного разделения труда [2] как альтернатива понятию отчуждения. В противоположность Марксу Дюркгейм не видел имманентного классового конфликта в сфере материальных

отношений, если эти отношения урегулированы нормативным консенсусом. Более того, историческое развитие системы разделения труда ведёт не к ослаблению, а усилению этого консенсуса. Общество, по Дюркгейму, есть, прежде всего, ценностно-нормативное, а точнее, моральное сообщество. Однако, ускорение социальных изменений в современном мире может вести к эксцессам дерегуляции моральной сферы в ситуации экономических кризисов, столкновения классовых интересов или излишней профессионализации. В своей более поздней работе «Самоубийство» [3] Дюркгейм выделял уже две формы аномии – «хроническую» (иногда даже называемую «нормальной», когда речь идёт об «алчных вожделениях» коммерсантов), связанную с быстрым ростом экономического благополучия общества, и «острую», которая возникает в ситуации неожиданной утраты нормативных оснований действия (от развода до банкротства). В этом смысле привычный перевод «аномии» как общественного «безнормия», т.е. нормативного вакуума, не является полным. Такая ситуация характерна только для острой аномии, в то время как хроническая подразумевает избыток норм, но в то же время и их регулятивную слабость в сдерживании всё новых и новых человеческих импульсов. Поэтому, как утверждают некоторые исследователи, аномию обобщённо следует трактовать как «страдание, причиняемое от несдержанности желаний» [10, р. 16]. Оно может происходить либо из-за отсутствия референтных норм и нерегламентированной свободы, либо, наоборот, от невозможности удовлетворить все свои желания.

Какая же аномия свойственна современной эпохе? С.А. Кравченко как автор оригинальной идеи [6] обосновывает наличие в ней третьего типа, а именно новой «нормальной аномии», квинтэссенцией которой является производство и воспроизводство «перманентных неопределённостей во всех сферах жизни» (с. 54). Источником этих неопределённостей являются социальные «метаморфозы», т.е. радикальное усложнение общества в виде нелинейных трансформаций общественного сознания и социальных структур. Социальные нормы приобретают короткоживущий и одновременно трансгрессивный характер. Парадоксы, кентавризмы и антиномии, подчёркивает автор, приходят в нашу жизнь не на время, а навсегда. Возникновение и взрывной рост феноменов «не-мест», «не-людей», «не-вещей», «не-знания» и т.п. способствуют пролиферации нового, на наш взгляд, явления, о котором Дюркгейм вряд ли мог помыслить – явления «не-норм» как сочетания нормативно несочетаемого или как нормативно пограничного и неуловимого. Поэтому развиваемая авторами концепция нормальной аномии, отражая реалии сложного социума, подразумевает анализ «совокупности уязвимостей в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» (с. 18). В этом отношении заслуживает внимания данный в книге анализ такой характеристики нормальной аномии как парадоксальное сочетание рискофобии и рискофилии в человеческой деятельности. Сосуществование в одном социальном пространстве разных типов риска – традиционных рисков, рисков «общества риска» и «мирового общества

риска» – несут с собой определённые уязвимости для отдельных индивидов и общества в целом и заставляют рефлексировать относительно этих вызовов в форме страха и одновременно тяги к опасностям и угрозам. Нынешняя рискофобия амбивалентна для функциональности общества. С одной стороны, по мере нарастания рукотворного риска сам риск становится более “рискованным” и мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем это лишь тогда, когда уже слишком поздно. Люди, живущие в обществе риска, становятся озабоченными не только своим культурным развитием, благосостоянием, но и гиперчувствительными к страхам от нарастания рисков. С другой стороны, будучи значимой частью общественного сознания, рискофобия позволяет избегать наиболее деструктивных последствий сложных рисков. Как указывает автор, в современной России в противовес либерализму, его принципам формализма, прагматизма и меркантилизма, культуре опасности, появились ростки гражданских инициатив и социальных движений, ведущих поиск альтернативных векторов человеческой деятельности (с. 59). Нормальная аномия также предполагает, что по мере дисперсии безопасности в обществе наряду с тенденцией рискофобии зарождается и получает развитие рискофилия, т.е. тяга к рискогенной активности, всему тому, что вызывает позитивные эмоции от деятельности, сопряжённой с повышенной степенью риска – от рискованных селфи до наёмничества. Если в индустриальном модерне в контексте доминирующего дискурса принятие заведомо опасных практик, которых можно было рационально избежать, трактовалось как “девиация”, то в обществе риска дискурсивной нормой для многих людей становится добровольное принятие риска. И в XXI в. рискофобия и рискофилия могут существовать не столько параллельно, но и создавая парадоксальные синтезы, подпитывая друг друга и побуждая людей к избеганию и к желанию рисков одновременно.

Конкретные формы и проявления рискогенности нормальной аномии рассмотрены другими авторами монографии на примерах разрывов в нравственных ориентациях российской молодёжи (глава 3), в практиках семейных отношений (глава 4), в социальных группообразованиях (глава 5), в символических контекстах социального неравенства (глава 6), в мифологии денег как символе «ничто» и «нечто» в сознании россиян (глава 7), а также в сфере религиозных практик и конфликтов, включая религиозный терроризм (глава 8) и, наконец, в области цифровой коммуникации (глава 9).

Итак, нормальная аномия ведёт к переопределению режимов морального оправдания действия и закреплению новых пределов возможного. В своих поздних работах Э. Дюркгейм совместно с М. Моссом открыли феномен нормативной трансгрессии в некоторых первобытных религиозных практиках, позволяющих членам сообщества иногда и при определённых условиях переходить границу между профанным и сакральным миром, нарушая тем самым строгие запреты и табу [7; 11]. Это было первым проявлением нормальной аномии в традиционном обществе, но её особенность заключалась в том, что подобные ситуации нор-

мативной трансгрессии носили регулярный, но всегда строго регламентированный и временный характер. Освобождение накопленной внутренней природной «ярости» коллективного организма, большую часть общественной жизни сдерживаемой социальными нормами базовой реальности, выполняла важную легитимирующую роль, т.к. временное ритуализированное снятие нормативных запретов вело не к разрушению социума, но к освящению существующего социального порядка. Как позднее об этом писал Ж. Батай, «организованная трансгрессия образует вместе с запретом единое целое, которым и определяется общественная жизнь. Никакая частота и регулярность трансгрессий сама по себе не вредит незыблемости запрета, будучи всегда его обязательным дополнением, подобно тому, как диастола дополняет систолу, или как взрыв провоцируется предшествующим ему сжатием» [1, с. 534]. В современном же мире мы видим рутинизацию трансгрессии в виде формирования пространства не-норм и соответствующих рискованных практик, элиминирующих онтологические и нормативные границы между человеческим и субчеловеческим (например, через легитимацию прав эмбрионов), между культурным и природным (например, через радикальные модификации тела), между живым и не-живым (например, через задействование гуманоидных роботов), а также между физическим и нефизическим (например, через развитие онлайн-коммуникации) [5]. Таким образом, происходит становление особой постсоциальности, где наряду с «морфологической свободой» (М. Мор, А. Сандберг) и «плоской онтологией» (М. ДеЛанда, Г. Харман и др.) нормальная аномия становится её характерным атрибутом.

В то же время, на наш взгляд, не следует сбрасывать со счетов и другие активные виды аномии, описанные и Дюркгеймом, и Мертоном. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, самой распространенной болезнью XXI в. становится депрессия¹, которая связывается с отсутствием у людей интереса к жизни (ангедонией). Причины такого состояния учёным до конца неизвестны, но ещё Дюркгейм писал, что в современном обществе «даже одно ощущение усталости способно породить безнадежное разочарование, ибо трудно не почувствовать в конце концов всей бессмысленности погони за недостижимым» [3, с. 342]. Другим словами, социальная хроническая аномия (аноміе) в условиях всё нарастающей конкуренции и бесконечных стрессов порождает у людей перманентную внутреннюю дезорганизацию, которую Мертон в своё время предложил описывать отдельным понятием «аноміа» и которая приобретает сегодня масштабы мировой пандемии в виде депрессии.

Можно ли бороться с аномией? Как указывают авторы монографии в конце книги, выживание в условиях нормальной аномии ставит вопрос об укреплении институтов и ценностей доверия как единственно возможном основании новой солидарности и социального порядка. На глобальном уровне речь должна идти о формировании космополитической этики, основанной на признании поликульту-

¹ Информационный бюллетень ВОЗ № 369 (февраль 2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/> (дата обращения 01.02.2018)

турных форм жизни; на национальном уровне необходимо укреплять гражданское доверие к институтам власти, СМИ, медицине, призванных обеспечивать качественный уровень жизни людей; на микроуровне требуются усилия по гуманизации человеческих отношений на основе гуманистически ориентированного знания (с. 280). И социология в форме новой социологии жизни, строжайшей которой выступает изучение проблем гуманизации человеческих отношений, могла бы внести существенный вклад в обоснование новых форм доверия и признания между людьми.

Список литературы

1. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2006. С. 491-705.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
5. Катерный И.В. Новая онтология и проблема социального порядка // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров — Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 2556-2580.
6. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.
7. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. СПб.: Евразия, 2000. С. 9-106.
8. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.
9. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Юнити-Дана, 2008. 543 с.
10. Coleman M. Anomie: Concept, theory, research promise. (Senior Honors Thesis). Oberlin College, 2014. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=oberlin1402101670&disposition=inline (дата обращения: 01.02.2018).
11. Durkheim E., Mauss M. Primitive classification. London: Cohen & West, 2009.

Об авторе:

Илья Владимирович Катерный – к.ф.н., с.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент МГИМО МИД России; 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: yarkus@mail.ru.

TOO MANY OR TOO FEW NORMS: “NORMAL ANOMIE” AS A NEW DEFINITION OF THE PRESENT TIMES

I.V. Katernyi
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-225-231

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Book under review: "Normal'naya Anomiya" v Rossii i Sovremennom Mire [Normal Anomie In Russia And Modern World]. Ed. S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University, 2017. (In Russian). 281 p.

The reviewed publication features a new comprehensive approach to grasp current complexities of the modern society by developing the conception of normal anomie. Authors contribute to reveal the nature of normal anomie as a dispersion of norms and values which entails a permanent reproduction and proliferation of risks and uncertainties in all spheres of human activity. In the provided review, normal anomie is addressed in reference to its common and distinctive features compared with classical sociological conceptions of societal and normative disorganization found in the works of such preeminent scholars as E. Durkheim, R.K. Merton, G. Bataille et al.

Key words: social norms, anomie, normal anomie, risk, uncertainties, trust.

References

1. Bataille G. *Erotika* [Erotism]. Proklyataya chast': Sakral'naya sociologiya. Moscow, 2006. (In Russian).
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow, 1996 (In Russian).
3. Durkheim E. *Samoubiystvo: sociologicheskiy etyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow, 1994 (In Russian).
4. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and developments]. Moscow, 2013 (In Russian).
5. Katernyi I.V. Novaya ontologiya i problema social'nogo poryadka [New ontology and social ordering]. *Sociologiya i obshchestvo: social'noe neravenstvo i spravедlovost'. Proceedings of the V All-Russian sociological congress (Yekaterinburg, 19-21 October 2016)*. Moscow, 2016. P. 2556-2580 (In Russian).
6. Kravchenko S.A. "Normal'naya anomiya": kontury koncepcii [Normal anomie: framework of a conception]. *Sociologicheskiye issledovaniya*. 2014, no.8, pp. 3-10 (In Russian).
7. Mauss M. Oчерк o prirode i funkcii zhertvoprinosheniya [Sacrifice: its nature and functions]. *Social'nye funkcii svyashchennogo*. Saint Petersburg, 2000 (In Russian).
8. *Normy i moral' v sociologicheskoy teorii: ot klassicheskikh koncepciy k novym ideyam* [Norms and morals in sociological theory: from classical conceptions to new ideas]. Moscow, 2017 (In Russian).
9. Toshchenko Zh.T. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow, 2008 (In Russian).
10. Coleman M. *Anomie: Concept, Theory, Research Promise*. (Senior Honors Thesis). Oberlin College, 2014. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=oberlin1402101670&disposition=inline (accessed 01.02.2018).
11. Durkheim E., Mauss M. *Primitive Classification*. London: Cohen & West, 2009.

About the author:

Ilya V. Katernyi – PhD. in Philosophy, Senior Researcher at Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at MGIMO-University. Krzhizhanovskogo Street, 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: yarkus@mail.ru.